

Николас Спаркс Незабываемая прогулка (Спешите любить)

Пролог

Когда мне было 17, моя жизнь изменилась навсегда.

Я знаю людей, которые удивляются, когда я так говорю. Они смотрят на меня странно, пробуя понять — что же могло произойти, поэтому я редко утруждаю себя объяснениями. Я прожил здесь почти всю свою жизнь, и понимаю, что объяснение взяло бы намного больше времени, чем большинство людей согласилось бы потратить. Моя история не поместится в двух или трех предложениях; её не сожмешь во что-то опрятное и простое, что люди немедленно поняли бы. Несмотря на то, что прошло сорок лет, люди, все еще живущие здесь, кто знал меня в том году, принимают мой недостаток объяснения без вопросов. Моя история до некоторой степени — их история, потому что мы вместе её пережили.

Но эта история была наиболее тесно связана именно со мной. Мне пятьдесят семь лет, но даже теперь я могу вспомнить все, что случилось в том году, включая наименьшие детали. Часто я возрождаю тот год в моем сознании, возвращая его к жизни, и я понимаю, что, когда это происходит, я чувствую странную комбинацию печали и радости. Есть мгновения, когда мне жаль, что я не могу заставить часы пойти вспять и убрать всю печаль, но я понимаю, что с печалью ушла бы также и радость. Так что я принимаю воспоминания, позволяя им вести меня всякий раз, когда у меня есть возможность. Но это случается намного чаще, чем можно было бы заметить по мне.

Сегодня — 12 апреля, день последнего года тысячелетия, и поскольку я оставляю свой дом, я оглянулся вокруг. Небо пасмурно и серо. Спускаясь по улице, я замечаю, что цветут кизилы и азалии. Я немножко застегнул жакет. Температура прохладна, хотя я знаю, что это — только вопрос нескольких недель, прежде чем все уладится, и серые небеса уступят тем дням, которые делают Северную Каролину одним из самых красивых мест в мире. Вдыхая, я чувствую, как воспоминания возвращаются ко мне. Я закрываю глаза, и годы медленно текут вспять, подобно стрелкам часов, вращающихся в обратном направлении. Как бы со стороны я наблюдаю за тем, как становлюсь моложе; мои волосы изменяют цвет седины на коричневый, я чувствую, как морщины вокруг моих глаз начинают сглаживаться, мои руки и ноги становятся мускулистее. Уроки, которые я узнал с возрастом, уходят, и моя простота возвращается также, как и тот богатый на события год.

Тогда, подобно мне, мир начинает изменяться: дороги становятся уже, а некоторые преобразуются в гравий, который жители пригорода укладывали вместо грунтовок, улицы центра города изобилуют людьми, смотрящими в окна пекарни «Свини» и мясной лавки «Полка». Мужчины носят шляпы, женщины одеты в платья. В здании суда вверх по улице, звонили колокола...

Я открываю свои глаза и замираю. Я стою недалеко баптистской церкви, и, смотря на фронтон, я точно знаю кто я. Меня зовут — Лендон Картер, и мне семнадцать лет.

Это — моя история; я обещаю не упустить ни малейшей детали.

Сначала Вы улыбнетесь, а затем будете плакать — только потом не говорите, что Вас не предупреждали.

Глава первая

В 1958 году, город Северной Каролины — Бьюфорт, расположенный на побережье около Морхед Сити, был местом подобным многим другим маленьким южным городам. Влажность летом повышалась настолько, что, выходя получить почту, человек нуждался в

душе, и дети гуляли вокруг босыми с апреля до октября под дубами, покрывшимися испанским мхом. Люди махали руками из своих автомобилей всякий раз, когда они видели кого-то на улице, неважно, знали они его или нет, и воздух пахнул сосной, солью, и морем — ароматом, уникальным для всей Каролины. Для многих из людей, живущих там, ловля рыбы в заливе Памлико или ловля крабов в реке Ньюс были образом жизни, и лодки были пришвартованы везде по всей длине Берегового канала. У нас было только три телевизионных канала, поэтому телевидение не было важно для тех из нас, кто вырос здесь. Вместо этого наши жизни были сосредоточены вокруг церквей, из которых было восемнадцать в пределах города. Их названия были подобны — Церковь Друзей Христиан, Церковь Прощеных Людей, Церковь Воскресного Искупления, и конечно, это были баптистские церкви. Когда я рос, это было бесспорно самое популярное вероисповедание, и баптистские церкви были фактически на каждом углу города, поэтому каждый для себя выбирал в какую церковь приходить. Церкви были разных типов — Баптисты Свободного Выбора, Южные Баптисты, Баптисты для прихожан, Баптисты миссионеры, Независимые Баптисты... думаю, картина ясна.

Большое событие года произошло при содействии церкви Южных Баптистов, находящейся в центре города, и местной средней школой. Каждый год они ставили свое Рождественско-театрализованное представление в театре Бьюфорта, это была пьеса, написанная Хегбертом Саливаном — священником, который был с церковью с тех самых пор, когда Моисей разделил Красное море. Ну, возможно он не был так стар, но достаточно для того, чтобы Вы могли почти видеть кости через его кожу. Он был на вид липким все время, и прозрачным настолько, что дети поклялись бы, что они фактически видели, как кровь текла через его вены — и его волосы были столь же белы как те кролики, которых Вы видите в зоомагазинах накануне Пасхи.

Так или иначе, он написал пьесу «Рождественский Ангел», потому что он не хотел повторение «Рождественского гимна» старого классика Чарльза Диккенса. По его мнению, Скрудж был язычником, который убежал, потому что видел духов, не ангелов — и должен был сказать — не послал ли их Бог? Он должен был сказать, что не возвратился бы к своим греховным путям, если духов не послали непосредственно с небес? Пьеса точно не расставляла все точки в конце — она из тех пьес, рассчитанных на веру — но Хегберт не доверяли бы духам, если бы их не послал Бог, и не принимал по этому поводу простых объяснений, и это была его большая проблема. Несколько лет назад он изменил конец пьесы своей собственной версией, сделав из старика Скруджа проповедника, убравшего все препятствия к Иерусалиму, чтобы найти место, где Иисус однажды поучал книжников. Это не воспринималось слишком хорошо — даже прихожанами церкви, которые сидели в аудитории и смотрели спектакль с широко открытыми глазами — а в газете писали, что-то наподобие: «Хотя это было и интересно, но она не была той пьесой, на которую мы приходим, чтобы учиться и любить...»

Так что Хегберт решил попробовать написать собственную пьесу. Он писал свои собственные проповеди сам, и некоторых из них, мы должны признать, были достаточно интересны, особенно когда он говорил о «гневе Божем, сходящем на блудливых». Кровь его вскипала, когда он говорил о блудливых людях. Это было его больным местом. Когда мы были моложе, мои друзья, и я скрывались позади деревьев и кричали, «Хегберт — блудливый!», когда он спускался по улице, и мы хихикали подобно идиотам, как будто мы были самыми остроумными существами когда-либо населявших планету.

Старый Хегберт становился вкопанным, наостривал уши, Богу клянусь, они фактически двигались — оттенок его кожи становился красным, как будто он только что выпил бензин. Большие зеленые вены в его шее становились отчетливо видны, подобно тем картам реки Амазонка, которую Вы видите в «Национальной Географии». Он смотрел по сторонам, его глаза сужались, когда он искал нас, и затем внезапно начинал идти снова бледным с тусклой кожей, прямо перед нашими глазами. Поверьте, было на что посмотреть.

Итак, мы скрывались позади дерева и Хегберт (какие же родители называют своего

ребенка Хегбертом?) стоял на месте и ждал, когда же мы выдадим себя, как будто думал, что мы настолько глупы. Мы закрывали рты руками, чтобы не было слышно наш смех, но так или иначе он не отступал. Поворачивая голову по сторонам, он затем останавливал свои глаза-бусинки напротив нас, как будто видя нас через дерево. «Я знаю, кто ты — Лендон Картер», сказал он, «и Господь знает, также». Он переводил дыхание в течение минуты и затем, наконец, уходил, и в течение проповеди в тот уик-энд он смотрел прямо на нас и говорил что-то подобно «Бог милосердный к детям, но дети должны быть также достойны». И мы медленно погружались в свои сидения, не от стыда, но чтобы скрыть новый приступ хихиканья. Хегберт не понимал нас вообще, это было действительно странно, так как у него был ребенок. Но ребенком была девочка. Детали будут позже.

Так или иначе, как я и сказал, однажды Хегберт написал «Рождественский Ангел» и решил поставить пьесу. Пьеса не была плоха, и фактически её премьера удивила каждого. Это — в основном история мужчины, который потерял жену несколько лет назад. Этот парень, Том Торнтон, был действительно религиозным, но у него случился кризис веры после того, как его жена умерла во время родов. Он воспитывает свою маленькую девочку самостоятельно, но он не был самым лучшим отцом. Маленькая девочка очень хочет на Рождество — особенную музыкальную шкатулку с ангелом, гравированным на крышке, картину которую она вырезала из старого каталога. Парень ищет подарок долго и настойчиво, но нигде не может найти его. Наступает Сочельник, но он все еще ищет, и в то время как он осматривает магазины, наталкивается на странную женщину, которую никогда не встречал прежде, и она обещает помочь ему найти подарок для дочери. Но сначала, они помогают бездомному человеку (к слову их называли бродягами), затем они останавливаются в приюте, чтобы навестить некоторых детей, затем посещают одинокую старуху, которая хотела провести Сочельник в компании. После этого таинственная женщина спрашивает Тома Торнтон, что он хочет на Рождество, и он говорит, что он хочет вернуть свою жену. Она приводит его к городскому фонтану и говорит ему посмотреть в воду, чтобы найти то, что он искал. Когда он посмотрел в воду, то увидел лицо своей маленькой девочки, и он не выдерживает и начинает плакать. В то время как он рыдает, таинственная леди исчезает, и как Том Торнтон не искал, не смог найти ее. В конечном счете, он приходит домой, размышляя над полученным уроком. Он идет в комнату своей маленькой девочки, и ее спящая фигура заставляет его понять, что она — все, что осталось от его жены, и он начинает плакать снова, потому что понимает, что не был достаточно хорошим отцом для неё. Следующим утром, волшебным образом, под ёлкой появляется музыкальная шкатулка, и ангел, выгравированный на ней, точно походит на женщину, которую он видел прежде ночью.

Так что пьеса была действительно не плоха. Если говорить правду, люди выплакивали слезы ведрами, всякий раз, когда они смотрели её. Пьеса получала аншлаг каждый год, и из-за её популярности, Хегберт, в конечном счете, должен был перенести её постановку из церкви в Театр Бьюфорта, который имел намного больше мест. К тому времени, когда я стал старшеклассником в средней школе, представления шли дважды, и, по мнению участвующих в пьесе, данная история была о них самих.

Понимаете, Хегберт хотел, чтобы старшеклассники принимали участие в пьесе, а не театральная группа. По моему мнению, он думал, что это будет хороший опыт для старшеклассников, перед тем как они поступят в колледж и встретятся лицом к лицу с блудливыми людьми. Он был из тех людей, которые желают спасти нас от искушения. Он хотел, чтобы мы знали, что Бог наблюдает за Вами, даже когда Вы — вне дома, и если Вы доверитесь Господу, Вы не будете сожалеть в конце. Это был урок, который я, в конечном счете, изучил вовремя, хотя преподавал его мне не Хегберт.

Как было сказано ранее, Бьюфорт был довольно типичен, как и все южные города, хотя имел действительно интересную историю. Пират Блекберд однажды имел там дом, и его судно «Месть Королевы Анны», возможно, захоронен где-нибудь в песке недалеко от берега. Недавно некоторые археологи или океанографы или другие искатели вещей, сказали,

что они нашли его, но не было ни одного уверенного в том, что это именно он. Корабль утонул более чем 250 лет назад, и не было возможности зайти в архив и проверить это. Бьюфорт прошел длинный путь, начиная с 1950-ых, но он — все еще не главная столица или что-то вроде этого. Бьюфорт был, и всегда будет занимать небольшую часть, но когда я вырос, он только гарантировал себе место на карте. В перспективе, избирательный округ по выборам в конгресс, который включал Бьюфорт, охватил полную восточную часть штата — где-то двадцать тысяч квадратных миль — и не было ни одного города с населением большим, чем двадцать пять тысяч человек. Даже по сравнению с теми городами, Бьюфорт был мал. Всё к востоку от Роли и к северу от Уилмингтона, полностью к границе с Виргинией, было районом, который представлял мой отец.

Я предполагаю, что Вы слышали о нем. Он — легенда, даже теперь. Его зовут Ворс Картер, и он был конгрессменом в течение почти тридцати лет. Его лозунг каждый год в течение выборов был «Ворс Картер, представляет...» и человек, как предполагалось, заполнял имя города, где он или она жили. Я припоминаю, когда мама и я находились в поездках, чтобы быть на людях с моим отцом и показать, что он был истинным мужчиной семейства, мы видели те наклейки на бамперах, заполненные именами подобно Отуэй, Чокевинити, Севен Спрингз. В настоящее время такие вещи не работают, но тогда они были, безусловно, изощренной рекламой. Я представляю, что если бы он попробовал сделать это теперь, люди, выступающие против него, вставили бы нелитературные слова в пустом месте, но тогда мы не видели этого ни разу. Ну, может быть однажды. Фермер округа Дуплин однажды написал слово «дерьмо» в пустом месте, и когда моя мама увидела это, она закрыла мои глаза и сказала молитву, прося о прощении бедного неосведомленного ублюдка. Она не говорила точно эти слова, но я думаю, что суть была приблизительно такой.

Итак, мой отец, г. конгрессмен, был важной шишкой, и каждый знал это, включая старика Хегберта. Но они не ладили друг с другом, несмотря на факт, что мой отец приходил в церковь Хегберта всякий раз, когда он был в городе, но, откровенно говоря, это не было часто. Хегберт, в дополнение верил, что блудные люди предназначены для чистки писсуаров в аду, также полагал, что коммунизм был «болезнью, которая опускает человечество к язычеству». Даже притом, что язычество не было словом — я не смог найти его в словаре — паства знала, что он подразумевал. Они также знали, что он направлял свои слова определенно моему отцу, который сидел с закрытыми глазами и притворялся, что не слушает. Мой отец был в одном из комитетов, которые наблюдали за возможностью проникновения «Красного влияния» в политику страны, включая национальную защиту, высшее образование, и даже табачную промышленность. Вы должны помнить, что это было в течение холодной войны; напряжение возрастало, и мы, жители Северной Каролины нуждались кое в чем, что могло бы перевести его на более личный уровень. Мой отец последовательно искал факты, которые были неуместны людям подобно Хегберту. Позже, когда мой отец приходил домой после службы, он говорил кое-что похожее на: «Преподобный Саливан был сегодня в необычной форме. Я надеюсь, что Вы слышали часть Священного писания, где Иисус говорил о бедном...».

Да, конечно, Папа...

Мой отец пробовал при возможности разряжать ситуацию. Я думаю, именно поэтому он и оставался в Конгрессе так долго. Он мог поцеловать самого некрасивого младенца, известного человечеству и все еще придумать сказать кое-что хорошее. «Он — такой нежный ребенок», сказал бы он, когда ребенок имел гигантскую голову, или, «я буду держать пари, что она — самая милая девочка в мире», если у неё все лицо было в родинках. Однажды появилась леди с ребенком в инвалидном кресле. Мой отец взглянул на него и сказал, «держу пари десять к одному, что ты — самый умный ребенок в классе». И он был! Да, мой отец был велик в подобных вещах. Он мог посоревноваться с лучшими. И он не был плохим человеком, особенно если учесть факт, что он не бил меня. Но он не был дома, когда я рос. Я испытываю крайне неприятное чувство, когда сегодня люди оправдывают свое поведение любым образом, включая свое воспитание. Мой папа..., он не любил меня...

именно поэтому, я стал стриптизёром и участвовал в шоу Джерри Спринджера... Это меня не извиняет, я просто говорю это как факт. Мой отец отсутствовал девять месяцев в году, живя в Вашингтоне, округе Колумбия, в квартире на расстоянии триста миль от дома. Моя мать не уезжала с ним, потому что они оба хотели, чтобы я рос «также как и они».

Конечно, отец моего отца брал его на охоту и рыбную ловлю, учил его играть в бейсбол, устраивал вечеринки по случаю его дня рождения — маленькие события, которые дополняли детство перед взрослой жизнью. С другой стороны, мой отец был для меня незнакомцем, я слабо знал его. В течение первых пяти лет моей жизни я думал, что все отцы живут где-нибудь в других местах. Так было до тех пор, пока мой лучший друг, Эрик Хантер, не спросил меня в детском саде, кем был тот парень, который пришёл в мой дом прежде ночью, и тогда я понял, что вещи были не такими, как я себе их представлял.

«Он — мой отец», сказал я гордо.

«О,» сказал Эрик так, как будто хотел отобрать у меня Милки Вей, «я и не знал, что у тебя есть отец».

Сказанное послало меня в шокаут.

Итак, меня воспитывала мама. Она была приятной и нежной, такой мамой, о которой большинство людей только мечтают. Но в моей жизни отсутствовало мужское влияние, и вместе с моим разочарованием в отце, сделали меня чем-то вроде мятежника, еще в юности. Не плохим мятежником, заметьте себе. Я и мои друзья могли выбраться вечером и мыть автомобильные окна время от времени или есть жареные арахисы на кладбище позади церкви, но в пятидесятых, это было тем, что заставляло других родителей говорить серьёзно со своими детьми, «Ты ж не хочешь походить на молодого Картера? Он находится на пути, ведущей в тюрьму».

Я. Плохой парень. Из-за того, что ел жареные арахисы на кладбище. Решайте сами.

Так или иначе, мой отец и Хегберт, не находили общего языка, но это было не только из-за политики. Нет, кажется, что мой отец и Хегберт давно знали друг друга. Хегберт был приблизительно двадцатью годами старше моего отца, и прежде, чем он стал священником, он работал на отца моего отца. Мой дедушка — даже притом, что он провёл много времени с моим отцом — был действительно ублюдком, когда-либо существовавшим. Между прочим, он был одним из тех, кто сколотил богатство семейства, но я не хочу, чтобы Вы воображали его как человека, который надрылся, работая старательно и наблюдая, как его дело растёт, медленно процветая со временем. Мой дедушка был более умен, чем казалось. Деньги он заработал простым путём — он начал как контрабандист спиртных напитков, накапливая богатство благодаря сухому закону, привозя ром из Кубы. Тогда он начал покупать землю и нанимать исполщиков, которые работали на него. Он забирал девяносто процентов денег исполщиков, сделанных на их урожае табака, затем давал займы им деньги всякий раз, когда они нуждались, на минимальных процентных ставках. Конечно, он не требовал возврата долга деньгами, вместо этого, он забирал землю или оборудование. Он звал это «его моментом вдохновения», он открыл банк по имени «Банковское дело и Ссуда Картера». Единственный другой банк в радиусе двух округов загадочно сгорел дотла, и с началом Депрессии, он повторно не открылся. Хотя каждый знал, что действительно случилось, но никто ничего не говорил из страха мести, и их опасение было не безосновательно. Банк не был единственным зданием, которое загадочно сгорело дотла.

Его процентные ставки были возмутительны, и постепенно он начал накапливать больше земли и собственности, когда люди не выполняли обязательств по ссудам. Когда Депрессия усилилась, он прибрал к рукам множество коммерческих фирм во всем округе, оставляя первоначальных владельцев работать за зарплату, платя им достаточно, чтобы удержать их на месте. Он сказал им, что, когда экономика придет в норму, он продаст их бизнес назад им, и люди всегда верили ему.

Однако он так и не сдержал своего обещания. В конце он управлял обширной частью экономики округа, и он злоупотреблял своим влиянием любым воображимым способом.

Я хотел бы сказать Вам, что он, в конечном счете, умер ужасной смертью, но это не

так. Он умер в зрелом старом возрасте, в постели со своей любовницей на своей яхте вблизи Каймановых Островов. Он пережил и своих жен и своего единственного сына. Какой конец для такого парня, а? Я познал, что жизнь не справедлива. Если люди преподают что-нибудь в школе, то так и должно быть в жизни.

Но вернемся назад к истории... Хегберт, когда он понял каким ублюдком мой дедушка действительно был, оставил работу и стал священником, затем возвратился в Бьюфорт и начал миссионерскую деятельность в той же самой церкви, которую мы посещали. Он потратил первые несколько лет, совершенствуя ежемесячные проповеди о злехадности и огненной гиене, и это оставило ему мало времени для чего-нибудь еще. Ему было сорок три прежде, чем он женился; ему было пятьдесят пять, когда родилась его дочь — Джейми Саливан. Его жена, тонкий маленький человек двадцатью годами моложе его, пережила шесть выкидышей, прежде чем родилась Джейми, и в конце она умерла при родах, делая Хегберта вдовцом, который должен был растить дочь самостоятельно.

Следовательно, история была отражена в пьесе.

Люди знали историю даже прежде, чем состоялась премьера пьесы. Это была одна из тех историй, которая следовала вместе с Хегбертом, когда он крестил ребенка или присутствовал на похоронах. Каждый знал об этом, и именно поэтому, так много людей получали порцию эмоций всякий раз, когда они видели Рождественскую пьесу. Они знали, что она базировалась на чем-то реальном, и это придавало ей особенное значение.

Джейми Саливан была старшеклассницей в средней школе, точно так же как и я, она была уже выбрана, чтобы сыграть ангела, так как больше ни у кого на эту роль шансов не было. Это, конечно, сделало пьесу еще особеннее в том году. Назревало большое событие, возможно даже самое большое в практике мисс Гарбер. Она была преподавателем драмы, и, когда я в первый раз её встретил в классе, она светилась от предвкушения предстоящих событий.

Я действительно не планировал брать участие в драмкружке в том году. Я б и не брал, но выбор был или драма, или химия. Я думал, что драма будет простым проматыванием времени, особенно по сравнению с моей другой возможностью. Никаких бумаг, тестов, таблиц, где я должен был запомнить протоны и нейтроны и элементы объединения их в соответствующих формулах..., что могло быть лучше для выпускника средней школы? Это было стоящим делом, и когда я подписался на участие в кружке, я думал, что буду на нём спать. Учитывая моё позднее лакомство арахисом, это было довольно важно для меня в то время.

В первый день я был одним из последних пришедших на урок, входя только за несколько секунд до звонка, и занимая место в конце комнаты. Мисс Гарбер находилась спиной к классу, и была занята написанием своего имени большими буквами, как будто мы не знали, кто она. Каждый знал ее. Она была высокой, по крайней мере, шесть футов и два дюйма, с пылающими красными волосами и бледной кожей, которая была усеяна веснушками в ее сорокалетнем возрасте. Она имела лишний вес — скажу честно, тянула она фунтов на 250 и любила носить цветную одежду. Она имела толстые, темные очки в роговой оправе, и она поприветствовала всех слово «Привееееет». Мисс Гарбер была одной из тех людей, которые действовали наверняка, и она была не замужняя, и это делало ситуацию ещё хуже. Парень, независимо от возраста, не мог не чувствовать жалость к девчонке подобно ей.

Ниже своего имени она написала цели, которых она хотела достигнуть в том году. «Уверенность в себе» было под номером один, далее «Самосознание» и, третий пункт, «Самореализация». Мисс Гарбер была большим человеком в вещах с приставкой «сам», которые ставят её на одну ступень с интересами психотерапии, хотя она, вероятно, не понимала этого в то время. Мисс Гарбер была пионером в этой области. Возможно, это имело некоторое отношение к тому, как она выглядела; возможно, она только пробовала чувствовать себя лучше, чем была на самом деле.

Но я отступил от темы.

Только когда урок начался, я заметил кое-что необычное. Хотя средняя школа

Бьюфорта не была большая, я знал, что она поделена в равных пропорциях между школьниками и школьницами, и потому-то я и был удивлен, когда увидел, что в классе было девушек, по крайней мере, процентов девяносто. Был только один другой парень в классе, что, по-моему, было неплохо, и на мгновение я почувствовал приток ощущений наподобие «берегись мир, вот я». Девчонки, девчонки, девчонки... Я не мог не думать об этом. Девчонки и девчонки и никаких тестов.

Ну ладно, я не был самым продвинутым парнем в квартале.

Итак, мисс Гарбер принесла Рождественскую пьесу и сказала всем, что Джейми Саливан будет играть роль ангела в этом году. Мисс Гарбер начала сразу же хлопать — она была прихожанкой церкви — и было много людей, которые думали, что она романтически заинтересована в Хегберте. Когда я впервые услышал это, подумал, что было очень неплохо то, что они были слишком стары, чтобы иметь детей, даже если б они когда-нибудь начали жить вместе. Вообразите полупрозрачного ребёнка с веснушками? Сама мысль кидала в дрожь, но конечно, разговоры об этом не велись, по крайней мере, так, чтобы их не смогли услышать мисс Гарбер и Хегберт. Сплетня — это одно, а пагубная сплетня — совершенно другое, и даже в средней школе мы это не выставляли на показ.

Мисс Гарбер продолжала хлопать некоторое время в полном одиночестве, пока все, наконец, не начали хлопать, потому что было очевидно, чего именно она хотела. «Встань, Джейми», сказала она. Так что Джейми встала и обернулась вокруг, и мисс Гарбер начала хлопать еще быстрее, как будто она стояла в присутствии известной кинозвезды.

Джейми Саливан была хорошей девчонкой. Так оно и было. Бьюфорт был достаточно маленький, и имел только одну начальную школу, так что мы были в одном и том же классе всю нашу жизнь, и я солгал бы, если бы сказал, что я никогда не говорил с ней. Однажды, во втором классе, она сидела рядом со мной в течение целого года, и мы даже имели несколько бесед, но это не подразумевало, что я проводил много времени, болтая с нею в своё свободное время, скорее наоборот. Тех, кого я встречал в школе и вне школы, были совершенно разными людьми, но Джейми никогда не была в моем социальном списке.

Не то, чтобы Джейми была непривлекательной — не поймите меня неправильно. Она не была отвратительна или что-то подобно этому. К счастью она была похожа на свою маму, которая по фотографиям, что я видел, не была в значительной степени плоха, особенно если учесть тот факт, за кого она, в конце концов, вышла замуж. Однако Джейми не была в моем вкусе. Несмотря на факт, что она была худенькой, с милыми белыми волосами и ласковыми синими глазами, большинство времени она выглядела... простенькой, и это было всегда, когда б Вы её не встретили. Джейми не очень заботилась о внешней красоте, поэтому она всегда искала вещи «внутренней красоты», и я предполагаю, что это — часть причины того, как она выглядела. Помню, она всегда носила волосы, связанные тугим узлом, подобно старой деве, на ее лице никогда не было косметики. Вместе с ее обычным коричневым жакетом и юбкой из пледовой ткани, она выглядела так, как если бы она шла на собеседование для работы в библиотеке. Мы думали, что этот период её поведения пройдет и она, в конечном счете, вырастет из этого, но она и не думала изменяться. Даже в течение наших первых трех лет в средней школе, она совсем не изменилась. Единственная вещь, которая изменилась, был размер ее одежды.

Джейми отличало не только то, как она выглядела, но и также то, как она действовала. Джейми не проводила времени, околачиваясь в кафе «Сесиль», или дремала на вечеринках с другими девчонками, и я знал наверняка, что у неё вообще не было парня. У старого Хегберта, вероятно, был бы сердечный приступ, если б у неё был парень. Но даже если бы благодаря странному повороту событий Хегберт и позволил ей, это бы все равно не имело значения. Джейми носила с собой Библию везде, куда бы она ни шла, и даже если б ее внешность и Хегберт не отпугнули парней, я уверен, это сделала бы Библия. Я любил Библию так же, как и мои сверстники, но Джейми, казалось, наслаждалась ею в пути, что было полностью чуждо мне. Мало того, что она посещала во время каникул библейскую школу каждый август, но она еще читала Библию на переменах в школе. Мне кажется, эта

ситуация не была нормальной, даже несмотря на то, что она была дочерью священника. Чтение послания апостола Павла к Коринфянам и близко не приносило столько удовольствия как флирт, надеюсь, Вы меня понимаете.

Но Джейми не останавливалась на этом. Или из-за чтения Библии, или возможно из-за влияния Хегберта, Джейми верила, что помощь другим — была важной вещью, и она так и поступала. Я знал, что она бесплатно работала в приюте Морхед Сити, но для нее, этого было недостаточно. Она всегда отвечала за сбор денег в разные фонды, помогала каждому от бойскаутов до индийских принцесс, и я знаю, что, когда ей было четырнадцать, она проводила часть летних каникул, крася дом пожилого соседа. Джейми была из тех девчонок, которые могли тянуть сорняки в чьем-то саду, без упрашиваний или остановить движение, чтобы помочь маленьким детям перейти дорогу. Она экономила бы свое пособие, чтобы купить новый мяч для баскетбола сиротам, или пожертвовать деньги на церковь в воскресенье. Она была, другими словами, такой девчонкой, которая заставляла нас выглядеть плохими, и всякий раз, когда она смотрела на меня, я чувствовал себя виноватым, даже если я и не сделал ничего плохого.

Джейми не ограничивала хорошие дела только на людей. Если бы она когда-либо натолкнулась на раненное животное, она попробовала бы ему помочь. Опоссумы, белки, собаки, коты, лягушки... для нее не имело значение. Доктор Ролингс, ветеринар, узнавал ее по виду, и качал головой всякий раз, когда видел, что она приближалась к его двери, неся картонную коробку с еще одним зверьком внутри. Он снимал очки и вытирал их носовым платком, в то время как Джейми объясняла, как она нашла бедное существо, и что случилось с ним. «Он был сбит автомобилем, доктор Ролингс. Я думаю, что это было в планах Господа, чтобы я нашла его и попробовала спасти. Вы можете мне, не так ли?»

У Джейми все было в плане Господа. Было еще кое-что. Она всегда упоминала о плане Господа всякий раз, когда Вы говорили с ней, независимо от того, какой был предмет разговора. Отмененная из-за дождя игра в бейсбол? Должно быть планом Господа предотвратить кое-что худшее. Неожиданная контрольная по тригонометрии, которую все в классе провалили? Должно быть, в плане Господа испытать нас. Так или иначе, надеюсь, Вы поймали мою мысль.

Быть дочерью священника, возможно, не легко, но её поведение заставляло казаться, как будто это была самая естественная вещь в мире, и ей очень повезло быть благословенной на этот путь. Вот как она обыкновенно говорила. «Я настолько благословенна, иметь отца подобно моего». Всякий раз, когда она так говорила, все мы качали головами и удивлялись, с какой планеты она, собственно говоря, прилетела.

Несмотря на все это, была одна вещь, которая действительно сводила меня с ума — она была всегда такой бодрой, независимо оттого, что творилось вокруг нее. Я клянусь, что эта девчонка никогда не говорила ничего плохого ни о ком, даже и о тех из нас, кто не был любезен с ней. Она пела про себя, когда спускалась по улице, она махала незнакомцам, проезжающим в автомобилях. Иногда леди выходили из домов, если видели, что она шла мимо, предлагая ее тыквенный хлеб, испеченный ними или лимонад, когда было жарко. Казалось, что каждый взрослый в городе обожал ее. «Она — такая хорошая молодая леди», они говорили всякий раз, когда упоминалось её имя. «Мир был бы лучше, если было бы больше таких людей как она».

Но мои друзья и я этого не понимали. В наших умах, и одной Джейми Саливан было больше необходимого.

Я думал обо всем этом, в то время как Джейми стояла перед нами на первом уроке, и я признаю, что не был заинтересован в ее присутствии. Но странно, когда Джейми обернулась к нам, я был немного шокирован. Она была одета в юбку из пледовой ткани и белую блузку под тем же самым коричневым шерстяным свитером, который я видел миллион раз, но на её груди были две новые выпуклости, которые свитер не мог скрыть, и я клянусь, что их там не было тремя месяцами ранее. Она никогда не пользовалась косметикой, но имела загар, наверно, когда она была в библейской школе, и впервые она

хорошо выглядела, почти прекрасно. Конечно, я отогнал эти мысли прочь. Она смотрела по сторонам и вдруг остановила свой взгляд на мне и улыбнулась, очевидно, она была рада видеть меня в классе. Только позже, я понял причину произошедшего.

Глава вторая

После средней школы я планировал поступить в университет Северной Каролины, в Чепелхиле. Мой отец хотел, чтобы я пошел в Гарвард, или Принстон, как сделали некоторые из сыновей других конгрессменов, но с моими отметками это не было возможно. Не то, чтобы я был плохим студентом. Я просто не сосредотачивался на занятиях, и из-за этого страдали мои оценки. Когда оставался год до выпуска, нужно было решить задачу поступления в университет Северной Каролины, который закончил мой отец, место, где он имел связи. В течение одного из его редких уик-эндов дома, мой отец придумал план как все устроить. Я только что отучился первую неделю в школе, и мы сели обедать. Он был дома в течение трех дней, лишней день получался из-за Дня Труда. «Я думаю, что ты должен побороться за пост студенческого президента», сказал он. «Твой выпуск будет в июне, и я думаю, что это бы сыграло тебе на руку. Твоя мама думает также, между прочим».

Моя мать кивала, поскольку она пережевывала полный рот горошка. Она мало говорила, когда мой отец вел разговор, хотя и подмигивала мне. Иногда я думаю, что моя мать любила видеть мое смущение, даже притом, что она была мила.

«Я не думаю, что у меня есть шансы победить», сказал я. Хотя я был, вероятно, самым богатым ребенком в школе, я ни в коем случае не был самым популярным. Эта честь принадлежала Эрику Хантеру, моему лучшему другу. Он мог бросить бейсбольный мяч со скоростью почти в девяносто миль в час, и он был лидером футбольной команды, играя на позиции квотербека. Он был популярен. Даже его имя звучало круто.

«Конечно, ты можешь победить», сказал быстро мой отец. «Мы Картеры всегда побеждаем».

Это — другая из причин, почему я не любил проводить время с моим отцом. В течение тех нескольких раз, когда он был дома, я думаю, что он хотел превратить меня в миниатюрную версию себя. С тех пор как я вырос, в значительной степени без отца, его присутствие приводило меня в негодование. Это было первой беседой, которую мы имели на протяжении многих недель. Он редко говорил со мной по телефону.

«Но что, если я не хочу?»

Мой отец поставил вилку, и следы от зубов можно было увидеть на отбивной. Он посмотрел на меня раздраженно, поверхностным взглядом. Он носил костюм даже притом, что было более чем двадцать шесть градусов в доме, и это делало его даже более запугивающим. Между прочим, мой отец всегда носил костюм.

«Я думаю», сказал он медленно, «что это будет хорошая идея».

Я знал, что когда он так говорил, вопрос уже был решен. В моей семье все происходило именно так. Слово моего отца было законом. Но даже и после того, как я согласился, проблема оставалась в том, что я не хотел этого делать. Я не хотел тратить впустую свои дни, встречаясь с преподавателями после школы — после школы! — каждую неделю года, выдумывая темы для школьных танцев или пробуя решать, каким должны быть цвета газетных заголовков. Все это действительно лежало на плечах президента старших классов, по крайней мере, когда я учился в старших классах. Это не походило на то, как студенты имели возможность фактически решать что-нибудь более значащее.

Но с другой стороны, я знал, что мой отец был прав. Если я хочу вступить в университет Северной Каролины, то я должен был сделать кое-что. Я не играл в футбол или баскетбол, я не играл на музыкальных инструментах, я не был в шахматном клубе или клубе боулинга или что-то в этом роде. Я не преуспел в учебе, страшно подумать, но я не преуспел ни в чем. Это приводило в уныние, и я начал перечислять вещи, которые я фактически мог сделать, но, честно говоря, их действительно не было очень много. Я мог связать восемь

различных типов морских узлов, я мог идти босиком по горячему асфальту дальше, чем любой другой, я знал, что мог удержать карандаш вертикально на пальце в течение тридцати секунд..., но я не думаю, что любая из этих вещей будет действительно выделяться при поступлении в колледж. Таким образом, всю ночь напролет, я медленно приходил к тому, что я был неудачником. Спасибо, Папа.

Следующим утром я пошел в главный офис и добавил свое имя к списку кандидатов. Было еще два кандидата — Джон Фореман и Мэгги Браун. Теперь, у Джона не было шансов, и я понял это сразу же. Он был скучным парнем. Но он был хорошим студентом. Он сидел в переднем ряду и поднимал руку каждый раз, когда преподаватель задавал вопрос. Если бы его вызвали, то он почти всегда давал бы правильный ответ, и потом он поворачивал голову, с самодовольным взглядом на лице, как будто доказывая, насколько его интеллект был выше других. Эрик и я обыкновенно стреляли бумажными шариками в него, когда преподаватель стоял спиной к нам.

Мэгги Браун была другим делом. Она была хорошей студенткой, также. Она работала в студенческом совете в течение первых трех лет, а прежде была год младшим президентом старших классов. Реально единственным фактом против нее было то, что она не была очень привлекательна, и она набрала лишних двадцать фунтов этим летом. Я знал, что ни один парень не будет голосовать за нее.

После исследования своих конкурентов, я полагал, что, в конце концов, мог иметь шанс. Все мое будущее решалось здесь, таким образом, я сформулировал свою стратегию. Эрик был первым, кто согласился.

«Несомненно, я заставлю всех парней по команде голосовать за тебя. Если это — то, что ты действительно хочешь».

«Как насчет их подруг?» спросил я.

Это и была в значительной степени моя кампания. Конечно, я пошел на дебаты, как и был должен, и я успешно ответил на все тупые вопросы, вроде «Что я сделаю, если буду избран президентом», но в конце Эрик Хантер, вероятно, помог мне оказаться там, где я и должен был быть. Средняя школа Бьюфорта имела приблизительно четыреста студентов, и голоса спортсменов решали многое. Большинству спортсменов было все равно, за кого голосовать. В конце, все решилось так, как я и планировал.

Я был выбран президентом студенчества с довольным перевесом в голосах. Я и понятия не имел, как это все для меня обернется.

Когда я был подростком, я постоянно встречался с девчонкой по имени Анжела Кларк. Она была моей первой реальной девушкой, хотя это длилось только несколько месяцев. Непосредственно перед летними каникулами, она ушла от меня к парню по имени Лью, которому было двадцать лет и он работал механиком в гараже своего отца. Основным его коньком, насколько я мог судить, было то, что он имел действительно хороший автомобиль. Он всегда носил белую футболку с пачкой сигарет Кемел, и он, прислоняясь к капоту автомобиля, смотрел назад и вперед, говоря слова типа «Привет, крошка» всякий раз, когда шла девчонка. Он был действительно крут, если Вы поняли то, что я подразумеваю.

Хорошо, так или иначе, наступала пора ежегодных школьных танцев, и из-за этой ситуации с Анжелой, я все еще оставался без подружки. Каждый на студенческом совете должен был посещать танцы — это было принудительным. Я должен был помочь украшать гимнастический зал и убирать его на следующий день — и, кроме этого, танцы обычно были довольно хорошим времяпровождением. Я пригласил несколько девчонок, которых я знал, но они уже были заняты. В последнюю неделю выбирать практически было не с кого. Жребий падал на девчонок, которые имели толстые очки и шепелявили. Бьюфорт точно никогда не был рассадником красавиц, но с другой стороны я должен был найти кого-то. Я не хотел идти на танцы без девушки — на что это будет похоже? Я был бы единственным президентом студенчества, который посетит танцы в одиночку. Я был бы парнем, пьющим пунш всю ночь напролет или бы закончил блеванием в ванной. Это — то, что обычно делали люди без партнеров.

Чтобы придушить нарастающую панику, я достал прошлогодний альбом и начал просматривать страницы одна за другой, ища любую, которая могла быть свободной. Сначала я просмотрел страницы со старшеклассниками. Хотя многие из них были уже в колледже, некоторые все еще были в городе. Даже притом, что я не думал о больших шансах, я, так или иначе, позвонил и уверился, что был прав. Я не мог найти никого, по крайней мере, того, кто бы принял мое приглашение. Я становился довольно опытным в получении отказов, и скажу Вам, что это не то, чем обычно хвастаются перед своими внуками. Моя мама все понимала, и она, наконец, вошла в мою комнату и села на кровати возле меня.

«Если ты не можешь найти девушку, я буду, счастлива, пойти с тобой», сказала она.

«Спасибо, мама», сказал я подавленно.

Когда она оставила комнату, я чувствовал себя еще хуже, чем прежде. Даже моя мама не верила, что я мог найти кого-то. А если бы я пришел на танцы с нею? Если бы я и прожил сто лет, то все равно не смог бы отбелиться.

Так к слову, был и другой парень в такой же ситуации что и я. Кери Денисон был избран казначеем, и он также все еще не имел с кем пойти на танцы. Кери был из тех парней, с которыми никто не хотел проводить время вообще, и единственная причина, по которой он был избран, была таковой, что не было возражающих против его кандидатуры. Даже тогда я думаю, что голосование было довольно закрытым. Он играл на трубе в оркестре, и его тело было странно не пропорциональным, как будто он прекратил рост через половую зрелость. Он имел большой живот и неуклюжие руки и ноги. Он также имел писклявый голос — и это делало его очень хорошим игроком трубы, и он никогда не прекращал задавать вопросы. «Где ты провел прошлый уик-энд? Было здорово? Видел девчонок?» Он бы даже не ждал ответа, и постоянно двигался вокруг и спрашивал, поэтому приходилось поворачивать голову, чтобы держать его в поле зрения. Я клянусь, что он был, вероятно, самым раздражающим человеком, которого я когда-либо встречал. Если я не найду девушку, то он будет находиться там где и я всю ночь напролет, задавая без конца вопросы, как некоторые ненормальные обвинители.

Когда я просматривал страницы младших классов, то увидел фотографию Джейми Саливан. Я сделал паузу на несколько секунд, затем перевернул страницу, проклиная себя за то, что смог даже подумать об этом. Я потратил следующий час, ища любую, с более-менее приличной внешностью, но я постепенно приходил к тому, что не осталось с кого выбирать. Я вернулся к ее фотографии и посмотрел снова. Она неплохо смотрелась, сказал я себе, и она действительно мила. Вероятно, она сказала бы да, думал я...

Я закрыл альбом. Джейми Саливан? Дочь Хегберта? Никогда. Ни за что. Мои друзья сотрут меня в порошок.

Но по сравнению с приглашением моей мамы, или блеванием в ванной, или даже, Господи помилуй... Кери Денисоном?

Я потратил остальную часть вечера, обсуждая все за и против моей дилеммы. Поверьте, я ходил туда сюда некоторое время, но в конце выбор был очевиден, даже для меня. Я должен был пригласить Джейми на танцы, и я бродил по комнате, думая о том, как бы это проверить.

Именно тогда я понял кое-что ужасное, кое-что абсолютно пугающее. Кери Денисон, внезапно понял я, вероятно, стоял перед такой же дилеммой, что и я прямо сейчас. Он, вероятно, тоже просматривал альбом! Он был чудачком, но не был из тех парней, которые любили рвоту, и если бы Вы увидели его мать, Вы бы поняли, что его выбор был еще хуже моего. Что, если он уже пригласил Джейми? Джейми бы не отказала ему, и правду говоря, она была его единственным выбором. Никто помимо нее не смог бы его перенести. Джейми помогла бы каждому — она была святой. Она, вероятно, слушала бы писклявый голос Кери, видела бы доброту, исходящую от его сердца, и приняла бы его приглашение сразу же.

Таким образом, я сидел в своей комнате, ужасаясь от возможности, что Джейми уже не может пойти на танцы со мной. Говорю Вам, я плохо спал той ночью, из-за самой

странной вещи, которую я когда-либо испытывал. Я не думаю, что кто-нибудь когда-либо волновался, приглашая Джейми. Я планировал пригласить её утром, пока храбрость не оставила меня, но Джейми не было в школе. Я полагал, что она работала с сиротами в Морхед Сити, так она поступала каждый месяц. Несколько из нас также пробовали прогулять школу, используя такое же оправдание, но Джейми была единственной, кому это разрешали. Руководитель знал, что она читала сиротам, или делала игрушки, или просто сидела без дела, играя с ними в игры. Она не выбиралась на пляж, не болталась в кафе «Сесиль», или что-то в этом роде. Эти варианты были абсолютно нелепы.

«Нашел девушку?» спросил Эрик меня на перемене. Он знал очень хорошо, что я не нашел, но даже притом, что он был моим лучшим другом, он любил издеваться надо мной время от времени.

«Еще нет», сказал я, «но я стараюсь».

В конце коридора, Кери Денисон подошел к своему шкафчику. Я клянусь, что он злорадно посмотрел на меня, когда думал, что я его не вижу.

День шел не важно.

Минуты медленно шли во время последнего урока. Я думал о том, что если бы Кери и я вышли в то же самое время, то я был бы в состоянии добраться до ее дома быстрее, чем этот неуклюжий. Я начал готовиться, и когда зазвенел звонок, я вылетел из школы, и побежал в полную силу. Я летел приблизительно сто ярдов или вроде того, а затем я начал немного утомляться, и закончилось все это судорогой. Довольно скоро я мог только идти, но судорога действительно начинала добираться до меня, и я должен был склониться и придержать свои бока, в то время как я продолжал двигаться. Спускаясь вниз по улице Бьюфорта, я был похож на хрипящую версию нотердамского горбуна.

Мне казалось, что позади себя я услышал высокомерный смех Кери. Я оборачивался, придерживая пальцами живот, чтобы придушить боль, но я не видел его. Возможно, он срезал путь через чей-то задний двор! Он был трусливым убудком. Нельзя было верить ему ни минуты.

Я начал ковылять еще быстрее, и довольно скоро я достиг улицы Джейми. К тому времени я вспотел, вся моя рубашка была пропитана потом — и я все еще сильно хрипел. Ну, я подошел к ее двери, взял секунду, чтобы отдышаться, и, наконец, постучал. Несмотря на мой лихорадочный путь к ее дому, моё пессимистическое «я» полагало, что человеком, который откроет мне двери — будет Кери. Я вообразил, как он улыбнется мне, с победным взглядом в глазах, который по существу означал бы «Жаль, партнер, но ты слишком поздно».

Но открыл двери не Кери, это была Джейми, и впервые в своей жизни я увидел то, на что она была похожа, будучи обычным человеком. Она носила джинсы и красную блузу, и хотя ее волосы все еще были связанные узлом, она выглядела более обычной, чем раньше. Я понял, что она могла бы быть симпатичной, если бы захотела.

«Лендон», сказала она, когда открыла дверь, «это такая неожиданность!» Джейми была всегда рада видеть каждого, включая меня, хотя я думаю, что мое появление поразило её. «Похоже, что ты тренировался», сказала она.

«Не совсем», солгал я, вытирая бровь. К счастью судорога исчезала быстро.

«Ты весь вспотел».

«А, это?» посмотрел я на рубашку. «Ничего страшного. Иногда я потею».

«Возможно, тебе надо показаться врачу».

«Да нет, все в порядке».

«Все равно, я помолюсь о тебе», предложила она и улыбнулась. Джейми всегда молилась о ком-то. Я мог бы также присоединиться к ним.

«Спасибо», сказал я.

Она посмотрела вниз на мгновение. «Ну, я бы предложила тебе войти, но мой отец не дома, и он не позволяет мальчикам быть дома, в то время когда его нет».

«А», сказал я подавленно, «ничего страшного. Полагаю, мы можем поговорить и здесь». Если бы у меня был выбор, то я бы хотел попасть в дом.

«Хочешь лимонада?» спросила она. «Я только что сама приготовила его».

«С удовольствием», сказал я.

«Я скоро вернусь». Она зашла назад в дом, но оставила дверь открытой, и я быстро осмотрелся. Я заметил, что дом был маленьким, но опрятным, с фортепьяно напротив одной из стен и диваном напротив другой. Маленький вентилятор стоял, вибрируя в углу. На журнальном столике были книги с такими названиями, как «Послушайте Иисуса», и «Вера — это ответ». Ее Библия также была там, и она была открыта на Евангелии от Луки.

Мгновение спустя Джейми возвратилась с лимонадом, и мы сели на стулья, на углу крыльца. Я знал, что она и ее отец сидели там по вечерам, потому что я проходил мимо их дома время от времени. Как только мы сели, я увидел госпожу Гастингс, ее соседку через дорогу, и она махала нам рукой. Джейми помахала в ответ, в то время как я старался сесть на стул так, чтобы госпожа Гастингс не могла видеть мое лицо. Даже притом, что я собирался пригласить Джейми на танцы, я не хотел, чтобы кто-то, даже госпожа Гастингс, видели меня там, если бы Джейми уже приняла предложение Кери. С одной стороны, она могла принять мое предложение, с другой — отклонить в пользу парня, на подобии Кери.

«Что ты делаешь?» спросил меня Джейми. «Ты перемещаешь стул на солнце».

«Я люблю солнце», сказал я. Она была все же права. Почти сразу же я мог почувствовать, что лучи прошли через мою рубашку и заставляли меня снова потеть.

«Ну, если тебе это нравится», сказала она, улыбаясь. «Так, о чем ты хотел поговорить со мной?»

Джейми начала приглаживать свои волосы. По-моему, дело не двигалось вообще. Я глубоко вдохнул, пробуя собраться, но не смог перебороть себя.

«Итак», сказал я, «ты была сегодня в приюте?»

Джейми посмотрела на меня любопытно. «Нет. Мой отец и я были у врача».

«Он в порядке?»

Она улыбнулась. «Здоровый, насколько возможно».

Я кивал и глядел на улицу. Госпожа Гастингс возвратилась в дом, и я не видел больше никого поблизости. Условия были идеальны, но я все еще не был готов.

«Сегодня красивый день», сказал я, останавливаясь.

«Да, так и есть».

«Теплый».

«Поэтому ты и на солнце».

Я озирался, чувствуя нарастающее давление. «Да, держу пари, что на небе нет ни одного облака».

На сей раз, Джейми не отвечала, и мы сидели в тишине в течение нескольких мгновений.

«Лендон», сказала она, наконец, «Ты ж ведь не пришел сюда, чтобы говорить о погоде, не так ли?»

«Действительно».

«Тогда, почему ты здесь?»

Момент правды пришел.

«Ну... Я хотел узнать, не пойдешь ли ты на танцы?»

«А», сказала она. Ее тон заставлял казаться, что она не знала о том, что такая вещь существовала. Я волновался и ждал ее ответа.

«Я действительно не планировала идти», сказала она, наконец.

«Но если бы кто-то попросил, чтобы ты пошла, то ты бы смогла?»

На ответ ушла одна минута.

«Я не уверена», сказала она, думая тщательно. «Я полагаю, что я могла бы пойти, если бы я смогла. Я никогда не была на ежегодных школьных танцах прежде».

«Они — забава», сказал я быстро. «Не слишком большая забава, но забава». Особенно, по сравнению с моими другими вариантами, о которых я промолчал.

Она улыбалась, услышав это. «Я должна буду поговорить с моим отцом, но если он

позволит, тогда я пойду».

На дереве около крыльца, птица начала громко щебетать, как будто она знала, что я не должен был быть здесь. Я сконцентрировался на звуке, пробуя успокоить нервы. Только два дня назад я, возможно, не воображал даже что буду думать об этом, но внезапно я оказался здесь, слушая себя, когда говорил волшебные слова.

«Ну, ты бы хотела пойти со мной на танцы?»

Я мог сказать, что она была удивлена. Думаю, она полагала, что я говорил от имени кого-то другого. Иногда подростки отсылали своих друзей, чтобы «разведать обстановку», если можно так выразиться, чтобы не получить возможный отказ. Даже притом, что Джейми очень не походила на других подростков, я уверен, что она была знакома с таким понятием, по крайней мере, в теории.

Вместо того чтобы ответить сразу же, Джейми глядела в сторону в течение долгого времени. Я чувствовал себя не важно, потому что предполагал, что она собиралась сказать нет. Видения моей матери, рвоты, и Кери затопляли мой разум, и внезапно я пожалел о том, как я вел себя с ней все эти годы. Я продолжал помнить все моменты, когда я дразнил ее или называл ее отца блудником или просто высмеивал ее за ее спиной. Как раз в то самое время, когда я чувствовал себя ужасно насчет всего этого и воображал, как мне придется избегать Кери в течение пяти часов, она повернулась ко мне. На ее лице была небольшая улыбка.

«С удовольствием», сказала она, наконец, «но при одном условии».

Я пришел в себя, надеясь, что это не было что-то ужасным.

«Да?»

«Ты должен пообещать, что не влюбишься в меня».

Я знал, что она пошутила по тому, как она засмеялась, и я с облегчением вдохнул. Иногда, я должен признать, Джейми имела нормальное чувство юмора. Я улыбнулся и дал ей свое слово.

Глава третья

Как правило, южные баптисты не танцуют. В Бьюфорте, однако, это правило не навязывалось. Предшественник Хегберта — не припомню его имя — имел слабое представление об ежегодных школьных танцах, и из-за этого, они стали одной из традиций. Во время Хегберта было уже слишком поздно что-то менять. Джейми была единственным человеком, никогда не присутствовавшим на этих танцах и честно, я не знал, умела ли она вообще танцевать.

Признаю, что я также был озадачен тем, что она оденет, хотя об этом ей не обмолвился и словом. Когда Джейми ходила на церковные собрания, — которые поощрялись Хегбертом — она обычно была одета в старый свитер и в юбку из пледовой ткани, которые мы видели в школе каждый день, но школьные танцы, как предполагалось, были чем-то особенным. Большинство девочек купило новые платья, и мальчики надели костюмы, и в этом году мы наняли фотографа, чтобы сделать фотографии. Я знал, что Джейми не собиралась покупать новое платье, потому что она не была богатой. Священник — не та профессия, где люди много зарабатывали, конечно, ими не становились из-за выгоды, но из-за высшей цели. Но я не хотел, чтобы она надела те же самые вещи, которые носила в школе каждый день. Не так из-за себя — мое сердце не камень — но из-за того, что сказали бы другие. Я не хотел, чтобы люди высмеяли её.

Хорошей новостью, если она таковой была, было то, что Эрик не сильно высмеивал меня относительно моего выбора, потому что он был слишком занят, думая о своем собственном. Он пригласил Маргарет Хэйс — главную болельщицу в нашей школе. Она не была самой яркой игрушкой на Рождественской елке, но все же по-своему была хороша. Я имею в виду её ноги. Эрик предложил пойти вместе парами, но я отклонил его предложение, потому что не хотел рисковать, чтобы Эрик или другие дразнили Джейми. Он был хорошим парнем, но иногда был бессердечным, особенно после нескольких рюмок бурбона.

На кануне танцев я был весьма занят. Я потратил большинство дня, помогая украсить гимнастический зал, и я должен был приехать к Джейми на пол часа раньше, потому что ее отец хотел поговорить со мной, хотя я и не знал почему. Джейми сообщила мне это только вчера, и я не могу сказать, что не был взволнован данной перспективой. Я полагал, что он собирался говорить об искушении и несправедном пути, к которым это может нас привести. Если бы он поднял тему внебрачной связи, то я, наверное, умер бы там же на месте. Я произносил короткую молитву целый день в надежде уйти от этой беседы, но я не был уверен, услышит ли Бог мои молитвы, учитывая, как я вел себя в прошлом. Я был довольно взволнован, думая об этом.

После душа, я надел свой лучший костюм, зашел к цветочнице, чтобы добыть букет для корсажа Джейми, затем поехал к её дому. Моя мама одолжила мне автомобиль, и я припарковал его на улице непосредственно перед домом Джейми. Мы не опаздывали, и я медленно пошел потресканой дорожкой к ее двери. Я постучал и, подождав мгновение, постучал снова. Из-за двери я услышал, что Хегберт сказал, «одну секунду», но он точно не бежал к двери. Я, должно быть, стоял там, в течение двух минут или около того, смотря на дверь, на плесень, на небольшие трещины в подоконниках. В стороне были стулья, на которых мы с Джейми сидели несколько дней назад. Тот, на котором сидел я, все еще был обращён в противоположном направлении. Полагаю, они не сидели там несколько прошлых дней.

Наконец, поскрипывая, открылась дверь. Свет, исходящей от комнатной лампы, слегка осенил лицо Хегберта. Он был стар, как я и сказал, семьдесят два года по моим подсчетам. Это был первый раз, когда я видел его вблизи, и я видел все морщины на его лице. Его кожа действительно была прозрачна, и даже больше, чем я воображал.

«Здравствуйте, Преподобный», с трепетом сказал я. «Я пришел, чтобы взять Джейми на школьные танцы».

«Конечно», ответил он. «Но сначала, я хотел бы поговорить с тобой».

«Да, сэр, именно поэтому я и пришёл пораньше».

«Проходи в дом».

В церкви Хегберт был одет подобающе, но прямо сейчас он напоминал фермера, одетого в комбинезон и футболку. Он предложил мне присесть на деревянном стуле, который он принёс из кухни. «Я сожалею, что потребовалось некоторое время, чтобы открыть тебе дверь. Я работал над завтрашней проповедью», сказал он.

Я сел.

«Ничего страшного, сэр». Я не знаю почему, но нужно было назвать его «сэром». Он был из тех, кто воплощал этот образ.

«Хорошо, тогда расскажи о себе».

Я думал, что это был довольно смешным вопросом, потому что он знал мою семью. Между прочим, он крестил меня, и видел меня в церкви каждое воскресенье, с тех пор как я был ребенком.

«Хорошо, сэр», начал я, точно не зная, что сказать, «я — президент студенческой организации. Я не знаю, говорила ли Джейми это Вам».

Он кивал. «Было дело. Продолжай».

«И... ну, я надеюсь поступить в университет Северной Каролины следующей осенью. Я уже получил анкету».

Он снова кивнул. «Что-нибудь еще?»

Я должен признать, что исчерпал слова. Часть меня хотела взять карандаш со стола и начать удерживать его на пальце целых тридцать секунд, но он не был из тех, кто бы это оценил.

«Думаю это всё, сэр».

«Не возражаешь, если я задам тебе вопрос?»

«Нет, сэр».

Он уставился на меня в течение долгого времени, как будто обдумывал вопрос.

«Почему ты пригласил мою дочь на танцы?» наконец сказал он.

Я был удивлен, и уверен, что мое выражение выдало меня.

«К чему Вы клоните, сэр».

«Ты не планируешь сделать что-нибудь..., что смутит её, не так ли?»

«Нет, сэр», сказал я быстро, потрясенный обвинением. «Нисколько. Я нуждался, чтобы кто-то пошёл со мной на танцы, и я попросил её. И это точная причина».

«Ты не планировал никаких шуток?»

«Нет, сэр. Я не сделал бы этого с ней...»

Это продолжалось в течение еще нескольких минут — он допрашивал меня об истинных намерениях, — но к счастью Джейми вышла из комнаты позади, и мы одновременно обернулись. Хегберт, наконец, прекратил разговор, и я облегченно вздохнул. Она надела красивую синюю юбку и белую блузу, я никогда не видел их прежде. К счастью она оставила свитер в шкафу. Должен признать, это не было слишком плохо, но я знал, что она все еще будет не дотягивать по сравнению с другими на танцах. Как всегда, ее волосы были затянуты узлом. Лично я думаю, что выглядело бы лучше, если бы она оставила их распущенными, но это было последней вещью, о которой я хотел ей сказать. Джейми выглядела как... ну, Джейми выглядела также как и обычно, но, по крайней мере, она не планировала захватить с собой Библию. Это было б уже слишком.

«Вы были не слишком строги с Лендоном, не так ли?» она сказала бодро своему отцу.

«У нас была дружеская беседа», быстро сказал я прежде, чем он успел ответить. По некоторым причинам я не думал, что он рассказал Джейми, что думал обо мне, и я не думал, что сейчас было подходящее для этого время.

«Хорошо, нам пора», сказала она через мгновение. Я думаю, что она ощущала напряженность в комнате. Она подошла к отцу и поцеловала его в щеку. «Не работайте допоздна над проповедью, хорошо?»

«Не буду», сказал он мягко. Даже в моем присутствии, я мог сказать, что он действительно любил ее и не боялся показывать это. Проблема была только в том, как он думал обо мне.

Мы сказали до свидания, и по пути к автомобилю, я вручил Джейми букет к корсажу и сказал, что я покажу ей, как его приколоть, как только мы сядем в автомобиль. Я открыл ей дверь и обошёл вокруг, затем также сел в машину. За тот короткий период времени, Джейми уже прикрепила цветы.

«Ты знаешь, я не глупа. Я знаю, как прикрепить это к корсажу».

Я завел автомобиль и направился к средней школе, обдумывая разговор с Хегбертом.

«Мой отец не очень любит тебя», сказала она, как будто знала, о чём я думал.

Я кивал, не отвечая.

«Он думает, что ты безответственный».

Я кивнул снова.

«Он, также, не очень любит твоего отца».

Я кивнул еще раз.

«Или твою семью».

Я понимал.

«Но ты знаешь, что я думаю?» спросила она внезапно.

«Нет.» К тому времени я был уже угнетен.

«Я думаю, что так или иначе все это было в плане Господа. Не так ли?»

Началось, подумал я.

Я был не уверен, мог ли вечер быть еще хуже, если Вам интересно. Большинство моих друзей держалось на расстоянии, и Джейми не имела много друзей, с кем можно было бы потанцевать, так что мы проводили большинство времени одни. Еще хуже, было то, что мое присутствие уже даже и не требовалось. Они изменили правило вследствие того, что Кери не смог найти себе девушку, и этот факт заставлял меня чувствовать себя довольно несчастным, как только я узнал о нем. Но из-за того, что ее отец сказал мне, я не мог отвести

ее домой раньше положенного, не так ли? И даже более того, она действительно хорошо проводила время; даже я мог видеть это. Ей понравилось художественное оформление зала, которое я помогал делать, понравилась музыка, понравилась фактически всё. Она продолжала говорить мне, насколько все было замечательным, и она спросила, мог ли бы я помочь ей украсить церковь когда-нибудь, для одного из их собраний. Я пробормотал, чтобы она позвонила мне, и даже притом, что я сказал это без энтузиазма, Джейми поблагодарила меня за внимание к ней. Честно говоря, я был угнетен, по крайней мере, в течение первого часа, хотя она, казалось, не замечала этого.

Джейми должна была быть дома к одиннадцати часам, за час до окончания танцев, что облегчало мои ожидания. Как только музыка началась, мы уходим с головой в танцы, и оказалось, что она довольно хорошо танцевала, учитывая, что это было для неё впервые. Она следовала за мной приблизительно дюжину песен, и после мы вернулись к столику и завели обычную беседу. Несомненно, она вставляла такие слова как «вера» и «радость» и даже «спасение», и говорила о помощи сиротам и спасении живых существ на шоссе, и была настолько счастлива, что было трудно оставаться надолго в подавленном состоянии.

Так что вещи не были настолько ужасны, как я ожидал. Только когда появились Лью и Анжела, все стало хуже.

Они появились спустя несколько минут после того, как мы пришли. Он носил глупую футболку, с пачкой кемел в рукаве, и с тупо прилизанными гелем волосами на голове. Анжела висела на нем с самого начала танцев, и не нужно быть гением, чтобы понять, — она выпила пару рюмок прежде, чем они добралась сюда. Её платье было действительно роскошным — ее мать работала в салоне и была на всех последних показах мод — и я заметил, что она переняла изысканную привычку, названную жеванием резинки. Она действительно жевала её, подобно корове.

Ну, старый Лью проглотил пару рюмок пунша, и кроме него еще несколько человек начали пьянеть. К тому времени, преподаватели узнали, что большинство пунша было выпито, и люди ходили с безжизненным взглядом в глазах. Когда я увидел, что Анжела выпила второй стакан пунша, я знал, что должен наблюдать за нею. Даже притом, что она кинула меня, я не хотел, чтобы что-то плохое случилось с нею. Она была первой девчонкой, с которой я когда-либо целовался по-французски, и даже притом, что наши зубы звенели в первый раз, когда мы пробовали сотворить поцелуй, и я видел звезды и должен был принять аспирин, когда добрался домой, я все еще имел чувства к ней.

Так что я сидел с Джейми, просто слушая, как она описывала чудеса библейской школы, наблюдая за Анжелой краем глаза, когда Лью и увидел, что я смотрю на неё. В одном взбешенном движении он обхватил Анжелу вокруг талии и потянул ее к столу, смотря на меня «по-деловому». Вы поняли, о чём я говорю.

«Ты уставился на мою девчонку?» спросил он, пребывая в напряжении.

«Нет».

«Да, он смотрел», нечленораздельно сказала Анжела. «Он смотрел прямо на меня. Это — мой старый парень, тот, о котором я тебе рассказывала».

Его глаза сузились, точно так же как это делал Хегберт.

«Так это ты», он сказал, глумясь.

Я — не силен в драках. Реально единственная драка, в которой я когда-либо побывал, была в третьем классе, я её проиграл, и начал плакать даже прежде, чем парень ударил меня кулаком. Обычно я не втягивался в большие неприятности, и оставался подальше от подобных вещей из-за моего пассивного характера, и, кроме того, никто не наезжал на меня, когда Эрик был поблизости. Но Эрик уединился с Маргарет вдаль, вероятно позади открытой трибуны.

«Я не смотрел», сказал я, наконец, «и я не знаю о чём она говорит, сомнительно чтобы это была правда».

Его глаза сузились. «Ты назвал Анжелу лгуньей?» насмехался он.

Ой.

Я думал, что он ударил бы меня тут же, но Джейми внезапно вмешалась в ситуацию.

«Разве я не знаю Вас?» она сказала бодро, смотря прямо на него. Иногда казалось, что Джейми не обращала внимания на ситуацию, которые случались прямо перед ней. «Думаю, что знаю. Вы работаете в центре города в гараже. Вашего отца зовут Джо, и ваша бабушка проживает на Фостер Роуд, возле железной дороги».

Замешательство воцарилось на лице Лью, как будто бы он пробовал собрать головоломку со слишком многих частей.

«Откуда ты всё это знаешь? Что же он сделал, тоже рассказал тебе обо мне?»

«Нет», сказала Джейми, «не будь глупым». Она засмеялась. Только Джейми могла найти юмор в такой ситуации. «Я видела вашу фотографию в доме вашей бабушки. Я проходила мимо, когда она нуждалась в помощи, чтобы попасть в бакалейную лавку. Ваша фотография была на каминной доске».

Лью смотрел на Джейми, как будто у неё из ушей проросли стебли кукурузы.

Тем временем Джейми обмахивала себя руками. «Ну, мы только что присели, чтобы перевести дух от всех этих танцев. Там было действительно горячо. Не хотели бы Вы присоединиться к нам? У нас есть несколько стульев. Я с удовольствием бы послушала, как поживает ваша бабушка».

Она казалась настолько счастливой говоря это, что Лью не знал, что делать. В отличие от нас, кто бывал в таких ситуациях, он прежде никогда не встречал никого похожего на Джейми. Он стоял там несколько мгновений, решая, ударить ли ему парня с девчонкой, которая помогла его бабушке. Если это сбивает Вас с толку, вообразите, что же творилось в поврежденном нефтью мозгу Лью.

Он, наконец, скрылся без ответа, забрав с собой Анжелу. Анжела, вероятно, забыла, как все, в конце концов, началось, благодаря количеству выпитого спиртного. Джейми и я наблюдали, как он уходил, и когда он был на безопасном расстоянии, я выдохнул. Я даже не заметил, что задержал дыхание.

«Спасибо», пробормотал я застенчиво, понимая, что Джейми — Джейми! — была та, кто спас меня от серьёзных телесных повреждений. Джейми удивлённо посмотрела на меня. «За что?» — спросила она, и когда я точно не смог объяснить ей причину, она вернулась к своей истории о библейской школе, как будто ничего вообще не произошло. Я заметил, что, на сей раз, действительно слушал ее, по крайней мере, одним ухом. Это было наименьшее, что я мог сделать.

Оказывается, что это был не последний раз, когда мы видели Лью или Анжелу вечером. Два стакана пунша добились Анжелу, и её вырвало в женском туалете. Лью, будучи классным парнем, когда услышал, что её вырвало, ушёл также незаметно, как и пришёл, и это было последний раз, когда я его видел. Так должно было случиться, чтобы первой нашла Анжелу в ванной Джейми, и было очевидно, что Анжела плохо себя чувствовала. Единственным выбором было почистить её и отвести домой перед тем, как об этом станет известно преподавателям. Пьянство жестко пресекалось, и её могли на некоторое время отстранить, или, возможно, даже исключить, если бы её поймали с поличным.

Джейми, благослови тебя Господи, не хотела, чтобы это случилось даже больше, чем я, хотя, если бы Вы спросили меня до произошедшего события, я думал по-другому, вследствие того, что Анжела была несовершеннолетним нарушителем закона. Она также нарушила другое правило Хегберта — надлежащее поведение. Хегберт хмурился насчет нарушения закона и пьянства, и хотя он не сравнивал это с блудом, все мы знали, что он был смертельно серьёзен в те моменты, и мы предполагали, что Джейми чувствовала также. А возможно она так и чувствовала, но ее инстинкт помощника, должно быть, взял верх. Она, вероятно, взглянула на Анжелу и подумала «раненый зверёк» или что-то подобно этому и взялась немедленно исправлять ситуацию. Я нашел Эрика позади открытой трибуны, и он согласился стоять на страже перед дверью в ванную, в то время как я с Джейми приводил все в порядок. Говорю Вам, Анжела изумительно потрудились. Рвота была всюду, кроме туалета. Стены, пол, раковины и даже потолок, понятия не имею, как у неё это получилось. Так что я

ползал на четвереньках, очищая рвоту на танцах в своем лучшем синем костюме, и это было именно тем, что я хотел здесь избежать. И Джейми, моя девушка, также на четвереньках делала точно то же самое, что и я.

Я мог фактически слышать писклявый смех Кери, маниакальный смех на определенном расстоянии.

Мы закончили, вышли через черный ход гимнастического зала, поддерживая с обеих сторон Анжелу в устойчивом положении. Она продолжала спрашивать, куда делся Лью, но Джейми попросила её не волноваться. Она говорила с Анжелой действительно успокаивающим способом, но так как Анжела не была в трезвом здравии, то я сомневаюсь в том, что она догадывалась, кто с ней говорил. Мы посадили Анжелу на заднем месте моего автомобиля, где она сразу же и потеряла сознание, хотя по дороге она вырвала еще раз на пол автомобиля. Запах был настолько ужасен, что мы должны были открыть полностью окна, чтобы не вставить ей кляп в рот, и поездка к дому Анжелы казалась ужасно долгой. Ее мать открыла дверь, взглянула на дочь, и забрала ее внутрь дома без единого слова благодарности. Я думаю, она была обеспокоена, хотя, честно говоря, вряд ли бы мы смогли ясно объяснить ей, что случилось. Ситуация говорила сама за себя.

Когда мы отвезли Анжелу домой, было, уже, десять сорок пять, и мы повернули к дому Джейми. Я волновался из-за того, как Джейми выглядела и пахнула, и я произнес тихую молитву, надеясь, что Хегберт уже спал. Я не хотел объяснять это ему. О, он, вероятно, выслушает Джейми, но я имел болезненное чувство, что он, так или иначе, обвинить в этом меня.

Так что я провел её к двери, и мы стояли снаружи у крыльца. Джейми перекрестила руки и улыбнулась, выглядя так, как если бы она вернулась с вечерней прогулки, где она созерцала красоту мира.

«Пожалуйста, не рассказывай об этом своему отцу», сказал я.

«Не скажу», сказала она. Она продолжала улыбаться, когда, наконец, обернулась в мою сторону. «Я хорошо провела время сегодня вечером. Спасибо за то, что взял меня на танцы».

Она была рядом, вся в рвоте, и благодарила меня за вечер. Иногда, Джейми Саливан действительно могла свести парня с ума.

Глава четвертая

Через две недели после ежегодных школьных танцев, моя жизнь в значительной степени возвратилась к норме. Мой отец вернулся в Вашингтон, что делало вещи намного более интересными в моем доме, прежде всего, потому что я мог незаметно спускаться через окно снова и идти на кладбище поздно ночью. Я не знаю, что было в этом кладбище, что нас так привлекало. Возможно, оно имело некоторое отношение к надгробным плитам, потому что, когда они появились, на них стало довольно удобно сидеть.

Мы обычно сидели на маленьком участке, где была похоронена семья Престонов приблизительно сто лет назад. Там было восемь надгробных плит, они образовывали круг, облегчая передачу жареных арахисов туда и сюда между нами. Было время, когда мои друзья, и я решили навести справки о семье Престонов, и мы пошли в библиотеку, чтобы узнать, есть ли там какая-нибудь о них информация. Я подразумеваю, если бы Вы собрались сидеть на чьей-то надгробной плите, Вы возможно также бы захотели узнать кое-что о них, не так ли?

Оказывается, что не было много информации об этой семье, хотя мы действительно узнали кое-что интересное. Генри Престон, отец, был одноруким дровосеком, хотите, верьте, хотите, нет. Возможно, он мог срубить дерево с такой же скоростью, как и любой двурукий человек. Теперь узнав об этом, мы много говорили о нем. Мы обыкновенно задавались вопросом, что еще он мог сделать только одной рукой, и мы тратили долгие часы, обсуждая, как быстро он мог передать бейсбольный мяч или действительно ли он был в состоянии

переплыть Береговой канал. Наши беседы точно не были высокоинтеллектуальными, признаю, но, тем не менее, я наслаждался ими.

Ну, когда однажды Эрик и я были там, в субботу ночью с несколькими другими друзьями, едя жареные арахисы и говоря о Генри Престоне, Эрик спросил меня, как прошло мое свидание с Джейми Саливан. Он и я долго не виделись, после школьных танцев, потому что в футбольном сезоне начались решающие встречи, и Эрик был вне города несколько прошлых уик-эндов с командой.

«Все прошло хорошо», сказал я, пожимая плечами, прилагая все усилия, чтобы оставаться спокойным.

Эрик энергично потолкал локтями меня в ребра, и я заворчал. Он был тяжелее меня, по крайней мере, на тридцать фунтов.

«Ты целовал ее, желая доброй ночи?»

«Нет».

Он сделал большой глоток с бутылки, возможно пиво Бадвайзер, когда я ответил. Не знаю, как он это делал, но у Эрика никогда не было неприятностей, когда он покупал пиво, что было странным, потому что каждый в городе знал, сколько ему лет.

Он вытер губы рукой, бросая на меня косой взгляд.

«Я думал, что после того, как она помогла тебе убрать ванную, ты, по крайней мере, должен был поцеловать ее, желая доброй ночи».

«Ну, я этого не сделал».

«А ты хоть пробовал?»

«Нет».

«Почему нет?»

«Она не из тех девчонок», сказал я, и даже притом, что все мы знали, что так оно и было, все равно казалось, что я защищал ее.

Эрик пристал ко мне как пиявка.

«Я думаю, что она тебе нравится», сказал он.

«Чушь», ответил я, и он хлопнул по моей спине так, что перебил мое дыхание. Болтание с Эриком обычно означало, что у меня появятся несколько ушибов на следующий день.

«Да, возможно», сказал он, подмигивая, «но ты поражен Джейми Саливан».

Я знал, что мы ступили на опасную почву.

«Я просто использовал ее, чтобы произвести на Маргарет впечатление», сказал я. «И если взять во внимание все любовные записки, что она мне прислала в последнее время, я считаю, что у меня получилось».

Эрик громко засмеялся, похлопав меня по спине снова.

«Ты и Маргарет — это интересно...»

Я знал, что только что избежал главной неприятности, и я вдохнул с облегчением, когда сменилась тема нашей беседы. Я присоединился к ней время от времени, но в действительности не слушал то, о чем они говорили. Вместо этого я продолжал слышать свой внутренний голос, который заставлял меня задаться вопросом о том, что сказал Эрик.

Дело в том, что Джейми была, вероятно, лучшей девчонкой, которую я мог пригласить той ночью, особенно рассматривая то, как прошел вечер. То, что сделала она, еще никто не делал. В то же самое время, то, что она была хорошим выбором, не означало, что она мне нравилась. Я не говорил с нею вообще после танцев, кроме тех случаев, когда я видел ее в драмкружке, и даже тогда это было только несколько слов. Если бы она мне нравилась, сказал я себе, то хотел бы поговорить с нею. Если она мне нравилась, то предложил бы провести ее домой. Если бы она мне нравилась, то хотел бы пригласить ее в кафе «Сесиль» на пирожок и колу. Но я не хотел ничего из этого. Правда. По-моему, я уже итак отработал свое наказание.

На следующий день, в воскресенье, я был в своей комнате, работая над анкетой в университет Северной Каролины. В дополнение к копиям документов со своей средней

школы и другой личной информацией, они требовали пять эссе обычного типа. Если бы Вы могли встретить исторический персонаж, кем бы он был и почему? Назовите самое существенное влияние на вашу жизнь и почему Вы так думаете? Что Вы ищете в образце для подражания и почему? Вопросы на эссе были довольно предсказуемы — наш преподаватель по английскому языку сказал нам чего ожидать — и я уже работал над несколькими вариантами под видом домашнего задания.

Английский язык был, вероятно, моим лучшим предметом. Я никогда не получал оценки ниже «отлично» с тех пор как я поступил в школу, и я был рад, что акцент в заявлении делался на сочинения. Если бы он был на математику, то я, возможно, был бы в беде, особенно если бы он включал те вопросы об алгебре, которые говорили о двух поездах, уезжающих с разрывом в один час, едущих в противоположных направлениях на скорости сорока миль в час, и т. д. Не то, чтобы я был плох в математике — я обычно вытягивал, по крайней мере, на «3», но это не давалось мне легко, если Вы можете меня понять.

Так или иначе, я писал одно из моих эссе, когда зазвонил телефон. Единственный телефон, который мы имели, был расположен на кухне, и я должен был бежать вниз, чтобы снять трубку. Я дышал так громко, что не смог сразу разобрать голос, хотя он был похожим на голос Анжелы. Я сразу же улыбнулся. Даже притом, что она сделала, и я должен был убирать за ней, она была симпатичной забавой почти все время. И ее платье действительно было кое-чем, по крайней мере, в течение первого часа. Я полагал, что она, вероятно, звонила, чтобы поблагодарить меня или даже пригласить меня на кофе или что-то в этом роде.

«Лендон?»

«О, привет», сказал я, успокаиваясь, «как дела?»

На другом конце была короткая пауза.

«Как ты?»

Именно тогда я внезапно понял, что я говорил не с Анжелой. Вместо неё это была Джейми, и я чуть не выронил трубку. Я не могу сказать, что я был счастлив, слыша ее, и в течение секунды я задавался вопросом, кто дал ей мой телефонный номер прежде, чем я понял, что он, вероятно, был в церковных записях.

«Лендон?»

«Я в порядке», наконец выболтал я, будучи все еще в шоке.

«Ты не занят?» спросила она.

«Типа того».

«О... Понятно...», сказала она, затихая. Она сделала снова паузу.

«Почему ты мне звонишь?» спросил я.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы ответить.

«Ну... Я только хотела знать, смог ли бы ты зайти сегодня».

«Зайти?»

«Да. Ко мне».

«К тебе?» Я даже не пробовал замаскировать растущее удивление в своем голосе. Джейми проигнорировала это и продолжила.

«Есть кое-что, о чем я хочу поговорить с тобой. Я бы не просила, если бы это не было важно».

«А не можешь ли ты просто сказать мне это по телефону?»

«Лучше не по телефону».

«Ну, я буду работать над своими эссе для анкеты в колледж весь день», сказал я, пробуя найти причину для отказа.

«О... хорошо... как я и сказала, это важно, но я полагаю, что смогу поговорить с тобой в понедельник в школе...»

И тогда я внезапно понял, что она не собиралась так просто сдать и что разговор состоится, так или иначе. Мой мозг внезапно просматривал сценарии, как лучше мне сделать — поговорить с ней там, где мои друзья увидели бы нас или в ее доме. Хотя мне они не

нравились, совесть напоминала мне, что она выручила меня, когда я действительно нуждался в этом, и наименее, что бы я мог сделать — послушать то, что она должна была сказать. Я могу быть безответственным, но я все же хороший безответственный человек, если я настрою себя на это.

Конечно, это не означало, чтобы все узнали об этом.

«Нет», сказал я, «можно сегодня...»

Мы договорились встретиться в пять часов, и остальная часть дня, прошла так же медленно, как капали капли китайской водной пытки. Я вышел из дома раньше на двадцать минут, таким образом, имея больше времени, чтобы добраться туда. Мой дом был расположен около береговой линии в исторической части города, всего несколько домов ниже от того, где жил Блекберд, возвышаясь над Береговым каналом. Джейми жила с другой стороны города, с другой стороны железной дороги, таким образом, мне требовалось достаточно времени, чтобы добраться туда.

Был месяц ноябрь, и температура понижалась. Одним из того, что я действительно любил в Бьюфорте, было то, что весна и осень длились фактически всегда. Жаркое лето или снег зимой появлялись однажды каждые шесть лет, а холодный период, мог длиться приблизительно одну неделю в январе, но главным образом все, в чем Вы нуждались, был легкий жакет, чтобы перезимовать. Сегодня был один из тех прекрасных семидесятих дней без облака в небе.

Я пришел к дому Джейми вовремя и постучал в дверь. Джейми открыла, и быстрый осмотр показал, что Хегберта не было. Не было слишком тепло, чтобы утолить жажду сладким чаем или лимонадом, и мы снова сели на стульях на крыльце, на этот раз без напитков. Солнце начинало садиться, и на улице не было никого. На сей раз, мне не пришлось маскироваться. Стул стоял так же, как и в тот раз, когда я был здесь.

«Спасибо за то, что пришел, Лендон», сказала она. «Я знаю, что ты занят, и я ценю то, что ты пришел».

«Итак, что же является настолько важным?» Сказал я, желая закончить разговор как можно быстрее.

Джейми, впервые с тех пор как я узнал ее, фактически нервничала, когда она сидела со мной. Она то складывала свои руки, то разделяла их.

«Я хотела попросить тебя об услуге», сказала она серьезно.

«Услуге?»

Она кивнула.

Сначала я подумал, что она собиралась попросить, чтобы я помог ей украшать церковь, как она упомянула на танцах, или возможно она нуждалась во мне, чтобы использовать автомобиль моей матери, и привезти что-то сиротам. Джейми не имела водительских прав, и Хегберт нуждался в автомобиле так или иначе, будучи то на похоронах, то еще там, где в нем нуждались. Но все еще ей потребовалось несколько секунд, чтобы ответить.

Она вздохнула, и снова сложила руки.

«Я хотела бы попросить тебя, если ты не возражаешь, сыграть Тома Торнтон в школьной пьесе», сказала она.

Том Торнтон, как я и сказал прежде, был человек, который искал музыкальную шкатулку для своей дочери, тот, кто повстречал ангела. Если не брать во внимание роль ангела, то это была, бесспорно, самая важная роль.

«Ну... Я и не знаю», сказал я, смущенно. «Я думал, что Эдди Джоунс собирался быть Томом. Это и мисс Гарбер сказала нам».

Так к слову, Эдди Джоунс очень походил на Кери Денисона. Он был действительно тощим, с прыщами на всем лице, и он обычно говорил бы с Вами с выпученными глазами. У него был нервный тик, и он не мог не выпучить глаза всякий раз, когда он нервничал, что было фактически все время. Он, вероятно, закончил бы свои реплики как психотически слепой человек, если бы Вы поместили его перед толпой. Ко всем неприятностям, он еще и

заикался, и это отнимало у него много времени, чтобы сказать что-нибудь вообще. Мисс Гарбер дала ему роль, потому что он был единственным, кто согласился на неё, но даже тогда было очевидно, что она этого не хотела. Преподаватели также были людьми, но она не имела большого выбора, так как никто больше не захотел эту роль.

«Мисс Гарбер точно этого не говорила. Она сказала, что Эдди получит роль, если никто больше не согласится».

«Разве никто не согласился?»

Но действительно не было никого еще, и я знал это. Из-за требования Хегберта, чтобы только старшеклассники играли в пьесе, все зашло в тупик в этом году. Было приблизительно пятьдесят старшеклассников парней в средней школе, двадцать два из которых были в футбольной команде, и находились в разъездах, борясь за звание чемпиона штата, и ни один из них не будет иметь время, чтобы пойти на репетиции. Из приблизительно тридцати оставшихся, больше чем половина была в оркестре, и после уроков у них были репетиции. Быстрый подсчет показал, что была дюжина других, которые возможно могли сыграть эту роль.

Теперь, я не хотел играть в пьесе вообще, и не только потому, что я ясно понял, что драма была самым скучным кружком, когда-либо изобретаемым. Дело было в том, что я уже приглашал Джейми на танцы, и с нею как с ангелом, я просто не могу перенести мысль, что должен буду проводить каждый день с нею в течение следующего месяца или около этого. Быть замеченным с нею однажды было достаточно плохо..., но быть замеченным с нею каждый день? Что сказали бы мои друзья?

Но я видел, что это было действительно важно для нее. Просто факт того, что она просила об услуге, ясно давал понять это. Джейми никогда не просила ни у кого об услуге. Думаю, глубоко в душе она подозревала, что никто никогда не сделает ей одолжение из-за того, кем она была. И все это наводило на меня грусть.

«Как насчет Джефа Бенджерта? Он мог бы сделать это», предложил я.

Джейми покачала головой. «Он не может. Заболел его отец, и он должен работать в магазине после школы, пока его отец не выздоровеет».

«А как насчет Дарена Вуда?»

«Он сломал руку на прошлой неделе, поскользнувшись на лодке. Его рука на перевязи».

«Неужели? Я и не знал этого», сказал я, останавливаясь, но Джейми поняла, к чему я клонил.

«Я молилась об этом, Лендон», сказала она просто, и вздохнула во второй раз. «Я действительно хотела бы, чтобы эта пьеса была особенной в этом году, не для меня, а из-за моего отца. Я хочу, чтобы её постановка была наилучшей, чем когда-либо. Я знаю, как много будет значить для него видеть, что я буду ангелом, потому что эта пьеса напоминает ему о моей матери...» Она сделала паузу, собираясь с мыслями. «Было бы ужасно, если бы пьеса была неудачей в этом году, тем более, когда я буду участвовать в ней».

Она остановилась снова перед тем, как продолжить, ее голос стал более эмоциональным, когда она продолжила.

«Я знаю, что Эдди приложил бы все усилия, которые сможет, я верю в это. И меня не смущает то, что он будет играть в пьесе со мной, это правда. Фактически, он — очень хороший человек, но он сказал мне, что он хотел бы пересмотреть свое решение по поводу пьесы. Иногда люди в школе могут быть такие... такие... жестокие, и я не хочу, чтобы Эдди был травмирован. Но...» Она глубоко вздохнула, «но реальная причина, из-за которой я прошу, — мой отец. Он — такой хороший человек, Лендон. Если люди высмеивают его память о моей матери, в то время как я играю роль... да, это разбило бы мое сердце. И с Эдди и со мной... Ты знаешь, что сказали бы люди».

Я кивал, зажав губы вместе, зная, что я и буду одним из тех людей, о которых она говорила. Фактически, я уже был. Джейми и Эдди, динамический дуэт, мы назвали их после того, как мисс Гарбер объявила, что они будут играть главные роли. Сам факт того, что

именно я запустил это, заставило меня чувствовать себя ужасно, боль приступила к моему животу.

Она выправилась немного на стуле и грустно смотрела на меня, как будто она уже знала, что я собирался сказать нет. Я полагаю, что она и не знала, как я чувствовал себя. Она продолжила.

«Я знаю, что испытания — всегда были частью плана Господа, но я не хочу полагать, что Господь будет жестоким, особенно к моему отцу. Он посвящает свою жизнь Богу, проповедуя в общине. И он уже потерял свою жену и должен был воспитать меня самостоятельно. И я люблю его за это так сильно...»

Джейми отвернулась, но я мог видеть слезы в ее глазах. Это был первый раз, когда я видел, что она плачет. Я думаю, что часть меня, также, хотела плакать.

«Я не прошу, чтобы ты сделал это для меня», сказала она мягко, «и если ты скажешь — нет, то я все еще буду молиться о тебе. Я обещаю. Но если бы ты хотел сделать что-то хорошее для замечательного человека, который так много значит для меня... Ты подумаешь об этом?»

Ее глаза были похожи на глаза кокер-спаниеля, который только что запачкал коврик. Я посмотрел под ноги.

«Я не буду об этом думать», сказал я, наконец. «Я сделаю это».

У меня действительно не было выбора, не так ли?

Глава пятая

На следующий день я поговорил с мисс Гарбер, прошел прослушивание, и получил роль. Эдди, между прочим, не был расстроен вообще. Фактически, я мог сказать, что он чувствовал облегчение насчет этого. Когда мисс Гарбер спросила его, позволит ли он мне играть роль Тома Торнтон, его лицо тут же расслабилось, и один его глаз приоткрылся. «Д-д-да, а-а-абсолютно», сказал он, заикаясь. «Я я я по-по-понимаю». Потребовалось фактически десять секунд, чтобы он смог сказать эти слова.

Из-за его великодушия, мисс Гарбер дала ему роль бродяги, и мы знали, что он сыграет её на пять балов. Понимаете, бродяга был полностью немой, но ангел всегда знал, о чем он думал. Однажды в пьесе она должна была сказать немому бродяге, что Бог всегда видит его, потому что Он особенно беспокоится о бедных и угнетённых. Это было подсказкой для аудитории, что её послали с небес. Как я и сказал, Хегберт хотел, чтобы было ясно, кто предложит выкуп и спасение, и это, конечно, не было несколько хрупких духов, которые прибыли ниоткуда.

Репетиции начались на следующей неделе, и мы репетировали в классной комнате, потому что Театр не откроется для нас, пока мы не устраним все «маленькие дефекты» из нашей игры. Под маленькими дефектами, я подразумеваю наше умение случайно сбивать опоры. Опоры были сделаны Тоби Бушем приблизительно пятнадцать лет назад, когда пьеса была только написана. Он был своего рода бродячим мастером, который сделал несколько проектов для Театра в прошлом. Бродячим мастером он был потому, что пил пиво целый день во время работы, и примерно до двух часов или около того он просто летал. Думаю, что он не мог смотреть прямо, потому что, по крайней мере, один раз в день случайно бил себя молотком по пальцам. Всякий раз, когда это случалось, он бросал молоток и подпрыгивал, держась за пальцы, проклиная каждого от своей матери до дьявола. Когда он, наконец, успокаивался, он пил пиво, чтобы успокоить боль перед возвращением к работе. Его суставы пальцев были размером с грецкий орех, постоянно раздутых от битья, и никто не хотел нанимать его на постоянную работу. Единственная причина, по которой Хегберт нанял его, была та, что он был вне конкуренции, предлагая самую низкую цену в городе.

Но Хегберт не позволял пить или проклинать, и Тоби действительно не знал, как работать в таких строгих условиях. В результате, работа была сделана неряшливо, хотя сразу это не было очевидно. После нескольких лет опоры начали разваливаться, и Хегберт решил

сам починить их. Но в то время как Хегберт был способен цитировать Библию, он не был слишком хорош в забивании гвоздей; опоры согнулись и ржавые гвозди торчали в фанере во многих местах, так что мы должны были быть осторожными и ходить в безопасных местах. Если бы мы сбились с правильного пути, мы или порезались бы, или свалили бы опоры, что причинило бы вред полу сцены из-за торчащих гвоздей. После нескольких лет сцену Театра нужно было переделать, и хотя дирекция театра не могла закрыть свои двери для Хегберта, с ним был заключен договор о более осторожном отношении к Театру в будущем. Это подразумевало также, что мы должны были репетировать в классной комнате, пока не удалим «маленькие дефекты».

К счастью Хегберт не был вовлечен в постановку пьесы, из-за всех своих обязанностей священника. Эта роль выпала мисс Гарбер, и первая вещь, которую она нам сказала — было выучить свои роли настолько быстро насколько возможно. У нас не было так много времени, как обычно выделялось для репетиций, потому что День Благодарения выпадал на последний день ноября, и Хегберт не хотел, чтобы пьесе сыграли слишком близко к Рождеству, чтобы не столкнуться «с её истинным значением». По этому у нас оставалось только три недели, чтобы поставить пьесу, что было приблизительно неделей короче, чем обычно.

Репетиции начались в третьем часу, и Джейми уже знала свою роль в первый день, что действительно не удивляло. Более удивительным было то, что она полностью знала мою роль так же, как и всех остальных. Мы репетировали на сцене, она делала это без сценария, а я смотрел вниз на кучу страниц, пробуя выяснить какой будет моя следующая реплика, и всякий раз, когда я искал слова, у неё блестели глаза, как будто ждали появления неопалимой купины или что-то в этом роде. Единственные реплики, которые я знал — были репликами немого бродяги, по крайней мере, в тот первый день, и поэтому я начал завидовать Эдди. Предстояло много потрудиться, и это не было тем, что я ожидал, когда записывался в класс.

Мои благородные чувства об участии в пьесе остыли ко второму дню репетиций. Даже притом, что я знал, что поступал правильно, мои друзья не понимали это вообще, и они издевались надо мной, как только узнали. «Что ты творишь?» спросил Эрик, когда он узнал об этом. «Ты играешь пьесу с Джейми Саливан? Ты безумен или просто глуп?» Я бормотал, что имел серьезное основание, но он не слушал, и сказал всем вокруг, что я влюбился в нее без памяти. Конечно, я отрицал, но это заставило их убедиться в своей правоте, и они смеялись еще громче и рассказали всем остальным, с кем встречались. Вещи становились невыносимее — во время ленча, Салли говорила, что я размышляю о помолвке. Но я думаю, что Салли ревновала. Она влюбилась в меня без памяти, и чувство, возможно, было бы взаимно, если бы не факт, что она имела стеклянный глаз, а это я не мог проигнорировать. Ее плохой глаз напомнил мне глаз искусственной совы в липкой антикварной лавке, и честно говоря, это заставляло меня нервничать.

Я начал снова обижаться на Джейми. Я знаю, что это не была ее ошибка, но я поступал так из-за Хегберта, из-за истории с танцами, когда я чувствовал себя нежеланным в его доме. Я начал ошибаться в репликах на классных репетициях в течение следующих нескольких дней, даже не пытаюсь выучить их, и иногда выдавал шутку или две, над которыми смеялись все, кроме Джейми и мисс Гарбер. После окончания репетиции, я направлялся домой, чтобы забыть о пьесе, оставляя сценарий в классе. Я шутил с моими друзьями о странных вещах, что делала Джейми, и говорил выдумки о том, какой была мисс Гарбер, которая вынудила меня на всё это.

Джейми, тем не менее, не собиралась позволить мне так просто уйти. Нет, она достала меня именно там, где было больнее всего, ударяя по моему эго.

Я был с Эриком в субботу ночью после третьего государственного чемпионата Бьюфорта по футболу, спустя приблизительно неделю после начала репетиций. Мы гуляли по береговой линии возле кафе «Сесиль», жуя бутерброды и наблюдая за людьми в автомобилях, когда я увидел, что Джейми спускалась вниз по улице. Она была все еще на

расстоянии ста ярдов, поворачивая головой по сторонам, нося всё тот же старый коричневый свитер и держа Библию в руке. Должно быть, было девять часов или около того, и для неё уже было довольно поздно совершать вечернюю прогулку, особенно в этой части города. Я повернулся к ней спиной и натянул воротник на жакете, но даже Маргарет, — которая вместо мозгов имела банановый пудинг, — смогла сообразить, кого искала Джейми.

«Лендон, твоя подруга здесь».

«Она — не моя подруга», сказал я. «У меня нет подруги».

«Тогда твоя невеста».

Думаю, что с Салли она тоже говорила.

«Я не помолвлен — заминайте разговоры».

Я быстро посмотрел через плечо, пытаюсь выяснить — определила ли она меня, и мне показалось, что так оно и было. Она шла к нам. Я не подавал виду.

«Она на подходе», сказала Маргарет, и захихикала.

«Вижу» сказал я.

Двадцать секунд спустя она снова сказала это же.

«Вот она почти пришла». Говорю Вам, она была быстра.

«Я знаю» сказал я, заскрежетав зубами. Если бы не её ноги, она могла свести Вас с ума, почти также как и Джейми.

Я быстро оглянулся снова, и на сей раз, Джейми знала, что я увидел ее, и она улыбнулась и помахала мне рукой. Я отвернулся, и через мгновение она уже стояла около меня.

«Привет, Лендон», сказала она мне, забывая о моем презрении. «Привет Эрик, Маргарет...». Она поздоровалась со всеми. Каждый бормотал ей «привет» и старался не уставиться на Библию.

Эрик переместил руку, держащую пиво, за спину, так чтобы она не увидела его. Джейми могла заставить даже Эрика чувствовать себя виновным, если она находилась рядом. Было время, когда они были соседями, и Эрик разговаривал с ней прежде. У неё за спиной он назвал ее «Леди Спасения», очевидно ссылаясь на Армию спасения. «Она была бы бригадным генералом», любил он говорить. Но когда она стояла прямо перед ним, всё было по-другому. Он считал, что она была близка к Богу, и не хотел быть в её плохом расположении.

«Как дела, Эрик? Я не видела тебя очень давно». Она сказала это, как будто они были хорошими знакомыми.

Он переместился с ноги на ногу и посмотрел на свои ботинки — на его лице присутствовал, знакомый для всех, виновный взгляд.

«Ну, последнее время я не был в церкви», сказал он.

Джейми улыбнулась своей блестящей улыбкой. «Ничего страшного, я полагаю, что это не становится пока привычкой или что-то наподобие этого».

«Нет, не становится».

Теперь, когда я знал об исповеди — это когда католики находятся за ширмой и говорят священнику обо всех своих грехах — и это же случилось с Эриком, когда он был рядом с Джейми. В течение секунды я думал, что он собирался называть её «госпожой».

«Хочешь пиво?» спросила Маргарет. Я думаю, что она пробовала показаться забавной, но никто не засмеялся.

Джейми переместила руку на волосы, мягко потягивая за узел. «О... нет, действительно... спасибо».

Она посмотрела прямо на меня сияющим взглядом, и я понял, что попал в неприятности. Я думал, что она собиралась попросить меня отойти с ней в сторону, и честно говоря, так было бы даже лучше, но думаю, что это не было в ее планах.

«Ты очень хорошо потрудишься на репетициях в эту неделю», сказала она мне. «Я знаю, что у тебя очень много реплик, которые надо выучить, но уверена, что ты очень скоро справишься с ними. Хотела также поблагодарить тебя за твое старание. Ты — настоящий

человек».

«Благодарю», сказал я, чувствуя покалывание в своем животе. Я пробовал быть спокойным, но все мои друзья смотрели прямо на меня, внезапно задаваясь вопросом, говорил ли я им правду о мисс Гарбер, и вынуждала ли она меня к игре в пьесе. Я надеялся, что они не обратили на это внимания.

«Друзья должны гордиться тобой», добавила Джейми.

«О, так и есть», сказал Эрик, злорадствуя. «Очень гордимся. Он — хороший парень, этот Лендон, такой старательный».

О нет.

Джейми улыбнулась ему, затем повернулась ко мне снова, лицо её излучало радость. «Я также хотела сказать тебе, что, если нуждаешься в помощи, приходи в любое время. Мы можем сидеть на крыльце, как и прежде, и репетировать твои реплики, если будет необходимость».

Я видел, как Эрик обращаясь к Маргарет перекивлял слова «как и прежде». Было не очень радостно. К этому моменту боль в моем животе стала ужасной.

«Ну», пробормотал я, думая о том, как выпутаться с данной ситуации. «Я могу изучить их дома».

«Ну, иногда лучше изучать свою роль вместе с другим человеком, Лендон», предложил Эрик.

Говорю Вам, что он навязывал мне это, даже притом, что он был моим другом.

«Нет, действительно», сказал я ему, «я изучу реплики самостоятельно».

«Возможно», сказал Эрик, улыбаясь, «Вы вдвоем должны попрактиковаться перед сиротами, как только у вас будет немного лучше получаться. Что-то вроде генеральной репетиции, понимаете? Уверен, что они оценят это».

Вы бы видели, как Джейми изменилась при упоминании о сиротах. Каждый знал, что это была её кнопка. «Ты так думаешь?» спросила она.

Эрик убедительно кивал. «Уверен. Это идея Лендона, но я знаю, что, если бы я был сиротой, мне бы понравилось, даже если б это было вымыслом».

«Я думаю также», вмешалась Маргарет.

Пока они говорили, единственная вещь, о которой я мог думать, была та сцена из Юлия Цезаря, когда Брутус вонзает кинжал ему в спину. Et tu, Eric?

«Это была идея Лендона?» спросила она, двигая бровями. Она посмотрела на меня, и могу сказать, что она до сих пор размышляла над этим.

Но Эрик не собирался позволить мне так легко отделаться. Теперь, когда он накинул на мою шею удавку, единственная вещь, которую ему оставалось сделать — выбить стул из-под моих ног. «Ты ведь не против сделать это, Лендон?» сказал он. «Я имею в виду помощь сиротам».

Было не так то просто ответить «Нет», не так ли?

«Конечно», сказал я, задерживая дыхание, уставившись на моего лучшего друга. Эрик, несмотря на то, что был на курсах коррекции здоровья, сильно не исправился.

«Ну, тогда, все улажено. Конечно, если это устроит тебя, Джейми», сладко улыбаясь, сказал он.

«Ну... да, думаю, что я должна буду поговорить с мисс Гарбер и директором приюта, и если они дадут положительный ответ, то это была бы прекрасная идея».

И все произошедшее действительно радовало её.

Поражение.

На следующий день я потратил четырнадцать часов, запоминая свои реплики, проклиная друзей, и задаваясь вопросом, как моя жизнь вышла из-под контроля. Мой выпускной год, конечно, начался не так плохо, как я думал, но если я должен был сыграть перед группой сирот, то, конечно, не хотел бы выглядеть идиотом.

Глава шестая

Первое, что мы сделали — переговорили с мисс Гарбер о наших планах относительно сирот, и ей идея показалась изумительной. «Изумительно» было её любимым словом, после него было слово, которым она приветствовала Вас — «Привееееет». В понедельник, когда она увидела, что я знал все свои реплики, она сказала, «Изумительно!» и в течение следующих двух часов всякий раз, когда я заканчивал речь, она снова повторяла это же. К концу репетиции, я слышал данное слово приблизительно четыре в бесконечной степени раз.

Но мисс Гарбер фактически продвинула нашу идею дальше. Она сказала классу, что мы собирались сделать, и спросила, будут ли другие члены пьесы репетировать свои роли так, чтобы сироты могли действительно насладиться представлением. Она спросила так, что выбора на самом деле и не было, и высматривала, кто бы кивнул в знак согласия, чтобы всё выглядело официально. Никто и бровью не повёл, кроме Эдди. Так или иначе, в тот самый момент он вдохнул какую-то гадость, и серьёзно чихнул. Гадость вылетела через нос, пролетела стол, и приземлилась на пол рядом с ногой Нормы Джинс. Она соскочила со стула и громко закричала, а люди сидевшие рядом выкрикнули — «Фее... нахал!» Остальная часть класса начала глядеть по сторонам, вытягивая свои шеи, пробуя увидеть произошедшее, и в течение следующих десяти секунд было полное столпотворение в классной комнате. Мисс Гарбер это и было нужно.

«Изумительно», сказала она, закрывая обсуждение.

Джейми, тем временем, пребывала в возбуждении относительно постановки пьесы для сирот. Во время перерыва репетиций она потянула меня в сторону и поблагодарила меня за то, что я думал о сиротах. «Знаешь», сказала она почти законспирировано, «я думала, что бы сделать для приюта в этом году. Я молилась об этом в течение многих месяцев, потому что хочу, чтобы это Рождество было наиболее особенным из всех».

«А почему это Рождество настолько важно?» спросил я, и она терпеливо улыбнулась, как будто я задал вопрос, который не имел смысла.

«Так нужно» ответила она без усилия.

Следующим шагом было обсудить всё это с господином Дженкинсом, директором приюта. До этого я никогда не встречал Дженкинса, так как приют находился в Морхед Сити, который был с другой стороны моста от Бьюфорта, и у меня никогда не было причин идти туда. Когда на следующий день Джейми удивила меня новостью, что мы встречаемся с ним позже тем вечером, я был взволнован, так как не был достаточно хорошо одет. Понимаю, что это был всего лишь приют, но я хотел произвести хорошее впечатление. Даже притом, что я не был настолько взволнован из-за этого, как Джейми (да и никто не был), я также не хотел быть расцененным как человек, кто разрушил Рождество для сирот.

Прежде, чем мы пошли в приют на встречу, мы должны были зайти ко мне, чтобы взять автомобиль моей мамы, и дома я планировал переодеться во что-то более подходящее. Прогулка забрала приблизительно минут десять, и Джейми не успела много сказать по пути, по крайней мере, пока мы не добрались до моих окрестностей. Дома вокруг моего были большими и хорошо сохранились, и она спросила, кто там жил и какого возраста были здания. Я ответил на ее вопросы без раздумья, но когда я открыл дверь моего дома, я внезапно понял, насколько этот мир отличался от её мира. Она имела потрясенное выражение лица, когда осматривала гостиную комнату.

Без сомнения это был самый фантастический дом, в котором она когда-либо была. Мгновение спустя я видел, как её глаза путешествовали по картинам, которые украшали стены. К слову, это были мои предки. Как и у многих южных семейств, мое полное происхождение можно было проследить в дюжине лиц, которые были развешаны по стенам. Она уставилась на них, как по мне, ища сходство, затем направила своё внимание на мебель, которая все еще выглядела фактически новой, даже после двадцати лет. Мебель была ручной работы, собрана или вырезана из красного дерева и вишни, и спроектирована индивидуально для каждой комнаты. Должен признать, дом был приятен на вид, но не был тем, о чем бы я действительно думал. Как по мне, это был всего лишь дом. Моей любимой частью дома

было окно в моей комнате, через которое можно было пробраться на веранду этажом выше. И это служило моим шлюзом спасения.

Я показал ей дом, устроив быстрый тур по гостиной, библиотеке, рабочему кабинету, и комнате семейства, и глаза Джейми становились шире с каждой новой комнатой. Моя мама была на солнечном балконе, читая, потягивала мятный джулеп (*прим. напиток из виски/коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой*), и услышала, как мы ходили вокруг. Она зашла в дом, чтобы сказать привет.

Я уже говорил Вам, что каждый взрослый в городе обожал Джейми, и моя мама не была исключением. Даже при том, что Хегберт всегда в своих проповедях упоминал мою семью, моя мама никогда не держала зла на Джейми, из-за того, насколько она была мила. Пока они говорили, я был наверху, ища в шкафу чистую рубашку и галстук.

В то время мальчики надевали галстуки, особенно когда они встречались с очень важной персоной. Когда я спустился вниз по лестнице полностью одетый, Джейми уже сказала моей маме о нашем плане.

«Это — замечательная идея», сказала Джейми, сияюще улыбаясь ко мне. «У Лендона действительно большое сердце».

Моя мама — после того, как удостоверилась, что поняла Джейми правильно — с поднятыми бровями повернулась ко мне. Она уставилась на меня, как будто я был чужестранцем.

«Значит, это была твоя идея?» спросила моя мама. Как и каждый в городе, она знала, что Джейми не обманывает.

Я кашлянул, думая об Эрике, и о том, что я хотел сделать ему. К слову, в мыслях присутствовали меласса и огненные муравьи.

«Вроде того», сказал я.

«Поразительно». Это было единственное слово, которое она смогла произнести. Она не знала детали, но она знала, что меня должны были загипнотизировать, чтобы что-то подобное произошло. Матери всегда понимают такие дела, и я мог видеть, что она тщательно присматривалась ко мне и пробовала понять происходящее. Чтобы избежать ее любознательного пристального взгляда, я посмотрел на свои часы, притворился удивленным, и небрежно напомнил Джейми, что мы должны идти. Моя мама достала ключи от автомобиля со своего бумажника и вручила их мне, все еще бегло смотря на меня, пока мы не скрылись за дверью. Я вдохнул с облегчением, воображая, что я так или иначе покончил со всем этим, но пока я шел с Джейми к автомобилю, я снова услышал голос моей матери.

«Приходи в любое время, Джейми!» крикнула моя мама. «Ты всегда здесь желанный гость».

Даже матери иногда могли навязать Вам такие вещи.

Сев в автомобиль, я все еще качал головой.

«Твоя мать замечательная леди», сказала Джейми.

Я завел двигатель. «Да», сказал я, «наверное».

«И ваш дом красив».

«Угу».

«Ты должен считать себя благословенным».

«О», сказал я, «так и есть. Я — фактически самый удачливый парень из ныне живущих».

Так или иначе, она не уловила саркастический тон моего голоса.

Уже стало темнеть, когда мы добрались до приюта. Мы прибыли на несколько минут раньше. Директор разговаривал по телефону. Это был важный звонок, и он не мог встретиться с нами сразу же, так что мы устроились поудобней. Мы ждали на скамье в прихожей возле его двери, когда Джейми обратилась ко мне. Ее Библия была на коленях. Полагаю, что она нуждалась в поддержке, но, с другой стороны, возможно, это была уже привычка.

«Ты сегодня хорошо потрудился», сказала она. «Я насчет твоих реплик».

«Благодарю», сказал я, чувствуя себя гордым и угнетённым в то же самое время. «Тем не менее, я все еще не выработал интонацию». На крыльце у нас не было возможности попрактиковаться, и я надеялся, что она этого и не предложит.

«У тебя получится. Как только ты будешь знать все слова реплик».

«Надеюсь».

Джейми улыбнулась, и через мгновение она изменила тему, сбивая меня с мысли. «Ты когда-либо думал о будущем, Лендон?» спросила она.

Я был поражен ее вопросом, потому что он звучал... так обыденно.

«Да, несомненно» осторожно ответил я.

«И что ты хочешь сделать со своей жизнью?»

Я пожал плечами, немного опасаясь того, куда она клонила. «Пока не знаю. Еще не думал об этом. Я собираюсь в университет Северной Каролины следующей осенью, по крайней мере, надеюсь на это. Но сначала, я должен туда поступить».

«Ты поступишь», сказала она.

«Откуда ты знаешь?»

«Поскольку я также молился и об этом».

Когда она это сказала, я подумал, что мы втягиваемся в дискуссию о силе молитвы и веры, но Джейми еще раз выбила меня из седла.

«Ну а после колледжа? Что бы ты хотел сделать?»

«Я не знаю», сказал я, пожимая плечами. «Возможно, я буду одноруким дровосеком».

Она не посчитала это смешным.

«Я думаю, что ты должен стать священником», сказала она серьезно. «Я считаю, что ты хорошо ладишь с людьми, и они уважали бы то, что ты скажешь».

Хотя концепция была абсолютно нелепа, но я знал, что она сказала это от чистого сердца, и она предназначала сказанное как комплимент.

«Благодарю», сказал я. «Я не знаю, поступлю ли я так, но я уверен, что найду кое-что подходящее». Спустя мгновение я понял, что беседа остановилась, и теперь была моя очередь задать вопрос.

«А как насчет тебя? Что бы ты хотела сделать в будущем?»

Джейми отвернулась, и стала пристально вглядываться в даль, заставляя меня задаться вопросом, о чём же она думала, но данная ситуация исчезло почти так же быстро, как и началась.

«Я хочу выйти замуж», сказала она спокойно. «И когда это произойдет, я хочу, чтобы мой отец вел меня к венцу, и хочу, чтобы там были все с кем я знакома. Я хочу, чтобы церковь была переполнена людьми».

«И это все?» Хотя я не был склонен к идее относительно брака, казалось глупым надеяться на это, как на цель своей жизни.

«Да», сказала она. «Это — все, что я хочу».

То как она ответила, заставило меня подозревать, что она думала закончить так же, как и мисс Гарбер. Я пробовал улучшить её настроение, даже притом, что все это еще казалось мне глупым.

«Ну, ты выйдешь замуж когда-нибудь. Встретишь парня, у вас будут хорошие отношения, и он попросит тебя выйти за него. И я уверен, что твой отец будет счастлив вести тебя к венцу».

Я не упомянул только часть о наличии большой толпы в церкви. Это была единая вещь, которую я не мог даже представить.

Джейми обдумала тщательно мой ответ, взвешивая то, как я об этом сказал, хотя я не знал почему.

«Надеюсь, что так и будет», сказала она, наконец.

Я был уверен, что она не хотела больше об этом говорить, не спрашивайте меня о деталях, так что я сменил тему.

«Так, как долго ты ходишь в приют?» спросил я, поддерживая разговор.

«Семь лет. Мне было десять лет, когда я пришла в первый раз. Я была моложе, чем многие из этих сирот».

«Ты от этого получаешь удовольствие, или это заставляет тебя грустить?»

«И то и другое. Некоторые из присутствующих здесь детей пережили действительно ужасные ситуации. Вполне достаточно, чтобы разбить твое сердце, когда ты слышишь об этом. Но когда они видят, что ты пришел с некоторыми книгами из библиотеки или с новой игрой, чтобы поиграть в неё, их улыбки изгоняют всю печаль. Это — самые лучшие моменты, которые можно испытать в жизни».

Она фактически пылала, когда говорила. Хотя она не говорила в таком тоне, чтобы я почувствовал себя виновным, но именно так я себя и чувствовал. Это была одна из причин, из-за которой было очень трудно выносить ее, но к тому времени я понял, что это было справедливо. Она могла крутить Вами в любом направлении, но это были нужные уроки для меня.

В тот момент, мистер Дженкинс открыл дверь и предложил нам войти. Офис был очень похож на комнату больницы, с черно-белым плиточным полом, белыми стенами и потолками, металлический шкаф с выдвижными ящиками стоял возле стены. Там где обычно была кровать, стоял металлический стол, который выглядел так, словно только что сошел с конвейера. Потрясало то, что в офисе отсутствовали личные вещи. Не было ни единой фотографии, ничего.

Джейми представила меня, и я пожал руку мистера Дженкинса. После того, как мы сели, говорила большую часть времени Джейми. Они были старыми друзьями, Вы бы это сразу увидели, и мистер Дженкинс тепло обнял её, как только она вошла. После разглаживания своей юбки, Джейми объяснила наш план. Мистер Дженкинс видел пьесу несколько лет назад, и он точно знал, о чем она хотела рассказать, как только она начала. Но даже притом, что мистер Дженкинс очень любил Джейми и знал, что она не имела в виду ничего плохого, он не считал эту идею хорошей.

«Я не думаю, что это хорошая идея», сказал он.

Вот так я и узнал, что он думал.

«Почему нет?» спросила Джейми, двигая бровями. Она казалась искренне озадаченной его недостатком энтузиазма.

Мистер Дженкинс взял карандаш и начал точить его на столе, очевидно раздумывая над тем, как объясниться. Затем, он положил карандаш и вздохнул.

«Даже притом, что это замечательное предложение, и я знаю, что Вы хотели сделать эту пьесу особенной, но она — об отце, который, в конечном счете, понимает, насколько он любит свою дочь». Он на мгновение замолчал, давая нам обдумать его слова, и снова взял карандаш. «Здесь, Рождество достаточно трудный праздник, без напоминания детям того, чего они лишились. Я думаю, что, если дети увидят кое-что подобно этому...»

Ему даже не надо было заканчивать свою мысль. Джейми рукой закрыла свой рот. «О Боже», быстро сказала она, «Вы правы. Я и не подумала об этом».

По-правде говоря, я тоже об этом не подумал. Но сразу было очевидно, что г. Дженкинс был прав.

Он всё равно поблагодарил нас и некоторое время рассказывал о том, что он планировал сделать вместо этого.

«У нас будет маленькая ёлка и несколько подарков, которые они смогут разделить между собой. Вас с радостью будут ждать в Сочельник...».

После того, как мы попрощались, Джейми и я шли в тишине, не говоря ни слова. Я бы мог сказать, что она была грустна. Чем больше я наблюдал за Джейми, тем больше понимал, что у неё было много различных эмоций — она не всегда была веселой и счастливой. Верьте этому или нет, но это был первый раз, когда я признал, что в некоторых ситуациях она была точно такой же, как и все остальные.

«Я сожалею, что ничего не получилось», мягко сказал я.

«Я, тоже».

За мгновение до того, как она продолжила, ее глаза снова устремились в даль.

«Я только хотела, чтобы праздник отличался от других в этом году. Сделать кое-что особенное, что бы они запомнили его навсегда. Я была уверена, что это было тем, что надо...» Она вздохнула. «Кажется, у Бога есть план, о котором я пока не знаю».

Она молчала в течение долгого времени, и я смотрел на нее. Наблюдать за плохим самочувствием Джейми, было хуже, чем плохо себя чувствовать из-за нее. В отличие от Джейми, я заслужил плохое самочувствие, так как знал, каким человеком я был. Но она...

«Поскольку мы уже здесь, не желаешь остаться, чтобы увидеть детей?» спросил я, разбивая тишину. Это была единственная вещь, которая могла бы улучшить её настроение. «Я бы мог подождать здесь, пока ты будешь говорить с ними, или пойду к машине, если ты захочешь».

«Ты бы не посетил их со мной?» спросила она внезапно.

Честно говоря, я не был уверен, что хочу этого, но я знал, что она действительно хотела, чтобы я был там. И она чувствовала себя настолько подавлено, что слова вырвались автоматически.

«Конечно. Идем».

«Они должны быть в комнате отдыха. В это время, они обычно находятся там» сказала она.

Мы спустились по коридорам до конца зала, где были открыты две двери в комнату хорошего размера. В далеком углу стоял маленький телевизор и приблизительно тридцать металлических стульев, стоящих вокруг него. Дети сидели на стульях, и было видно, что только те, кто сидел в переднем ряду, видели четкую картинку.

Я оглянулся по сторонам. В углу был старый стол для пинг-понга. Поверхность его была покрыта трещинами и пылью, сети не было нигде видно. Несколько пустых кубков из пенопласта стояли на нём, и я знал, что стол не использовался месяцами, возможно и годами. На стене рядом со столом для пинг-понга был ряд полок, содержащих несколько игрушек и пару игр. Не так уж и много, и некоторые из них смотрелись, как будто они были в этой комнате в течение долгого времени. Возле ближайших стен были маленькие индивидуальные столы, со сложенными на них газетами, разрисованные мелками.

Мы остановились в дверях только на секунду. Мы еще не были замечены, и я спросил, для чего были предназначены газеты.

«У них нет книг-разрисовок», шептала она, «так что они используют газеты». Она не смотрела на меня когда говорила, вместо этого ее внимание было направлено на детей. Она снова начала улыбаться.

«И это все игрушки, которые они имеют?» спросил я.

Она кивнула. «Да, кроме мягких игрушек. Им разрешают держать такие игрушки в своих комнатах. Это место — где хранится остальная часть игрушек».

Предполагаю, что она привыкла к этому. Однако, как по мне, скудость комнаты делала все угнетающим. Я не мог вообразить, как можно расти в месте подобно этому.

Джейми и я, наконец, вошли в комнату, и один из детей, повернулся на звук наших шагов. Возрастом он был приблизительно восьми лет, у него были рыжие волосы и веснушки, два передних его зуба отсутствовали.

«Джейми!» закричал он счастливо, когда увидел ее, и все другие дети быстро повернули свои головы. Дети были в возрасте приблизительно от пяти до двенадцати лет, мальчиков было больше чем девочек. После двенадцать их нужно отослать приёмным родителям, как я позже узнал.

«Эй, Роджер», ответила Джейми, «как дела?»

Роджер и некоторые другие начали толпиться вокруг нас. Несколько других детей игнорировали нас и придвинулись поближе к телевизору, когда появились свободные места в переднем ряду. Джейми представила меня одному из старших детей, который подошел и спросил, я ли ее парень. Через тон, каким он произнёс вопрос, я думаю, что он имел то же самое мнение относительно Джейми, что и большинство детей в нашей средней школе.

«Он — только друг», сказала она. «Но он очень милый».

Почти час, мы гостили у детей. Я получил много вопросов о том, где я жил и был ли мой дом большой или какой автомобиль я имел, и когда, наконец, мы должны были уехать, Джейми пообещала, что она скоро вернется. Я заметил, что она не обещала, что я буду с нею.

Пока мы шли назад к автомобилю, я сказал, «Они — хорошие дети». Пожавши неловко плечами, я добавил «Я доволен, что ты хочешь им помочь».

Джейми повернулась ко мне и улыбнулась. Она знала, что тут нечего было добавить, но я могу сказать, что она все еще задавалась вопросом, что сделать для них в это Рождество.

Глава седьмая

Начался декабрь, и прошло чуть более двух недель репетиций. Прежде, чем небо стало по-зимнему темным, мисс Гарбер позволила нам закончить репетировать, и Джейми спросила меня, не буду ли я возражать провести ее домой. Я не знаю, почему она просила меня об этом. В те дни Бьюфорт точно не был рассадником преступности. Единственное убийство, о котором я когда-либо слышал, произошло шестью годами ранее, когда парня закололи снаружи таверны «Морис», которая, между прочим, была притоном для людей подобных Лью. В течение часа или около того произошла настоящая суматоха, и телефоны звонили по всему городу, в то время как взволнованные женщины задавались вопросом о возможности блуждающего по улицам сумасшедшего, который охотился на невинных жертв. Двери были заперты, оружие было заряжено, мужчины сидели возле окон, ища любого необычного прохожего по улице. Но все это закончилось прежде, чем наступила ночь, когда парень пришел в отделение полиции, чтобы сдать, объясняя, что это была драка, которая вышла из-под контроля. Вероятно, жертва не рассчиталась за проигранную ставку. Парень был обвинен в убийстве второй степени и получил шесть лет в государственной исправительной колонии. Полицейские в нашем городе имели самую скучную работу в мире, но они все еще любили ходить вокруг с важным видом или сидеть в кафе и говорить о «большом преступлении», как будто они были Шерлоками Холмсами.

Дом Джейми был мне по пути, и я не мог сказать нет, не ранив ее чувств. Это не значило, что она мне нравилась или что-нибудь в этом роде. Но поймите меня, когда Вы должны проводить несколько часов в день с кем-то, и потом Вы собираетесь продолжать делать это в течение, по крайней мере, другой недели, Вы не захотите сделать что-то, что могло бы сделать на следующий день несчастным любого из Вас.

Пьеса планировалась быть сыгранной в эту пятницу и в субботу, и много людей уже говорило об этом. Мисс Гарбер была настолько впечатлена Джейми и мной, что она продолжала говорить каждому, что это должна быть лучшей пьесой, которую школа когда-либо ставила. Мы узнали, что она имела реальный талант к продвижению чего-либо. Мы имели одну радиостанцию в городе, и они взяли интервью у нее, целых два раза. «Это будет изумительно», объявила она, «абсолютно изумительно». Она также позвонила в газету, и они согласились написать статью об этом, прежде всего из-за связи Джейми и Хегберта, даже не смотря на то, что каждый в городе уже знал об этом. Но мисс Гарбер была неустанна, и только в тот день она сказала нам, что Театр собирался пополниться дополнительными местами, чтобы разместить экстра — большую ожидаемую толпу. Класс охал и ахал, как будто это было большое дело или кое-что в этом роде, но я полагаю, что это было именно таким для некоторых из них. Помните, у нас в классе были парни подобно Эдди. Он, вероятно, думал, что это будет единственное время в его жизни, когда кто-то мог бы заинтересоваться им. Но самое грустное было то, что он был скорее за все прав. Вы могли бы подумать, что и я также буду возбужденным из-за всего этого, но я не был. Мои друзья все еще дразнили меня в школе, и без этого не проходило и дня, и казалось, будет продолжаться вечно. Единственное, что придавало мне сил, было то, что я делал «правильную вещь». Я знаю, что этого не достаточно, но искренне, это было все, что я имел. Иногда я даже чувствовал себя из-за этого хорошо, хотя я никогда не признавался об этом другим. Я мог

фактически вообразить ангелов на небесах, стоящих вокруг и смотрящих задумчиво вниз на меня со слезами, заполняющими углы их глаз, и говорящих о том, каким я был замечательным из-за этих моих жертв.

Итак, я провожал её домой в эту первую ночь, думая обо всех этих вещах, когда Джейми задала мне вопрос.

«Верно ли, что ты и твои друзья иногда идёте на кладбище ночью?»

Я немного был удивлён, что она интересовалась этим. Хотя это точно не было секретом, но её вопрос вообще не был о тех вещах, о которых она переживает.

«Да», сказал я, пожимая плечами. «Иногда».

«Что вы делаете там, кроме поедания арахиса?»

Думаю, что она знала и об этом.

«Точно и не скажу», сказал я. «Разговариваем... шутим. Это место, куда мы любим приходить».

«А вам там бывает страшно?»

«Нет», ответил я. «А что? Тебе было бы там страшно?»

«Я не знаю», сказала она. «Возможно».

«Почему?»

«Поскольку я бы волновалась, что могла бы сделать что-то не так».

«Там мы не делаем ничего плохо. Имею в виду, что мы не кидаем надгробные плиты, не оставляем мусор после себя», сказал я. Мне не хотел говорить ей относительно наших бесед о Генри Престоне, потому что я знал, что это Джейми будет не интересно. На прошлой неделе Эрик вслух размышлял о том, как быстро парень подобно Генри мог запрыгнуть в кровать, и... ну... думаю, Вы поняли.

«Вы когда-либо садились рядом и слушали звуки?» спросила она. «Например, пение сверчков или шелест листьев, когда дует ветер? Или когда-либо вы ложились на спины и наблюдали за звездами?»

Даже притом, что она уже была подростком в течение четырех лет, Джейми не знала главного о подростках, и для неё познание юношей походило на попытку разобраться в теории относительности.

«Не совсем», сказал я.

Она кивала. «Я думаю, что это именно то, что бы я сделала, если бы я там была, в смысле, если я когда-нибудь туда пойду. Я только бы смотрела по сторонам, чтобы полностью осмотреть местность, или сидела спокойно и слушала».

Весь этот разговор казался мне странным, но я не игнорировал его. Мы шли в тишине в течение нескольких мгновений. И так, как она спросила немного обо мне, я чувствовал себя обязанным спросить её о ней самой. Имею в виду то, что она не говорила о плане Бога или что-то в этом роде, так что это было наименьшим, что я мог сделать.

«А чем ты занимаешься?» спросил я. «В смысле, помимо работы с сиротами или помощи животным, или чтения Библии?» Это звучало смешным, признаю, даже для меня, но это было тем, что она делала.

Она улыбнулась мне. Я думаю, что она была удивлена моим вопросом, и даже более удивлена в моем интересе к ней.

«Я делаю много вещей. Я учусь, я провожу время с моим папой. Мы играем в разгадки загадок время от времени. Делаем вещи подобно этим».

«Ты когда-либо ходила с друзьями бездельничать?»

«Нет», сказала она, и я мог сказать, по тому, как она ответила, что даже для неё было очевидно, почему никто не спешил с ней дружить.

«Держу пари, ты волнуешься из-за поступления в колледж в следующем году», сказал я, меняя тему.

Ей потребовалось время, чтобы ответить.

«Не думаю, что я пойду в колледж», сухо сказала она. Её ответ застиг меня врасплох. У Джейми были одни из самых высоких оценок в нашем классе, и если учесть, как прошел

прошлый семестр, она могла бы даже произнести прощальную речь выпускника. Между прочим, у нас был банк ставок, относительно того, сколько раз она упомянет в своей речи о плане Бога. Я поставил на четырнадцать, исходя из того, что она имела только пять минут.

«Как насчёт „Нагорной Проповеди“? Я думал, что ты планировала поехать туда, где эта проповедь была произнесена. Тебе бы понравилось это место», предложил я.

Она смотрела на меня с огоньком в глазах. «Ты считаешь, что мне там самое место, не так ли?»

Те шаровые молнии, которые она иногда бросала, могли ударить Вас прямо между глаз.

«Я не это имел в виду», сказал я быстро. «Просто я слышал о том, как бы волновала тебя поездка туда в следующем году».

Она пожала плечами, не отвечая мне, и честно говоря, я не знал, что это значило. К тому времени мы подошли к её дому, и остановились на тротуаре возле дома. Там, где я стоял, можно было увидеть через занавески тень Хегберта в гостиной комнате. Лампа светилась, и он сидел на диване возле окна. Его голова склонилась, как будто он что-то читал. Предполагаю, что это была Библия.

«Спасибо за то, что провёл меня домой, Лендон», сказала она, взглянув на меня на мгновение прежде, чем пойти к двери.

Пока я наблюдал, как она шла, я не мог не думать о том, что из всех наших разговоров, это был самый странный, который мы когда-либо имели. Несмотря на странность некоторых из её ответов, она казалась фактически нормальной.

Следующей ночью, я снова провожал её домой, и она спросила меня о моем отце.

«Думаю, что у него всё хорошо», сказал я. «Я его очень редко вижу».

«Ты скучаешь за тем, что вырос без него?»

«Иногда».

«Я, также, тоскую по маме» сказала она, «даже притом, что я никогда не знала её».

Полагаю, что это было впервые, когда Джейми и я могли иметь что-то общее. Я погружился в размышления об этом на некоторое время.

«Это должно быть трудно для тебя», сказал я искренне. «Даже притом, что мой отец незнакомец для меня, по крайней мере, он иногда бывает дома».

Пока мы шли, она посмотрела на меня, затем взгляд её снова устремился вперёд. Она потянула нежно свои волосы. Я начинал замечать, что она делала это всякий раз, когда она была взволнована или не была уверена в том, что сказать.

«Да, иногда. Не пойми меня неправильно — я люблю своего отца всем сердцем — но есть время, когда я задаюсь вопросом, что было бы, если б у меня была мама. Я думаю, что она и я были бы способны говорить о таких вещах, о которых я со своим отцом не могу».

Полагаю, что она говорила о мальчиках. Только позже, я узнал, как был неправ.

«На что походит твоя жизнь с отцом? Он ведёт себя так, как будто находится постоянно в церкви?»

«Нет. У него достаточно хорошее чувство юмора».

«У Хегберта?» вырвалось у меня. Я даже не мог вообразить этого.

Я думаю, что она была потрясена, услышав, что я называю его по имени, но она отнеслась спокойно к моим словам и не ответила на мой комментарий. Вместо этого она сказала, «не будь так удивлён. Ты полюбишь его, как только узнаешь его».

«Я сомневаюсь относительно того, что я когда-либо узнаю его».

«Ты никогда не знаешь, Лендон», сказала она, улыбаясь, «каков план Господа».

Я ненавидел, когда она говорила вещи, подобно этой. Она говорила с Богом каждый день, и ты никогда не знал о том, что «Большой Парень сверху» сказал ей. У неё мог даже быть прямой билет на небеса, если Вы понимаете, о чём я говорю, будучи очень хорошим человеком, которым она была.

«Как я могу узнать его?» спросил я.

Она не ответила, но улыбнулась, как будто она знала некоторую тайну, которую

скрывала от меня. Как я и сказал, я ненавижу, когда она делала такие вещи.

Следующей ночью мы говорили о её Библии.

«Почему ты всегда носишь её с собой?» спросил я.

Я предполагал, что она носила Библию с собой просто, потому что она была дочерью священника. Это предположение базировалось на том, как Хегберт относился к Священному Писанию и подобным вещам. Но Библия, которую она носила, была стара, и её обложка была жалкого вида, и я предположил, что она была из тех людей, которые купили бы новую Библию каждый год только, чтобы вырвать промышленность, издающую Библии или показывать свою возобновленную преданность Богу или что-то в этом роде.

Она ступила несколько шагов перед тем, как дать ответ.

«Это была Библия моей мамы», сказала она.

«О...» сказал я это так, как будто наступил на чью-то любимую черепаху, расплющивая её своей обувью.

Она посмотрела на меня. «Всё хорошо, Лендон. Как ты мог знать?»

«Я сожалею, что спросил...»

«Не нужно. Ты не подразумевал под этим ничего плохого». Она сделала паузу. «Моей матери и отцу подарили Библию на их свадьбу, но моя мама взяла её себе. Она читала её все время, особенно всякий раз, когда в её жизни были трудные времена».

Я подумал о выкидышах. Джейми продолжала.

«Она любила читать её ночью, прежде чем она ложилась спать, и она взяла Библию в больницу, когда я была рождена. Когда мой отец узнал, что она умерла, он забрал Библию и меня из больницы».

«Я сожалею», сказал я снова. Всякий раз, когда кто-то говорит Вам кое-что грустное, это — единственная вещь, которую Вы можете сказать, даже если Вы уже сказали её прежде.

«Она позволяет мне... стать частью ее. Ты можешь это понять?» Она не сказала это печально, но это было больше, чем просто ответить на мой вопрос. Так или иначе, но ответ делал ситуацию еще хуже.

После того, как она рассказала мне историю, я снова думал о том, как она росла с Хегбертом, и я действительно не знал, что сказать. Пока я думал об ответе, я услышал звук сирены автомобиля позади нас, и Джейми, и я остановились и обернулись в то же самое время, когда слышали сирену.

Эрик и Маргарет были в автомобиле, Эрик на месте водителя, Маргарет на месте пассажира, ближе к нам.

«А ну-ка гляньте, кто здесь», сказал Эрик, прислоняясь к рулю так, чтобы я мог видеть его лицо. Я не говорил ему, что провожал Джейми домой, и посредством способа, которым работает подростковый ум, это новое развитие событий взяло приоритет над всем, что я чувствовал относительно истории Джейми.

«Привет, Эрик. Привет, Маргарет», сказала Джейми бодро.

«Проводишь её домой, Лендон?». Я мог видеть злорадство в улыбке Эрика.

«Привет, Эрик», сказал я, желая, чтобы он никогда не видел меня.

«Это красивая ночь для прогулок, не так ли?» сказал Эрик. Я думаю, что, из-за того, что Маргарет была между ним и Джейми, он чувствовал себя немного смелее, чем он обычно был, в присутствии Джейми. И не было ни одного шанса, чтобы эта история не имела огласки.

Джейми посмотрела по сторонам и улыбнулась. «Так и есть».

Эрик также осмотрелся вокруг с задумчивым взглядом в глазах и глубоко вдохнул. Я мог сказать, что он притворялся. «Парень, здесь действительно хорошо». Пожимая плечами, он вздохнул и поглядел на нас. «Я предложил бы вам прокатиться, но это даже на половину не будет столь же прекрасным как прогулка под звездами, и я бы не хотел вас лишить этого». Он сказал это так, как будто делал нам одолжение.

«О, так или иначе, мы уже почти пришли к моему дому», сказала Джейми. «Я собиралась предложить Лендону стакан сидра. Не хотели бы вы присоединиться к нам?»

Хватит на всех».

Стакан сидра? В ее доме? Она об этом не упоминала...

Я засунул руки в карман, задаваясь вопросом, могло ли что-то случиться хуже этого.

«О, нет... спасибо. Мы просто держим путь к кафе „Сесиль“».

«Ночью?» спросила она невинно.

«О, мы не будем отсутствовать слишком долго», пообещал он, «но нам пора.

Наслаждайтесь сидром вдвоем».

«Спасибо за то, что остановились и поздоровались с нами», сказала Джейми, помахав рукой.

Эрик завёл автомобиль и продолжил поездку, но медленно. Джейми вероятно думала, что он был мудрым водителем. Он действительно не был, хотя у него был талант выходить из неприятности, когда он попадал в аварию. Я помню одно время, когда он сказал своей матери, что корова выскочила перед автомобилем, и именно из-за этого повредились решетка и крыло. «Это случилось так быстро, мама, корова появилась из ниоткуда. Она просто выбежало передо мной, и я не смог остановиться вовремя». Теперь, каждый знает, что коровы точно не бегают, где попало, но его мать верила ему. Кстати, она также была главой команды болельщиков.

Как только они скрылись, Джейми обернулась ко мне и улыбнулась.

«Ты имеешь хороших друзей, Лендон».

«А как же, так и есть», я осторожно выразил свой ответ.

После того, как я провёл Джейми, я не остался на сидр, а направился к своему дому, ворча все время. К тому времени я полностью забыл историю Джейми, и мог фактически слышать моих друзей, смеющихся надо мной в кафе «Сесиль».

Смотрите, что случается, когда Вы бываете хорошим парнем!

К следующему утру каждый в школе знал, что я провожал Джейми домой, и это запустило новые спекуляции относительно нас обоих. На сей раз ситуация была еще хуже. Было настолько плохо, что я должен был провести время завтрака в библиотеке просто, чтобы уйти от всего этого.

Тем вечером была репетиция в Театре. Это была последняя репетиция перед выступлением, и у нас было много работы. Прямо после школы, мальчики в классе драмы должны были загрузить все опоры из классной комнаты в арендованный грузовик, чтобы отвезти их в Театр. Единственная проблема состояла в том, что Эдди и я были единственными двумя парнями, и он точно не был наиболее скоординированным индивидуумом в истории. Мы прошли через дверной проем, неся одну из тяжелых опор, и его тело работало против него. В каждый критический момент, когда я действительно нуждался в его помощи, чтобы сбалансировать груз, он спотыкался о пыль или насекомое на полу, и опора всем своим весом падала на мои пальцы, зажимая их в дверном проеме одним из самых болезненных способов.

«П-п-прости», сказал он. «Т-т-тебе б-б-больно?»

Я сдерживал душасщие меня проклятия и сказал сквозь зубы, «Больше так не делай».

Но он не мог перестать спотыкаться так же, как не мог остановить дождь. Когда мы закончили загрузку и разгрузку, все мои пальцы напоминали пальцы бродячего мастера Тобби. И худшая вещь была в том, что у меня даже не было времени поесть перед началом репетиции. Перемещение опор забрало три часа, и нам не хватило несколько минут с их установкой, когда уже все прибыли на репетицию. Насчет всего остального, что случилось в тот день, достаточно сказать, что я был в довольно плохом настроении.

Я быстро прошелся по моим репликам, даже не думая о них, и мисс Гарбер не сказала слова «изумительно» на протяжении всей ночи. Она имела обеспокоенный взгляд в глазах позже, но Джейми просто улыбнулась и сказала ей не волноваться и что все будет в порядке. Я знал, что Джейми просто пробовала делать вещи лучше для меня, но когда она попросила меня провести её дом, я отказал ей. Театр был в середине города, и чтобы провести её домой, я должен был хорошо отклониться от своего пути. Кроме того, я не хотел снова попасться на

этом. Но мисс Гарбер подслушала просьбу Джейми, и очень настойчиво сказала, что я буду рад сделать это. «Вы оба сможете поговорить о пьесе», сказала она. «Возможно, вы сможете решить возникшие сложности». Под сложностями, конечно, она определенно подразумевала меня.

Так еще раз я проводил Джейми домой, но она могла сказать, что я был действительно не в настроении для разговора, потому что я шел немного впереди её, мои руки были в карманах, и я даже не поворачивался, чтобы посмотреть, шла ли она позади. Это началось с первых минут нашего пути, и я не сказал ей ни слова.

«У тебя не очень хорошее настроение, не так ли?» наконец спросила она. «Ты даже не старался его изменить».

«Ты ничего не упускаешь из виду, не так ли?» сказал я саркастически, не смотря на нее.

«Возможно, я могу помочь», предложила она. Она сказала это с таким счастливым видом, что я сделался даже немного более сердитым.

«Я сомневаюсь относительно этого», раздраженно сказал я.

«Возможно, если ты скажешь мне, что было не так ...»

Я не позволил ее закончить.

«Послушай», сказал я, остановившись и повернувшись к ней. «Я просто потратил весь день, перетягивая хлам, и не ел, начиная с завтрака, и теперь я должен пройти лишнюю милю только, чтобы удостовериться, что ты добралась домой, когда мы прекрасно знаем, что ты не нуждаешься во мне, чтобы сделать это».

Это был первый раз, когда я поднял свой голос на неё. Сказать по правде, я почувствовал себя хорошо. Это накапливалось во мне в течение долгого времени. Джейми была слишком поражена, чтобы ответить, и я продолжал.

«И единственная причина, почему я делаю это — из-за твоего отца, который даже не любит меня. Все это глупо, и я бы пожелал, чтобы этого никогда не происходило».

«Ты говоришь это, просто потому, что озабочен пьесой ...»

Я перебил её покачиванием головы.

Когда меня заносило, было иногда трудно остановиться. Я мог мириться с её оптимизмом и жизнерадостностью, но не сегодня.

«Неужели ты не поняла?» сказал я сердито. «Я не озабочен пьесой, я просто не хочу быть здесь. Я не хочу проводить тебя домой, и не хочу, чтобы мои друзья продолжали говорить обо мне, и не хочу проводить с тобой время. Ты ведешь себя, как будто мы друзья, но это не так. Мы ничем не связаны. Я просто хочу, чтобы все это закончилось, и я смог бы возвратиться к своей нормальной жизни».

Она выглядела травмированной моей вспышкой, и честно говоря, я не мог обвинять её.

«Понимаю», было всем, что она сказала. Я ждал, чтобы она подняла голос на меня, защищая себя, оправдывая себя, но она так не сделала. Все, что она сделала, так это смотрела на землю. Я думаю, часть её хотела плакать, но она не плакала, и я, наконец, побрёл прочь, оставляя её наедине с собой. Мгновение спустя, я услышал, что она также начала двигаться. Она была приблизительно пятью ярдами позади меня на всем протяжении пути к её дому, и она не пробовала снова заговорить со мной, пока она не подошла к своему дому. Я уже шёл вниз по улице, когда услышал её голос.

«Спасибо за то, что провёл меня домой, Лендон», крикнула она.

Я содрогнулся, как только услышал это. Даже когда я был недоброжелательным к ней и сказал наиболее злорадные вещи, она все же смогла найти причину поблагодарить меня. Она была просто хорошей девчонкой, и я думаю, что ненавидел её из-за этого.

Или, скорее всего, я ненавидел самого себя.

Глава восьмая

Ночь во время пьесы была прохладна и свежа, небо абсолютно ясное без намека на облака. Мы должны были прибыть на час раньше, и я чувствовал себя довольно плохо весь день из-за того, как я поговорил с Джейми прошлой ночью. Она всегда относилась ко мне хорошо, и я знал, что был ничтожеством. Я видел ее в коридоре между классными комнатами, и хотел подойти к ней, чтобы извиниться за то, что я сказал, но она растворялась в толпе прежде, чем я успевал подойти к ней.

Она была уже в Театре, когда я, наконец, прибыл, и я видел, что она говорила с мисс Гарбер и Хегбертом, в стороне возле занавесок.

Все были в движении, стараясь освободиться от волнения, но она казалась странно летаргической. Она все еще не надела своё платье — как предполагалось, у неё было белое, нежное платье, чтобы придать ангельский вид — и на ней был все тот же свитер, который она носила в школе. Несмотря на моё беспокойство о том, как она могла отреагировать, я подошел к ним.

«Эй, Джейми», сказал я. «Здравствуйте, Преподобный... Мисс Гарбер».

Джейми обернулась ко мне.

«Привет, Лендон», тихо сказала она. Я мог сказать, что она также думала о прошлой ночи, потому что она не улыбалась мне так, как она всегда делала, когда видела меня. Я спросил, мог ли бы я поговорить с ней наедине, и мы извинились перед остальными. Я мог видеть, как Хегберт и мисс Гарбер наблюдали за нами, когда мы отошли в сторону на расстояние, с которого бы нас не было слышно.

Я нервно огляделся вокруг сцены.

«Я сожалею о тех вещах, которые я сказал вчера вечером», начал я. «Я знаю, что они, вероятно, причинили тебе боль, и я был неправ, когда сказал их».

Она посмотрела на меня, как будто задаваясь вопросом, верить ли мне.

«Ты имеешь в виду все те слова, которые ты сказал?» наконец спросила она.

«Я просто был в плохом настроении, и все. Иногда я причиняю людям боль». Я знал, что в действительности не ответил на её вопрос.

«Понимаю», сказала она. Сказала так же, как и прошлой ночью, затем повернулась к пустым местам в аудитории. В её глазах был снова тот же грустный взгляд.

«Послушай», сказал я, дотронувшись до её руки, «я обещаю загладить свою вину». Не спрашивайте меня, почему я сказал это — просто в тот момент это казалось мне правильным.

Впервые той ночью, она начала улыбаться.

«Спасибо», сказала она, поворачиваясь ко мне.

«Джейми?»

Джейми обернулась. «Да, мисс Гарбер?»

«Я думаю, что мы готовы тебя наряжать». Мисс Гарбер жестикулировала рукой.

«Я должна идти», сказала она мне.

«Я знаю».

«Ни пуха, ни пера» сказал я. Желая кому-то удачу прежде выступления, предполагалось нехорошим знаком. Именно поэтому все говорили «Ни пуха, ни пера».

Я отпустил её руку. «Нам обоим. Я обещаю».

После этого, мы должны были подготовиться, и мы пошли разными путями. Я направился к мужской раздевалке. Не смотря на то, что Театр был расположен в Бьюфорте, он был довольно запутанным, с отдельными раздевалками, которые заставляли нас чувствовать себя, как будто мы были действительно актерами, а не студентам.

Мой костюм, который находился в Театре, был уже в раздевалке.

Ранее на репетициях нас измеряли для того, чтобы перешить костюмы, и я одевался, когда Эрик зашел в комнату без стука.

Эдди был все еще в раздевалке, надевая костюм немного бродяги, и когда он увидел Эрика, в его глазах пронесся ужас. По крайней мере, один раз в неделю Эрик наезжал на него, и Эдди поджав хвост, выбежал за дверь так быстро как он только мог, по пути надевая свой костюм. Эрик проигнорировал его и сел за стол перед зеркалом.

«Ну», сказал Эрик со злорадной усмешкой на лице, «и что ты собираешься делать?» Я с любопытством посмотрел на него. «Что ты подразумеваешь?» спросил я. «Относительно пьесы, глупыш. Ты собираешься плохо выступить или что-то в этом роде?»

Я покачал головой. «Нет».

«Ты собираешься сбить опоры?» Все знали об опорах.

«Я не планировал этого», стоически ответил я.

«Ты подразумеваешь, что позволишь всему пройти гладко?»

Я кивал, размышляя, что это даже не приходило мне на ум.

Он смотрел на меня в течение долгого времени, как будто он видел того, кого он никогда не встречал прежде.

«Думаю, что ты наконец-то повзрослел, Лендон», наконец сказал он. Я не мог понять, были ли слова Эрика комплиментом или нет.

В любом случае, я знал, что он был прав.

В пьесе, Том Торнтон должен быть поражен, когда он впервые увидит ангела, потому он и будет ходить с ней, помогая ей разделять радость Рождества с менее удачливыми людьми.

Первые слова Тома — «Вы прекрасны», и я, как и предполагалось, должен был сказать их так, как будто они пришли от самого сердца. Это был основной момент во всей пьесе, и он задавал тон для всего остального, что должно было произойти позже. Однако проблема состояла в том, что я до сих пор не знал хорошо эту реплику.

Несомненно, я говорил слова, но они не выглядели слишком убедительно, потому что так их мог сказать любой, когда бы смотрел на Джейми, за исключением Хегберта. Это была единственная сцена, где мисс Гарбер никогда не говорила слова «изумительно», и это волновало меня. Я продолжал пробовать вообразить кого-то еще на месте ангела так, чтобы я мог сделать всё правильно, но как я не пытался на этом сконцентрироваться, это не приносило нужных результатов.

Джейми была все еще в раздевалке, когда занавес наконец-то открылся. Заранее, я не видел её, и это было хорошо. Так или иначе, первые пару сцен не включали её — они были главным образом о Томе Торнтоне и его отношениях со своей дочерью.

Я не думал, что буду слишком взволнован, когда выйду на сцену, потому что я много репетировал на ней, но когда это произошло, я был поражен. Театр был полностью забит, как и предсказала мисс Гарбер, поэтому были установлены два дополнительных ряда мест в задней части Театра.

Обычно мест хватало для четырехсот человек, но с дополнительными местами — по крайней мере, еще для пятидесяти человек. Кроме того, люди толпились возле стен, упакованные как сардины.

Как только я вышел на сцену, все затихли. Я заметил, что толпа состояла, в основном, из старых леди синеволосого типа, вроде тех, которые играют в лото и пьют кровавую мери на завтрак по воскресениям. Также я видел и Эрика, сидящего со всеми моими друзьями в самом конце. Честно говоря, если Вы меня понимаете, было мрачно стоять перед ними, в то время как все ждали от меня, чтобы я что-то сказал.

Так что я приложил максимум усилий, чтобы хорошо сыграть первые пару сцен пьесы. Салли, одноглазое чудо, играла мою дочь, потому что она была невелика ростом, и мы сыграли наши сцены так же, как и на репетиции. Наши реплики шли гладко, хотя мы и не играли захватывающе. Когда закрыли занавес для второго акта, мы должны были быстро переустановить опоры. На сей раз, участие в деле принимали все, и мои пальцы остались невредимы, потому что я избегал Эдди любой ценой.

Я все еще не видел Джейми — думаю, она была освобождена от перетаскивания опор, потому что её костюм был сделан из легкого материала и разорвался бы, если она задела бы один из гвоздей — но у меня не было много времени, чтобы думать о ней из-за всего, что мы должны были сделать. Когда занавес открылся снова, я вернулся в мир

Хегберта Саливана, ходя мимо магазинов и ища в окнах музыкальную шкатулку, которую моя дочь хотела на Рождество. Я стоял спиной к тому месту, откуда вышла Джейми, но я слышал, что толпа задержала дыхание, как только она появилась на сцене. Я думал, что до этого момента было тихо, но сейчас наступила абсолютная тишина. Именно тогда, краем глаза я увидел, как задрожала челюсть Хегберта. Я подготовился обернуться, и когда сделал это, то, наконец, увидел причину происходящего.

Впервые, с тех пор как мы познакомились, её медовые волосы не были связанные тугим узлом. Вместо этого они свободно висели, были длиннее, чем я думал, опускаясь ниже ее лопаток. В ее волосах было немного блёсток, и они улавливали огни сцены, искрясь подобно кристаллическому ореолу. Вместе с ее нежным белым платьем, скроенным точно для неё, это потрясало воображение. Она не напоминала девчонку, с которой я вырос или девчонку, которую я недавно познал. На ней было капелька легкой косметики, достаточно для того, чтобы подчеркнуть её характерные черты. Она слегка улыбалась, как будто хранила тайну своего сердца, точно так же как и требовала её роль.

Она выглядела прямо как ангел. Я знаю, что моя челюсть немного опустилась, и я просто стоял там, смотря на нее, казалось, долгое время, потрясенный до потери речи, пока я внезапно не вспомнил, что была реплика, которую я должен был произнести. Я глубоко вдохнул и затем медленно выдохнул.

«Вы прекрасны», наконец-то сказал я ей. Думаю, что все в аудитории, от синеволосях леди до моих друзей, знали, что я говорил искренне.

Впервые я произнес эту реплику так, как было нужно.

Глава девятая

Сказать, что пьеса имела огромный успех, это ничего не сказать. Аудитория смеялась, и аудитория плакала, что в значительной степени и предполагалось. Но из-за присутствия Джейми, пьеса была действительно кое-чем особенным — и я думаю, что все актёры были столь же потрясены, как и я, так как всё прошло очень гладко. У них всех был тот же самый вид, как и у меня, когда я впервые увидел её, и это сделало пьесу намного более мощной, когда они исполняли свои роли. Мы закончили первое представление идеально, и следующим вечером пришло даже больше людей, верите Вы этому или нет. Даже Эрик позже подошел ко мне и поздравил меня, что после сказанного ним ранее, было своего рода неожиданностью.

«Вы оба хорошо сыграли», сказал он просто. «Я горжусь тобой, приятель».

В то время как он говорил это, мисс Гарбер выкрикивала «изумительно!» любому, кто слушал её или кто, по стечению обстоятельств, просто проходил мимо, повторяя так много раз, что я продолжал слышать это даже после того, как лёг ночью спать. Я искал Джейми после того, как мы опустили занавес в конце пьесы, и нашел её в стороне с её отцом. На глазах у него были слёзы — это был первый раз, когда я видел, что он плакал — и он обнимал Джейми, и они так простояли в течение долгого времени. Он гладил её волосы и шептал — «мой ангел», в то время как её глаза были закрыты, и даже я почувствовал волнение.

И после всего этого, то, что я согласился принять участие в пьесе, не было настолько плохим.

После того, как они, наконец, отпустили друг друга, Хегберт гордо подал ей знак, чтобы пообщаться с остальной частью актерской группы, и она получила массу поздравлений от каждого за кулисами. Она знала, что сыграла хорошо, хотя и продолжала говорить людям, что не знала, о чем была вся эта суэта. Она была как всегда весела, но с её прекрасным видом, признаться, она выглядела совсем по-другому. Я стоял позади, позволяя ей насладиться успехом, и признаюсь, что часть меня, чувствовала себя подобно старому Хегберту. Я не мог не быть счастливым за неё, а также немного гордым. Когда она, наконец, увидела, что я стоял в стороне, она извинилась перед другими и направилась в мою сторону,

останавливаясь возле меня.

Смотря на меня, она улыбалась. «Спасибо, Лендон, за то, что ты сделал. Ты сделал моего отца очень счастливым».

«Пожалуйста», искренне ответил я.

Странная вещь была в том, что когда она сказала это, я понял, что Хегберт будет вести ее домой, и на этот раз я хотел, чтобы у меня была возможность провести её туда.

В следующий понедельник в нашей школе началась последняя неделя перед Рождественским перерывом, и график экзаменов был расписан в каждом классе. Кроме того, я должен был закончить с анкетой в университет Северной Каролины, которую из-за всех репетиций я отложил. Перед тем как пойти спать, я спланировал заняться довольно серьезно зубрёжкой книг на этой неделе, а потом закончить с анкетой. Несмотря на все это, я не мог не думать о Джейми.

Преобразование Джейми в течение пьесы было потрясающее, и к слову, я предполагал, что это сигнализировало об её изменении. Я не знаю, почему я так думал, но я был поражен, когда она развеяла мои надежды в первое же утро, снова одетая в туже одежду: коричневый свитер, волосы, связанные узлом, юбка из пледовой ткани.

Одного взгляда хватило, чтобы всё стало на свои места, и я не мог не чувствовать жалость к ней. До конца недели её считали нормальной или даже особенной, или так, по крайней мере, казалось, но она так или иначе не воспользовалась этим. О, люди относились немного лучше к ней, и те, кто не успел поговорить с ней, также сказали ей, какую хорошую работу она сделала, но я мог сказать однозначно, что это долго не продолжалось. Отношения, начавшиеся с детства, трудно сломать, и часть меня задавалась вопросом, могли ли отношения к ней других людей ухудшиться после этого. Теперь, когда люди фактически знали, что она могла выглядеть нормальной, они могли бы стать даже более бессердечными.

Я хотел поговорить с нею о своих впечатлениях, я действительно хотел, но я планировал сделать так после того, как закончится неделя. Не то чтобы у меня было много работы, но я хотел подумать немного о том, как лучше сказать ей. Честно говоря, я все еще чувствовал себя немного виновным относительно тех вещей, которые я сказал ей на нашей последней прогулке домой, и не потому, что пьеса оказалась очень успешной. Неоспоримым фактом было то, что во все время, проведенное нами вместе, Джейми никогда не испытывала ко мне ничего, кроме добра, и я знал, что был неправ.

Искренне говоря, я не думал, что она хотела поговорить со мной. Я знал, что она могла видеть, как я шатался со своими друзьями за ленчем, в то время как она сидела в углу, читая свою Библию, но она никогда не сделала и шагу к нам. Но когда я собирался уходить домой в тот день, я услышал её голос позади меня, она спрашивала, не буду ли я возражать провести её дом. Даже притом, что я все же не был готов сказать ей о своих мыслях, я согласился. Все ради старых добрых времен.

Минуту спустя Джейми начала разговор.

«Ты помнишь те вещи, которые сказал относительно нашей последней прогулки домой?» спросила она.

Я кивал, желая, чтобы она не возвращалась к этому.

«Ты обещал загладить свою вину», сказала она.

На мгновение я смутился. Я думал, что сделал это уже своей игрой в пьесе. Джейми продолжала.

«Хорошо, я думала о том, что ты мог бы сделать», продолжала она, не позволяя мне и слова вставить, «и вот что я придумала».

Она спросила, не буду ли я возражать собирать банки из-под маринованных огурцов и кофе, которые она установила в торговых фирмах по всему городу в начале года. Они стояли на прилавках, обычно около кассовых аппаратов, так, чтобы люди могли опустить в них монеты. Деньги должны были пойти для сирот. Джейми никогда не хотела прямо просить деньги у людей, она хотела, чтобы они дали их добровольно. Это, в её понимании, было по-христиански.

Помню, что видел контейнеры в местах подобно кафе «Сесиль» и театре «Корона». Мои друзья и я обыкновенно бросали туда бумажные скрепки и кусочки металлов, когда кассиры этого не могли увидеть, они звенели подобно монетам, и после этого мы хихикали с того, как мы надули Джейми. Обыкновенно, мы шутили о том, как она откроет одну из ее банок, по весу ожидая хороших результатов, а нашла бы только кусочки металлов и бумажные скрепки. Иногда, когда Вы помните вещи, которые Вы имели обыкновение делать, это заставляет Вас вздрогнуть, и точно так же произошло и со мной.

Джейми увидела выражение моего лица.

«Ты не должен делать этого», сказала она, очевидно, разочарованно. «Я просто думала, что, так как скоро наступит Рождество, а я не имею автомобиля, то потребуется слишком много времени, чтобы собрать их всех...»

«Нет», сказал я, перебивая её, «я сделаю это. Так или иначе, у меня найдётся свободное время».

Так что в среду я занимался просьбой Джейми, даже притом, что должен был готовиться к экзаменам, и закончить анкету. Джейми дала мне список всех мест, где она поместила банки, и я позаимствовал автомобиль у своей мамы и начал с самого края города на следующий день. Она установила приблизительно шестьдесят банок, и я полагал, что потребуется не больше дня, чтобы собрать их всех. По сравнению с их установкой, это было намного проще. Джейми потратила почти шесть недель, чтобы установить их, потому что, сначала, она должна была найти шестьдесят пустых банок, а затем, она могла установить только две или три за день, так как у неё не было автомобиля, и одновременно она не могла нести больше. Когда я начал, я неважно чувствовал себя в роли сборщика банок, участвуя в проекте Джейми, но я продолжал говорить себе, что Джейми попросила меня о помощи.

Я ходил от фирмы к фирме, собирая банки, и к концу первого дня я понял, что потребуется немного больше времени, чем я думал.

Я собрал только около двадцати контейнеров, потому что забыл один простой факт жизни в Бьюфорте. В маленьком городе подобно этому, было невозможно просто вбежать внутрь и забрать банку, не поболтав с владельцем, или без приветствия какого-то своего знакомого. Это я и упустил. Так что я сидел там, в то время как некий парень говорил о своих подвигах прошлой осенью, или они спрашивали меня, как дела в школе и упоминали, что нуждались в помощи по разгрузке нескольких коробок. Они хотели узнать мое мнение относительно того, должны ли они переместить стеллаж для журналов в другое место в магазине. Я знал, что Джейми была бы рада этому, и я пробовал действовать так, как бы она хотела, чтобы я сделал. В конце концов, это был её проект.

Чтобы дела шли быстрее, я не останавливался, чтобы проверить содержимое банок по дороге между фирмами. Я просто сваливал содержимое одной банки в другую, объединяя их, пока я двигался. К концу первого дня вся мелочь была упакована в двух больших банках, и я занес их в свою комнату. Я видел несколько банкнот через стекло — не слишком много — но я не нервничал, пока не высыпал её содержимое на пол и увидел, что мелочь состояла в основном из пенни. Хотя там не было много металлических пластин или бумажных скрепок, как я думал сначала, но я пришел в уныние, когда посчитал деньги. Было 20.32\$. Даже в 1958 это не было большим количеством денег, особенно когда их разделить среди тридцати детей.

Однако это не сломало меня. Думая, что это была ошибка, на следующий день я перевёз несколько дюжин коробок, и поболтал с другими двадцатью владельцами, в то время как я собирал банки. Сбор: 23.89\$.

Третий день был еще хуже. После подсчитывания денег, даже я не мог верить этому. Было только 11.52\$. Эти банки были из фирм, находящихся возле береговой линии, где околачивались туристы и подростки подобные мне. Это было действительно кое-чем, и я не мог не думать об этом.

Смотря на все то, что было собрано — \$55.73 — заставляло меня чувствовать себя ужасно, особенно полагая, что банки стояли там, в течение почти целого года и что сам я очень часто видел их. Той ночью, как и предполагалось, я должен был позвонить Джейми,

чтобы сказать ей о количестве собранных денег, но я просто не мог сделать этого. Она сказала мне, как она хотела сделать кое-что особенное в этом году, но сборы не позволяли сделать так, и я знал это. Вместо этого я лгал ей и сказал, что я не собирался считать общее количество, и что мы вместе должны сделать это, потому что это был ее проект, а не мой. Это просто было слишком угнетающим. Я обещал принести деньги на следующий день, после школы. Следующий день был 21 декабря, самый короткий день года. Рождество было на расстоянии четырех дней.

«Лендон» сказала она мне после подсчета собранных денег, «это — чудо!»

«Сколько там?» спросил я, хотя и знал, сколько там было денег.

«Почти двести сорок семь долларов!». Когда она посмотрела на меня, радости её не было границ. Когда Хегберт был дома, мне разрешали сидеть в гостиной комнате, здесь Джейми и считала деньги. Всё было сложено в опрятных небольших кучках на полу. Большинство из денег были монеты по 10 и 25 центов. Хегберт был на кухне за столом, писал проповедь, и даже он повернул голову, когда услышал звук ее голоса.

«Ты думаешь, этого будет достаточно?» спросил я невинно.

Слезы появились на её щеках, когда она осмотрела комнату, все еще не веря в то, что она видела прямо перед собою. Даже после пьесы, она не была настолько счастлива. Она посмотрела прямо на меня.

«Это... замечательно», сказала она, улыбаясь. В её голосе было больше эмоций, чем я когда-либо слышал прежде. «В прошлом году, я собрала только семьдесят долларов».

«Я доволен, что в этом году ты собрала больше», сказал я, подавляя комок, который сформировался в моем горле. «Если бы ты не установила те банки в начале года, то, возможно, не собрала бы столько средств».

Я знал, что обманываю, но меня это не волновало. На этот раз, я поступил правильно.

Я не помогал Джейми выбирать игрушки — я полагал, что она знает лучше, что хотели дети — но она настояла, чтобы я пошел с нею в приют в Сочельник так, чтобы я мог быть там, когда бы дети открывали свои подарки.

«Пожалуйста, Лендон», сказала она, и, учитывая её состояние, я не имел бы сердца, если бы отказался.

Три дня спустя, в то время когда мой отец и мать были на вечеринке в доме мэра, я надел жакет и свой лучший галстук, и, взяв подарок для Джейми, я пошел к автомобилю моей мамы. Я потратил последние свои доллары на хороший свитер, так как больше ничего не приходило мне на ум, чтобы подарить ей. Было не просто купить подарок для такого человека как она.

Я должен был быть в приюте в семь, но мост был поднят около городского порта Морхед Сити, и мне пришлось ждать, пока грузовое судно медленно не прошло вниз по каналу. В результате, я приехал на несколько минут позже. К тому времени передняя дверь была уже заперта, и я должен был стучать, пока г. Дженкинс, наконец, не услышал меня. Он перебирал набор ключей, пока не нашел тот что нужно, и мгновение спустя он открыл дверь. Я вошел, потирая замершие руки.

«О... ты — здесь», сказал он счастливо. «Мы ждали тебя. Пойдем, я отведу тебя туда, где все».

Он повел меня вниз по коридору к комнате отдыха, в то же самое место, в котором я был прежде. Я остановился на мгновение, чтобы сделать глубокий выдох, перед тем как зайти внутрь.

Здесь было даже лучше, чем я мог вообразить.

В центре комнаты я увидел гигантское дерево, украшенное блесткой, цветными лампочками и сотнями различных украшений ручной работы. Под деревом были завернутые подарки разных размеров и форм. Дети были на полу, сидя близко друг к другу в большом полукруге. Думаю, они надели свои лучшие одежды, — мальчики носили синие морские слаксы и белые рубашки, в то время как девочки носили морские юбки и блузки с длинными рукавами. Они все выглядели так, как будто они ожидали большого события, и большинство

мальчиков было пострижено.

На столе около двери, был кубок с пуншем и тарелки с печеньем, в форме Рождественских елок и посыпанных зеленым сахаром. Я мог видеть, что несколько взрослых сидели с детьми; несколько из меньших детей сидели на коленях у взрослых, их лица выражали внимание, поскольку они слушали «Ночь перед Рождеством».

В начале, я не увидел Джейми. Но именно ее голос я узнал сразу. Она была тем, кто читал историю, и я, наконец, определил её местонахождение. Она сидела на полу перед деревом.

К моему удивлению, я увидел, что сегодня вечером ее волосы висели свободно, так же, как и ночью в пьесе. Вместо старого коричневого жакета, на ней был красный свитер, который, так или иначе, подчеркивал цвет ее светло-голубых глаз. Даже без искр в ее волосах или длинном белом платье, выглядела она поразительно. Незаметно для себя, я задержал дыхание, и смог увидеть краем глаза, что г. Дженкинс улыбнулся мне. Я выдохнул и улыбнулся, пробуя прийти в себя.

Джейми сделала паузу, оторвавши глаза от книги. Она заметила меня, стоящего в дверном проеме, затем возвратилась к чтению детям. Это заняло еще минуту, и когда она закончила, она встала, поправила юбку, затем обошла вокруг детей, чтобы подойти ко мне. Не зная её пути, я остался на месте.

К этому времени г. Дженкинс ушел.

«Я сожалею, что мы начали без тебя», сказала она, подойдя ко мне, «но дети были очень взволнованы».

«Ничего страшного», улыбаясь, сказал я, и, думая, как хорошо она выглядела.

«Я так рада, что ты смог прийти».

«Я тоже».

Джейми улыбнулась, и, взяв меня за руку, повела за собой. «Пойдем», сказала она.

«Помоги мне раздать подарки».

На это мы потратили следующий час, и наблюдали, как дети открывали подарки одни за другими. Джейми делала покупки во всех уголках города, индивидуальные подарки для каждого ребенка, которые они никогда не получали прежде. Подарки, которые Джейми купила, не были единственными, что получили дети, однако — и приют, и люди, которые работали там, также купили некоторые вещи. Бумага была раскидана по всей комнате, были визги и восхищения повсюду. Мне, по крайней мере, казалось, что все дети получили намного больше, чем ожидали, и они продолжали благодарить Джейми снова и снова.

К тому времени, когда закончилась суэта, и все детские подарки были открыты, атмосфера начала успокаиваться. Комната была убрана г. Дженкинсом и женщиной, которую я никогда не встречал, и некоторые из меньших детей заснули под деревом. Некоторые из старших уже возвратились в свои комнаты с подарками, и они погасили огни вверху по пути к двери. Огни дерева порождали легкое свечение, когда звучала «Тихая Ночь», играемая нежно на фонографе, который был установлен в углу. Я все еще сидел на полу рядом с Джейми, которая держала маленькую девочку, заснувшую на её коленях. Из-за суеты, у нас не было времени поговорить. Мы оба пристально глядели на огни дерева, и я задавался вопросом, о чем думала Джейми. Сказать по правде, я не знал, но она любяще посмотрела по сторонам. Я знал — она была рада тому, как прошел вечер, и была утомлена, как впрочем, и я тоже. Это был лучший Сочельник, который когда-либо был у меня.

Я глядел на нее. С огнями, пылающими на ее лице, она выглядела очень симпатично.

«Я купил тебе кое-что», наконец-то сказал я ей. «Подарок». Я говорил тихо, чтобы не разбудить маленькую девочку, и я надеялся, что это скроет нервозность моего голоса.

Она повернулась ко мне, нежно улыбаясь. «Ты не должен был этого делать». Она, также, говорила шепотом, и её голос казался почти музыкальным.

«Я знаю», сказал я. «Но я хотел». Подарок лежал в стороне, и я, взяв его, вручил ей обернутый подарочной бумагой пакет.

«Ты бы мог открыть его для меня? Мои руки сейчас заняты». Она посмотрела вниз на

маленькую девочку, потом опять на меня.

«Тебе не нужно открывать его сейчас, если нет желания», сказал я, пожимая плечами, «это действительно не так уж и важно».

«Не будь глупым», сказала она. «Я открыла бы его только перед тобой».

Отбросив смущение, я посмотрел на подарок и начал открывать его, порвав пленку так, чтобы не наделать много шума, затем развернул бумагу, достигнув коробки. После этого, я раскрыл коробку и вытянул из неё свитер, держа так, чтобы она его увидела. Он был коричневым, как и те, что она обычно носила. Но я полагал, что она могла теперь одеть новый.

По сравнению с радостью, которую я видел ранее, я не ожидал большой реакции на мой подарок.

«Вот такой подарок. Я же говорил, что это не так уж и важно». Я надеялся, что она не будет разочарована.

«Как красиво, Лендон», искренне сказала она. «В следующий раз, когда мы увидимся, я надену его. Спасибо».

Мы затихли на мгновение, и я снова начал смотреть на огни.

«Я, также, принесла тебе кое-что», наконец прошептала Джейми. Она посмотрела на дерево, и мои глаза последовали за ее взглядом. Ее подарок был все еще под деревом, частично скрытым за подставкой, и я пошел за ним. Он был прямоугольной формы, гибким, и немного тяжелым. Я поставил его на колени, даже не пробуя открыть его.

«Открой», сказала она, посмотрев прямо на меня.

«Ты не можешь подарить это мне», сказал я, затаив дыхание. Я уже знал, что было внутри, и я не мог поверить тому, что она сделала. Мои руки начали дрожать.

«Пожалуйста», сказала она мне самым добрым голосом, который я когда-либо слышал, «открой это. Я хочу, чтобы это было твоим».

Неохотно, я медленно разворачивал пакет. Когда он был, наконец, без бумаги, я держал его нежно, боясь повредить. Я уставился на него, загнипнотизированный, и медленно водил рукой над ним, легко касаясь пальцами по истасканной коже, в то время как слезы заполняли мои глаза. Джейми протянула и положила свою руку на мою. Она была теплой и нежной.

Я глядел на Джейми, не зная, что сказать.

Джейми подарила мне свою Библию.

«Спасибо за то, что ты сделал», шептала она мне. «Это было лучшее Рождество, которое когда-либо у меня было».

Я отвернулся, и, не отвечая, отошел к тому месту, где я оставил свой стакан пунша. Хор «Тихой Ночи» все еще играл, и музыка наполнила комнату. Я выпил немного пунша, пробуя утолить внезапную жажду. Когда я выпил, все время, которое я провел с Джейми, наполнило мое сознание. Я думал о школьных танцах и о том, что она сделала для меня той ночью. Я думал о пьесе и о том, какой у неё был ангельский вид. Я думал о времени, когда я провожал её домой и как я помогал собирать банки, заполненные деньгами для сирот.

Когда эти образы проходили в моей голове, мое дыхание внезапно стало спокойным. Я смотрел на Джейми, затем на потолок и вокруг комнаты, прилагая все усилия, чтобы сдержать свое самообладание, потом опять на Джейми. Она улыбалась мне, а я улыбался ей и единственная вещь, которая меня удивляла — как же так получилось, что я влюбился в такую девчонку как Джейми Саливан.

Глава десятая

Я отвез Джейми домой с приюта позже той ночью. Я не был уверен, должен ли я идти, обнимая её за плечо, но, честно говоря, я точно не знал, что она чувствовала по отношению ко мне. Будучи награжденным, она дала мне самый замечательный подарок, который я когда-либо получал, и даже притом, что я скорее за все, никогда не открою его и

не смогу читать, как умела она, и я знал, что она подарила мне частицу самой себя. Но Джейми была из тех людей, которые пожертвуют почку незнакомцу, которого она бы встретила на улице, если бы он действительно нуждался в ней. Таким образом, я не был точно уверен, как вести себя в данной ситуации.

Джейми сказала мне однажды, что она не была болваном, и я полагаю, что я, наконец, пришел к такому же выводу. Она, возможно, была... немного не такой..., но она разгадала то, что я сделал для сирот, и, вспоминая прошлое, я думаю, что она знала это уже тогда, когда мы сидели на полу ее гостиной комнаты. Когда она назвала это чудом, я полагаю, что она говорила определенно обо мне.

Я помню, как Хегберт вошел в комнату, когда Джейми и я говорили об этом, но он действительно не мог многого сказать. Старый Хегберт был не в себе в последнее время, по крайней мере, других слов я не могу подобрать. О, его проповеди были все еще красочны, и он все еще говорил о блудниках, но в последнее время его проповеди были короче, чем обычно. Иногда он делал паузу прямо в середине проповеди, и на его лице появлялся странный взгляд, как будто он думал о чем-то еще, о чем-то грустном.

Я не знал, что бы это значило, но правду говоря, я не совсем хорошо знал его.

И Джейми, когда она говорила о нем, казалось, описывала совсем другого человека.

Я не мог вообразить Хегберта с чувством юмора, так же, как я не мог вообразить две луны в небе.

Так или иначе, он вошел в комнату, в то время как мы считали деньги, и Джейми встала со слезами на глазах, и казалось, что Хегберт и не представлял, что я был там. Он сказал ей, что гордится ею, и что он любит её. Но потом он пошел назад на кухню, чтобы продолжить работу над проповедью. Он даже не поздоровался. Теперь, я знал, что точно не был самым духовным ребенком среди прихожан церкви, но я все еще находил его поведения странным.

Когда я думал о Хегберте, я посмотрел на Джейми, сидящую около меня. Она смотрела в окно с умиротворенным взглядом на лице, улыбаясь, глубоко уйдя в себя. Я улыбнулся. Возможно, она думала обо мне. Моя рука начала двигаться в её направлении, но прежде, чем я достиг её, Джейми нарушила тишину.

«Лендон», спросила она, наконец, повернувшись ко мне, «Ты когда-либо думаешь о Боге?»

Я придержал руку.

Теперь, когда я думал о Боге, я обычно изображал его как на тех старых картинах, которые я видел в больших церквях. Он был одет в белую одежду, с длинными волосами, указывая пальцем — но я знал, что она говорила не об этом. Она говорила о плане Бога. Понадобилась минута, чтобы я ответил.

«Несомненно», сказал я. «Иногда бывает».

«Ты когда-либо задаешься вопросом, почему вещи происходят так, а не иначе?»

Я неопределенно кивнул.

«Я думала об этом много в последнее время».

Даже более чем обычно? Я хотел спросить, но не сделал этого. Я мог сказать, что она хотела сказать больше, и я промолчал.

«Я знаю, что Бог имеет план относительно нас всех, но иногда, я не понимаю смысла происходящего. Это когда-либо случалось с тобой?»

Она сказала это так, как если бы я думал об этом все время.

«Ну», сказал я, пробуя обмануть, «я не думаю, что мы всегда можем понимать смысл происходящего. Я думаю, что иногда мы должны просто верить».

Должен признать, что это был довольно хороший ответ. Я предполагаю, что мои чувства к Джейми делали мой интеллектуальный труд немного быстрее, чем обычно. Я мог сказать, что она обдумывала мой ответ.

«Да», наконец она сказала, «ты прав».

Я улыбнулся и изменил тему, исходя из того, что разговор о Боге не заставлял

человека чувствовать себя романтично.

«Ты знаешь», сказал я небрежно, «было очень хорошо сегодня вечером, когда мы сидели возле дерева».

«Да, это так», сказала она. Но она все еще думала о другом.

«И ты тоже выглядела хорошо».

«Спасибо».

Это не работало.

«Я могу задать тебе вопрос?» Наконец, сказал я, в надежде на её возвращение.

«Конечно», сказала она.

Я глубоко вдохнул.

«После церковной службы завтра, и, ну... после того, как ты проведешь некоторое время с твоим отцом... Я подразумеваю...». Я сделал паузу и посмотрел на нее. «Ты бы не возражала прийти ко мне на Рождественский обед?»

Даже притом, что ее лицо все еще было направлено к окну, я мог видеть слабые контуры улыбки, как только я сказал это.

«Да, Лендон, с удовольствием».

Я вздохнул с облегчением, не веря, что я фактически спросил ее об этом, и все еще удивляясь, как все это случилось. Я проехал вниз по улице, где окна были украшены Рождественскими огнями, и пересек городскую площадь Бьюфорта. Несколько минут спустя, я, наконец, взял ее руку, и в дополнение прекрасного вечера, она не оттолкнула мою руку.

Когда мы остановились перед ее домом, огни в гостиной комнате все еще были включены, и я мог видеть Хегберта позади занавесок. Я предположил, что он ждал нас, потому что хотел услышать, как прошел вечер в приюте. Или он хотел удостовериться, что я не целовал его дочь около порога. Я знал, что он это осудит.

Я думал о том, как поступить, когда мы, наконец, попросимся, я подразумеваю — когда мы выйдем из автомобиля и подойдем к двери. Джейми была тиха и довольна в то же самое время, и я думаю, что она была счастлива, что я попросил её приехать ко мне завтра. Так как она была достаточно умна, чтобы разгадать то, что я сделал для сирот, я полагал, что, возможно, она будет достаточно умна, чтобы разгадать ситуацию с приглашением ко мне домой. Думаю, она поняла, что это было впервые, когда я искренне пригласил её к себе домой.

Когда мы подходили к дому, я видел, что Хегберт выглянул из-за занавесок и запрятался назад. С некоторыми родителями, как у Анжелы, например, это бы означало, что они знали о тебе, и ты имел пару минут, прежде чем они откроют дверь. Обычно это давало обоим время посмотреть друг другу в глаза и поцеловаться. Обычно так и происходило.

Теперь я не знал, поцелует ли Джейми меня; фактически, насчет этого у меня были сомнения. Но с ее столь симпатичным взглядом, с ее распущенными волосами, и всем, что случилось сегодня вечером, я не хотел пропустить возможность, если бы она подвернулась. Я почувствовал небольшие колики в животе, когда Хегберт открыл дверь.

«Я услышал, что вы приехали», сказал он спокойно. Его кожа имела тот же желтоватый цвет, как обычно, но он выглядел утомленным.

«Здравствуйте, преподобный Саливан», сказал я подавленно.

«Привет, папа», счастливо сказала Джейми секунду спустя. «Мне жаль, что ты не приехали сегодня вечером. Это было замечательно».

«Я настолько рад за вас». Казалось, ему хотелось прокашляться.

«Я дам вам немного времени, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи. Я оставлю дверь открытой для тебя».

Он обернулся и возвратился в гостиную комнату. От того, где он сел, я знал, что он мог все еще видеть нас. Он симулировал, что читает, однако я не видел, что было в его руках.

«Я провела сегодня вечером замечательно время, Лендон», сказала Джейми.

«Я тоже», ответил я, чувствуя глаза Хегберта, смотрящие на меня. Я задавался

вопросом, знал ли он, что я держал ее руку в автомобиле, пока мы ехали домой.

«В котором часу я должна приехать завтра?» спросила она.

Бровь Хегберта немного поднялась.

«Я приеду за тобой. В пять часов — хорошо?»

Она посмотрела через плечо. «Папа, ты не возражаешь, если бы я погостила у Лендона и его родителей завтра?»

Хегберт поднял руку к глазам и начал протирать их. Он вздыхал.

«Если это важно для тебя, то я не возражаю», сказал он.

Это был не самый активный вотум доверия, который я когда-либо получал, но это было достаточно хорошей новостью для меня.

«Что я должна взять с собой?» спросила она. На Юге это была традиция всегда задавать этот вопрос.

«Ничего не надо», ответил я. «Я заеду за тобой без четверти пять».

Мы постояли еще мгновение, не говоря ни слова, и я мог сказать, что Хегберт немного забеспокоился. Он не перевернул ни одну страницу книги, с тех пор как он оставил нас одних.

«Завтра увидимся», сказала она, наконец.

«Хорошо», сказал я.

На мгновение она посмотрела себе под ноги, а затем опять на меня. «Спасибо за то, что подбросил меня домой», сказала она.

Сказав это, она обернулась и вошла в дом. Я только заметил, что небольшая улыбка появилась на ее губах, когда она обернулась, чтобы закрыть двери.

На следующий день я заехал за ней точно по графику и был рад видеть, что ее волосы были распущены. Она надела свитер, который я подарил ей, как она и обещала.

И моя мама, и папа были немного удивлены, когда я спросил, не будут ли они возражать, если Джейми придет к нам на обед. Это не было большим делом — всякий раз, когда мой папа был дома, моя мама давала задание Елен, нашей поварихе, приготовить достаточно пищи, которой хватило бы для маленькой армии.

Полагаю, что я не упоминал ранее о поваре. В нашем доме мы имели служанку и повара, не только потому, что моя семья могла позволить себе их, но также и потому, что моя мама не была самой лучшей домашней хозяйкой в мире. Она могла приготовить хороший бутерброд мне на завтрак, время от времени, но были времена, когда горчица забивалась ей под ногти, и требовалось три или четыре дня, чтобы удалить её. Без Елен я вырос бы, питаясь подгоревшим пюре и пережаренным мясом. Мой отец, к счастью, понял это, как только они поженились, и повар и служанка были с нами, еще до того, как я родился.

Хотя наш дом был больше чем другие дома, это не был дворец или что-то в этом роде, и ни повар, ни служанка не жили с нами, потому что мы не имели отдельных жилых помещений. Мой отец купил дом из-за его исторической ценности. Хотя это не был дом, где когда-то жил Блекберд, который был более интересен для меня, но он принадлежал Ричарду Доббсу Спайту, который подписал Конституцию. Спайт также имел ферму в окрестностях Нью-Берна, который был приблизительно в сорока милях пути, и там он и был похоронен. Наш дом, возможно, не был столь же известен как тот, где Доббс Спайт был похоронен, но это все еще предоставляло моему отцу немного гордости в залах Конгресса, и всякий раз, когда он шел вокруг сада, я мог видеть, что он мечтал о наследии, которое он хотел оставить. Это нагоняло на меня грусть, потому что независимо оттого, что он сделал, он никогда не сможет превзойти старого Ричарда Доббса Спайта.

Исторические события как подписание Конституции приходят только однажды каждые несколько сотен лет, и независимо от того, как бы Вы ни старались, обсуждая субсидии для фермеров выращивающих табак или говоря о «Красном влиянии», вы никогда бы не превзошли такое историческое событие.

Даже такой как я знал это.

Дом был в Национальном Историческом реестре — все еще, я полагаю — и хотя

Джейми была там однажды, она все еще отчасти испытывала трепет, когда была внутри дома. Моя мать и отец были оба одеты очень изящно, как и я, и моя мать поцеловала Джейми в щеку в знак приветствия. Один ноль, в пользу моей мамы, так как она сумела поцеловать Джейми прежде меня.

У нас получился довольно формальный обед, хотя он и не был скучным. Мои родители и Джейми продолжили самую изумительную беседу — припомнилась мисс Гарбер — и хотя я пробовал пошутить, это вышло не слишком хорошо, по крайней мере, такой была реакция моих родителей. Джейми, однако, смеялась, и я принял это за хороший знак.

После обеда я пригласил Джейми погулять в саду, даже притом, что на улице была зима, и не было ни листьев, ни цветов. После того, как мы надели наши пальто, мы вышли на улицу и вдохнули охлажденный зимний воздух. Я мог видеть, что наши дыхания превратились в облачко пара.

«Твои родители — замечательные люди», сказала она мне. Я полагаю, что она не приняла проповеди Хегберта близко к сердцу.

«Они хороши по-своему», ответил я. «Особенно, моя любимая мама». Я сказал так, не только потому, что это была правда, но также и потому, что это была та же самая вещь, которую дети говорили о Джейми. Я надеялся, что она поймет намек.

Она остановилась, чтобы посмотреть на кусты роз. Они были похожи на искривленные палки, и я не понял того, в чем она заинтересовалась.

«Действительно ли это правда о вашем дедушке?» спросила она меня. «Истории, что люди говорят?»

Я полагаю, что она не поняла мой намек.

«Да», сказал я, пробуя не показать мое разочарование.

«Это грустно», сказала она просто. «В жизни есть вещи дороже, чем деньги».

«Я знаю».

Она посмотрела на меня. «Правда?»

Я не смотрел ей в глаза, когда отвечал. Не спрашивайте меня почему.

«Я знаю, то, что сделал мой дедушка, было неправильным».

«Но разве ты не хочешь исправить то, что он сделал?»

«Я действительно никогда не думал об этом, по правде сказать».

«А будешь?»

Я не ответил сразу же, и Джейми, отвернувшись от меня. Она уставилась на кусты роз с их искривленными ветками снова, и я внезапно понял, что она хотела, чтобы я сказал да. Это — то, что бы она сделала без минуты размышления.

«Почему ты так поступаешь?» Я проболтался прежде, чем смог остановить себя, и кровь приступила к моим щекам. «Так, чтобы заставлять меня чувствовать себя виновным. Я не был тем, кто так поступил. Я только родился в этой семье».

Она протянула руку и коснулась ветви. «Но ты же можешь исправить это», сказала она мягко, «когда у тебя будет возможность».

Ее точка зрения была ясна, даже мне, и глубоко в душе я знал, что она была права. Но время того решения, если оно когда-либо сможет осуществиться, было в далеком будущем. Но я размышлял о более важных вещах. Я изменил предмет разговора на тот, в котором я чувствовал себя лучше.

«Нравлюсь ли я твоему отцу?» спросил я. Я хотел знать, позволит ли Хегберт мне видеть ее снова.

На ответ у нее ушла минута.

«Мой отец», сказала она медленно, «волнуется обо мне».

«Не так ли поступают все родители?» спросил я.

Она посмотрела под ноги, затем в сторону, а потом снова на меня.

«Я думаю, что он поступает немного по-другому, чем остальные. Но ты действительно нравишься моему отцу, и он знает, что это делает меня счастливой, когда я вижу тебя. Именно поэтому он позволил мне приехать к тебе домой на обед сегодня».

вечером».

«Я рад этому», сказал я искренне.

«Я тоже».

Мы смотрели друг на друга под светом полумесяца, и я почти поцеловал ее, но она отвернулась и сказала такое, что выбило меня из седла.

«Мой отец волнуется о тебе, также, Лендон». То как она сказала это — было и мягко и грустно в то же самое время. Также давая мне понять, что он волновался не потому, что думал обо мне как о безответственном человеке, или потому, что я имел обыкновение скрываться позади деревьев и называть его нехорошими словами, или даже, что я был членом семьи Картера.

«Почему?» спросил я.

«По той же самой причине, что и я», сказала она. Она не уточняла дальше, и я знал прямо тогда, что она сдерживала кое-что, что она не могла сказать мне, кое-что, что наводило на неё грусть. Но только позже, я узнал ее тайну.

Влюбиться в такую девчонку как Джейми Саливан было без сомнения самой странной вещью, которая когда-либо со мной происходила. Мало того, что она была девчонкой, о которой я никогда не думал до этого года — даже притом, что мы выросли вместе — но мои чувства к ней были совсем непохожи на те, какие были к другим. Это не было похоже на времяпровождение с Анжелой, которую я поцеловал в первый раз, когда был наедине с нею. Я все еще не целовал Джейми. Я даже не обнимал её, не водил её в кафе «Сесиль» или в кино. Я не сделал ни одной из вещей, которые обычно делал с девчонками, но все же, так или иначе, я влюбился.

Проблема была в том, что я все еще не знал, какие у неё были ко мне чувства.

О да, были некоторые признаки, и я не упустил их. Была Библия — самый важный признак, но было также и то, как она смотрела на меня, когда закрыла дверь в Сочельник, и она позволила мне держать ее руку, когда мы ехали домой с приюта. По-моему, было что-то определенное, и я просто не был точно уверен относительно того, каким сделать следующий шаг.

Когда я, наконец, отвел ее домой после Рождественского обеда, я спросил, будет ли хорошо, если бы я время от времени её навещал, и она сказала, что это было бы прекрасно. Точный её ответ был — «Это будет прекрасно». Лично я не страдал нехваткой энтузиазма — Джейми имела тенденцию говорить как взрослый человек, и я думаю, именно поэтому она ладит со старшими людьми так хорошо.

На следующий день я шел к ней домой, и первую вещь, которую я заметил, была то, что автомобиль Хегберта не был на дороге. Когда она открыла дверь, я знал точно, что не надо спрашивать, мог ли я войти.

«Привет, Лендон», сказала она так же, как и всегда, как будто это была неожиданность видеть меня.

Снова ее волосы были распущенными, и я принял это как положительный знак.

«Привет, Джейми», сказал я небрежно.

Она двигалась к стульям. «Мой отец не дома, но мы сможем сидеть на крыльце, если ты не против...»

Даже не спрашивайте меня, как это случилось, потому что я все еще не могу объяснить это. Одна секунда и я стоял там перед нею, ожидая двинуться к крыльцу, а в следующую секунду, я сделал по-другому. Вместо того чтобы двинуться к стульям, я сделал шаг ближе к ней и достиг ее рук. Я взял ее за руки и посмотрел прямо на нее, придвигаясь немного ближе. Она не отходила назад, но ее глаза расширились только немного, и в течение крошечного, мерцающего мгновения я думал, что поступил неправильно и обдумывал следующее действие. Я сделал паузу и улыбнулся, наклоня голову, и следующие, что я увидел, было то, что она закрыла глаза и тоже наклонила голову, и что наши лица приближались друг к другу.

Это не длилось долго, и конечно не было похоже на поцелуй, который Вы видите в

кинофильмах в наши дни, но это было просто замечательно. И все, что я могу вспомнить о том мгновении — то, что когда наши губы впервые коснулись друг к другу, я знал, что запомню это мгновение на всю жизнь.

Глава одиннадцатая

«Ты — первый мальчик, которого я когда-либо целовала», сказала она мне.

Это было за несколько дней до нового года, Джейми и я стояли на Железном Пароходном Пирсе на Сосновых Холмах. Чтобы добраться туда, мы должны были перейти мост, который пересекал Береговой канал и пройти немного вглубь острова.

В настоящее время это место есть самая дорогая прибережная собственность в целом штате, но тогда это были главным образом дюны возле Морского Национального Леса.

«Я полагал, что это вполне возможно», сказал я.

«Почему?» спросила она невинно. «Я сделала это неправильно?» Не было похоже, что она слишком расстроится, если бы я сказал да, но это была бы неправда.

«Ты великолепно целуешься», сказал я, сжимая ее руку.

Она кивнула и повернулась к океану, ее глаза опять вглядывались в даль. Она делала это так часто в последнее время. Я позволял этому продолжаться некоторое время, пока меня не утомляла тишина.

«Ты в порядке, Джейми?» наконец спросил я.

Вместо ответа, она изменила тему.

«Ты когда-либо был влюблен?» спросила она меня.

Я пригладил волосы рукой и удивленно посмотрел на неё. «Ты подразумеваешь до настоящего времени?»

Я сказал так, как это говорил Джеймс Дин, и мне сказал Эрик так отвечать, если девочка когда-либо задаст мне этот вопрос. Эрик хорошо ладил с девочками.

«Я серьезно, Лендон», сказала она, бросая на меня косой взгляд.

Я полагаю, что Джейми видела те кинофильмы, также. Я познал, что с Джейми, я всегда буду падать и взлетать скорее, чем требуется времени, чтобы прибить комара. Я не был весьма уверен, любил ли я эту часть наших отношений, хотя, честно говоря, это не давало мне остыть. Я все еще чувствовал себя неуютно, когда думал о ее вопросе.

«Фактически, да», сказал я, наконец.

Ее глаза все еще смотрели на океан. Я считаю, она думала, что я говорил об Анжеле, но, анализируя прошлое, я понял, то, что я чувствовал к Анжеле, полностью отличалось оттого, что я чувствовал прямо сейчас.

«Как ты узнал, что это была любовь?» спросила она меня.

Я наблюдал, как бриз, мягко развеивает её волосы, и я понял, что хватит из себя строить того, кем я на самом деле не был.

«Ну», сказал я серьезно, «ты знаешь, что любовь это такое состояние, когда всё, что ты хочешь сделать — провести время с человеком, и ты сам знаешь, что другой человек чувствует то же самое».

Джейми подумала о моем ответе и слегка улыбнулась.

«Понимаю», сказала она мягко. Я ждал, что она добавит что-то еще, но она молчала, и я познал кое-что еще.

У Джейми, возможно, не было большого опыта общения с мальчиками, но, честно говоря, она играла со мной как музыкант с арфой.

В течение следующих двух дней, например, её волосы снова были связаны узлом.

На кануне нового года я пригласил Джейми на обед. Это было самое первое реальное свидание, на которое она когда-либо шла, и мы пошли в маленький ресторан «Фловин» на береговой линии в Морхед Сити. Фловин был из тех ресторанов, в которых были скатерти и свечи, и пять различных серебряных приборов на каждом столике. Официанты были одеты в черно-белую одежду, как дворецкие, и если бы Вы выглянули из гигантских окон, которые

полностью дополняли стену, Вы смогли бы наблюдать лунный свет, отбивающийся от медленно колеблющейся воды.

Там был пианист и певец, правда не каждую ночь или даже каждый уик-энд, но на праздники, когда предполагалось, что будет аншлаг. Я должен был зарезервировать столик, и первый раз, когда я позвонил, они сказали, что мест нет, но я сделал так, чтобы моя мама позвонила им, и как выяснилось, место нашлось. Я полагаю, что владелец нуждался в покровительстве моего отца или что-то в этом роде, или возможно он просто не хотел рассердить его, зная, что мой дедушка был все еще жив.

Это была фактически идея моей мамы, чтобы пригласить Джейми куда-нибудь в особенное место. За несколько дней до этого, в один из тех дней, когда волосы Джейми были связанные узлом, я говорил с моей мамой о вещах, через которые я прошел.

«Она — все, о чем я думаю, Мама», признался я. «Я подразумеваю, что знаю, что я ей нравлюсь, но я не знаю, чувствует ли она то же что и я».

«Она так много для тебя значит?» спросила она.

«Да», сказал я спокойно.

«Ну, и что ты пробовал?»

«Что ты подразумеваешь?»

Моя мама улыбнулась. «Я подразумеваю, что молодые девочки, даже Джейми, любят чувствовать себя особенными».

Я подумал об этом мгновение, немного смущенный. Разве не это я пробовал сделать?

«Ну, я приходил к ней в гости каждый день», сказал я.

Моя мама положила руку на мое колено. Даже притом, что она не была хорошей домашней хозяйкой и иногда поручала это мне, но как я и сказал ранее, она действительно была сладкой леди.

«Ходить к ней в гости — хорошая вещь, но не самая романтичная. Ты должен сделать кое-что, что действительно покажет ей твои чувства».

Моя мама предложила купить духи, и хотя я знал, что Джейми, вероятно, будет счастлива, получив их, это не казалось мне правильным. С одной стороны, так как Хегберт не позволял ей пользоваться косметикой — единственным исключением была Рождественская пьеса — я был уверен, что она не сможет пользоваться духами. Это я и сказал моей маме, и она предложила пригласить Джейми на обед.

«У меня нет денег», сказал я ей подавленно. Хотя моя семья была богата, и мне давали карманные деньги, но никогда не давали мне больше, чтобы я не тратил их слишком быстро. «Это воспитывает ответственность», говорил мой отец, объясняя.

«Что случилось с твоими деньгами в банке?»

Я вздохнул, и моя мама сидела в тишине, в то время как я объяснил, что я сделал. Когда я закончил, состояние полного удовлетворения появилось на ее лице, как будто она, также, знала, что я, наконец, вырос.

«Позволь мне позаботиться об этом», сказала она мягко. «Ты просто узнай, хотела ли бы она пойти, и позволит ли ей Преподобный Саливан. Если она сможет, мы все устроим. Я обещаю».

На следующий день я пошел в церковь. Я знал, что Хегберт будет в офисе. Я еще не спрашивал Джейми, потому что полагал, что она будет нуждаться в его разрешении, и по некоторым причинам я хотел быть тем, кто попросит его. Я полагаю, что здесь мог проявить себя тот факт, что Хегберт не совсем был рад видеть меня, когда я приходил к ним. Всякий раз, когда он видел, что я приходил к Джейми, у него появлялось шестое чувство насчет этого — он выглядывал из-за занавесок, потом быстро прятал голову позади них, думая, что я не видел его. Когда я стучал, проходило много времени, прежде чем он открывал дверь, как будто он был на кухне.

Он бы долго смотрел на меня, затем вздыхал бы глубоко и качал бы головой перед тем, как поздороваться.

Его дверь была частично открыта, и я видел, что он сидел за столом, очки были у него

на носу. Он просматривал какие-то бумаги — вроде как финансовые — и я полагал, что он пробовал выяснить церковный бюджет на следующий год. Даже священникам надо было оплачивать счета.

Я постучал в дверь, и он посмотрел с интересом, как будто он ожидал кого-то другого, и он нахмурил брови, когда увидел, что это был я.

«Здравствуйте, Преподобный Саливан», сказал я вежливо. «Вы свободны?»

Он выглядел даже более утомленным, чем обычно, и я полагал, что он не чувствовал себя хорошо.

«Привет, Лендон», сказал он устало.

Я оделся как раз для такого случая — на мне был жакет и галстук. «Я могу войти?»

Он слегка кивнул, и я вошел в офис. Он подошел ко мне, чтобы сесть на стул с другой стороны стола.

«Что я могу сделать для тебя?» спросил он.

Не без нервов пробовал я устроиться на стуле. «Хорошо, сэр, я хотел бы спросить Вас кое-что».

Он уставился на меня, пробуя изучить, прежде чем он, наконец, спросил — «Это имеет отношение к Джейми?».

Я глубоко вздохнул.

«Да, сэр. Я хотел спросить, не будете ли Вы возражать, если бы я пригласил ее на обед на кануне нового года».

Он вздохнул. «И это все?» сказал он.

«Да, сэр», сказал я. «Я привезу ее домой в любое время, которое Вы назовете».

Он снял очки и протер их носовым платком, перед тем, как отложить их. Я мог сказать, что он размышлял приблизительно одну минуту.

«Ваши родители также будут присутствовать?» спросил он.

«Нет, сэр».

«Тогда я не думаю, что это будет возможным. Но спасибо, что спросил сначала мое разрешение». Он посмотрел вниз на бумаги, показывая, что это был как раз тот момент для меня, чтобы уйти. Я встал со стула и пошел к двери. Поскольку я собирался уходить, я оказался перед ним снова.

«Преподобный Саливан?»

Он был удивлен, что я был все еще здесь. «Я сожалею о тех вещах, которые я обыкновенно делал, когда был моложе, и я сожалею, что я не всегда правильно оценивал Джейми. Но с этого времени, вещи изменятся. Я обещаю Вам это».

Он, казалось, посмотрел прямо через меня. Этого было не достаточно.

«Я люблю ее», сказал я, наконец, и когда я сказал это, его внимание сосредоточилось на мне снова.

«Я знаю это», ответил он с сожалением, «но я не хочу видеть, как она страдает». Возможно, что я вообразил это, но думаю, что я видел, как его глаза начали слезиться.

«Я не причиню ей боли», сказал я.

Он отвернулся от меня и посмотрел из окна, наблюдая, как зимнее солнце пробовало проложить свой путь через облака. Это был мрачный день, холодный и ветреный.

«Приведи её назад к десяти часам», сказал он, наконец, как будто он знал, что принял неправильное решение.

Я улыбнулся и хотел поблагодарить его, хотя и не сделал этого. Я мог сказать, что он хотел остаться один. Когда я посмотрел через плечо, будучи возле двери, я был озадачен, увидев, как он закрыл лицо руками.

Я пригласил Джейми час спустя. Первое, что она сказала, было то, что она не уверена, что сможет пойти, но я сказал ей, что уже говорил с ее отцом. Она казалось, была удивлена, и я думаю, что это повлияло на её точку зрения обо мне. Одна вещь, которую я не сказал ей, было то, что мне показалось, будто бы Хегберт плакал, когда я выходил из комнаты. Мало того, что я полностью не понимал этого, но я не хотел, чтобы она

волновалась. Той ночью, тем не менее, после разговора с моей мамой снова, она дала мне возможное объяснение, и честно говоря, это имело прекрасный смысл. Хегберт, должно быть, понял, что его дочь выросла, и что он медленно терял ее через меня. В некотором смысле, я надеялся, что это было правдой.

Я заехал за ней прямо по расписанию. Хотя я и не просил, чтобы она распустила волосы, она сделала это для меня. Тихо мы проехали мост, и спустились вниз к береговой линии, где был ресторан. Когда мы подошли к месту, где должен стоять старший официант, сам владелец появился и отвел нас к нашему столику. Это было одно из лучших мест в ресторане.

Ресторан был переполнен людьми, когда мы прибыли, и все вокруг нас были в хорошем настроении. На Новый год люди были модно одеты, и мы были единственными двумя подростками здесь. И все же, я не думал, что мы выглядели лишними.

Джейми никогда не была во Фловине, прежде, и ей потребовалось несколько минут, чтобы осмотреть это место. Она казалась, взволновано счастливой, и я понял сразу же, что моя мама сделала правильное предложение.

«Это замечательно», сказала она мне. «Спасибо за приглашение».

«Я рад», сказал я искренне.

«Ты был здесь прежде?»

«Несколько раз. Моя мать и отец любят приезжать сюда иногда, когда мой отец приезжает домой из Вашингтона».

Она смотрела в окно и уставилась на судно, которое проходило мимо ресторана, сверкая огнями. На мгновение она казалась потерянной от удивления. «Здесь красиво», сказала она.

«Ты тоже», ответил я.

Джейми покраснела. «Ты ведь не серьезно».

«Я серьезно», сказал я спокойно.

Мы держались за руки, в то время как ждали обед, и Джейми и я говорили о некоторых из вещей, которые случились за несколько прошлых месяцев. Она смеялась, когда мы говорили о танцах, и я, наконец, признал причину, через которую я пригласил её. Она хорошо танцевала и весело шутила о танцах — и я знал, что она уже и так все поняла сама.

«Ты хотел бы пригласить меня снова?» дразнила она.

«Несомненно».

Обед был восхитителен — мы заказали морского окуня и салаты, и когда официант, наконец, забрал наши тарелки, заиграла музыка. У нас остался еще час до того, как я должен был отвести ее домой, и я пригласил её на танец.

Сначала мы были единственными танцующими, и все смотрели на нас, когда мы скользили вокруг. Я думаю, что они все знали, что мы чувствовали друг к другу, и это напомнило им о молодости. Я мог видеть, что из-за нас они тоскливо улыбались. Огни потускли, и когда певец запел спокойную песню, я прижал её ближе к себе, закрыл глаза, задаваясь вопросом, было ли в моей жизни, что-нибудь прекрасней этого и в тот же момент я уже знал, что не было.

Я был влюблен, и чувство было настолько замечательным, что я раньше и представить себе этого не мог.

После Нового года мы провели следующие полторы недели вместе, делая вещи, которые делали молодые пары в свое время, хотя время от времени она казалась утомленной и вялой. Мы провели время у реки Ньюс, бросая камни в воду, и наблюдая рябь, когда мы говорили, или ходили на пляж около Форта Мейкон.

Даже притом, что была зима, океан был цвета железа, и было кое-что, что мы оба любили делать. Приблизительно через час Джейми просила, чтобы я отвел ее домой, и мы держали друг друга за руки в автомобиле. Иногда, казалось, что она почти засыпала прежде, чем мы успевали возвратиться домой, тогда как в другое время, она болтала всю дорогу назад так, что я мог только вставить пару слов.

Конечно, проведение времени с Джейми также означали делание вещей, которые она любила. Хотя я и не посещал ее библейскую школу, потому что не хотел быть похожий на идиота перед нею — но мы действительно посещали приют вдвое чаще, и каждый раз, когда мы шли туда, я чувствовал себя лучше, чем дома. Хотя, однажды, мы должны были уехать раньше, потому что она заболела лихорадкой. Даже не смотря на мои нетренированные глаза, было ясно, что у неё была температура.

Мы поцеловались снова, хотя мы и не все время были вместе, я даже и не думал идти дальше в наших отношениях. Такой потребности не было. Было кое-что приятное, когда я поцеловал ее, кое-что нежное и правильное, и это было достаточным для меня. Чем больше я делал это, тем больше я понимал, что точка зрения о жизни Джейми была неправильна не только у меня, но и у всех остальных.

Джейми не была просто дочерью священника, или человеком, читающим Библию и прилагающим все усилия, чтобы помочь другим. Джейми была также семнадцатилетней девочкой с теми же самыми надеждами и сомнениями, какие были и у меня. По крайней мере, это — то, что я допускал, пока она, наконец, не сказала мне.

Я никогда не забуду тот день из-за того, насколько тихой она была, и у меня целый день было интересное чувство, что кое-что важное было у неё на уме.

Я провожал её домой из кафе «Сесиль» в субботу, дул сильный пронизывающий ветер. Северо-восточный дул с предыдущего утра, и в то время как мы шли, мы прижались друг к другу, чтобы не замерзнуть. Наши руки сделали петлю, и мы шли медленно, еще медленнее, чем обычно, и я мог сказать, что она опять чувствовала себя плохо. Она действительно не хотела идти со мной из-за погоды, но я попросил ее из-за моих друзей. Это было время, когда я размышлял, что они, наконец, поняли о наших чувствах друг к другу. Но как всегда и получается, проблема была в том, что никого более не был в кафе «Сесиль». Как и во многих прибрежных общинах, все было тихим на береговой линии в середине зимы.

Она была тиха, когда мы шли, и я знал, что она думала о том, как сказать мне что-то. Я не ожидал того, как она начала беседу.

«Люди думают, что я странна, не так ли», сказала она, наконец, нарушая тишину.

«О ком ты?» спросил я, даже притом, что я знал ответ.

«Люди в школе».

«Нет, это не так», я лгал.

Я поцеловал ее в щеку, и сжал ее руку немного сильнее. Она содрогнулась, и я мог сказать, что причинил ей боль.

«Ты в порядке?» спросил я обеспокоено.

«Все хорошо», сказала она, восстанавливая свое самообладание и не меняя темы.

«Сделаешь мне одолжение?»

«Все что угодно», сказал я.

«Обещай говорить мне всегда только правду с этого момента?»

«Хорошо», я сказал.

Она остановила меня внезапно и посмотрела прямо на меня. «Ты обманываешь меня?»

«Нет», я сказал, защищаясь, и задаваясь вопросом, куда она клонила. «Я обещаю, что с этого времени, я буду всегда говорить тебе правду».

Так или иначе, когда я сказал это, я знал, что мне придется еще раскаиваться в этом.

Мы пошли снова. Когда мы спускались вниз по улице, я глядел на ее руку, которая сплелась с моей рукой, и я увидел большой ушиб ниже ее безымянного пальца. Я понятия не имел, откуда он там появился, так как его там не было вчера. В течение секунды я думал, что он, возможно, появился через меня, но тогда я понял, что даже не прикасался к ней там.

«Люди думают, что я странна, не так ли?» спросила она снова.

Я продолжительно выдыхал.

«Да», наконец я ответил. Это причинило мне боль.

«Почему?» она выглядела почти подавленной.

Я думал об этом. «Люди имеют различные причины», сказал я неопределенно, прилагая все усилия, чтобы не пойти дальше.

«Но почему, точно? Это из-за моего отца? Или — это, потому что я пробую быть хорошей с людьми?»

Я не хотел, чтобы все так повернулось.

«Я полагаю», это было все, что я мог сказать. Меня подташнивало.

Казалось, что Джейми пришла в уныние, и мы шли дальше в тишине.

«Ты также думаешь, что я странна?» спросила она снова.

То, как она это сказала, заставило меня почувствовать боль больше, чем я мог представить. Мы были почти возле ее дома прежде, чем я остановил ее и прижал ее к себе. Я поцеловал ее, и когда мы разъединились, она посмотрела вниз на землю.

Я положил свой палец ниже ее подбородка, поднимая ее голову и заставляя ее смотреть на меня снова. «Ты — замечательный человек, Джейми. Ты красива, ты добра, ты — нежна..., ты являетесь всем, что я бы хотел. Если люди не любят тебя, или они думают, что ты странна, то это — их проблема».

В сероватой теплоте холодного зимнего дня, я мог видеть, что ее нижняя губа начала дрожать. Я делал то же самое, и внезапно понял, что мое сердце также убыстрялось. Я смотрел в ее глаза, улыбаясь со всем чувством, которое я мог собрать, зная, что я не мог больше сдерживать слов.

«Я люблю тебя, Джейми», сказал я ей. «Ты — лучшее, что когда-либо случилось со мной».

Это был первый раз, когда я когда-либо говорил такие слова другому человеку помимо кого-то из моей семьи. Когда я воображал сказать это кому-то еще, я так или иначе думал, что это будет трудно, но это не было. Я никогда не был более уверенным.

Как только я сказал это, Джейми наклонила голову и начала плакать, наклоняясь ко мне. Я обхватил ее своими руками, задаваясь вопросом, что было неправильным. Она была худа, и я понял впервые, что мои руки обхватили ее полностью. Она похудела за прошедшие полторы недели, и я вспомнил, что ранее она почти ничего не ела. Она продолжала плакать в мою грудь, казалось, долгое время. Я не знал, что думать, или даже то, что она чувствовала по отношению ко мне. Даже в этом случае, я не сожалел о словах. Правда — всегда есть правдой, и я только что пообещал ей, что никогда не буду лгать опять.

«Пожалуйста, не говори этого», сказала она мне. «Пожалуйста...»

«Но я люблю», сказал я, думая, что она не верила мне.

Она начала плакать еще сильнее. «Я сожалею», шептала она мне через слезы. «Мне так жаль...»

Мое горло внезапно пересохло.

«Но почему?» спросил я, внезапно отчаявшись, чтобы понять то, что беспокоило ее. «Это из-за моих друзей и того, что они скажут? Меня это не интересует больше — это правда». Я запутался и, честно говоря — испугался.

Ей потребовалось много времени, чтобы прекратить плакать, и она посмотрела на меня. Она поцеловала меня так же мягко, как Вы бы почувствовали дыхание прохожего по улице, затем провела пальцем по моей щеке.

«Ты не можешь любить меня, Лендон», сказала она через красные, распухшие глаза.

«Мы можем быть друзьями, мы можем видеть друг друга..., но ты не можешь любить меня».

«Почему нет?» Я закричал хрипло, ничего не понимая.

«Потому что» сказала она, наконец, мягко, «я очень больна, Лендон».

Это понятие было настолько чужим, что я не мог понять, что она пробовала сказать.

«Ну и что? Это пройдет через несколько дней...»

Грустная улыбка пересекла ее лицо, и я понял прямо тогда, что она пробовала сказать мне. Ее глаза не уводили взгляд с моих глаз, когда она, наконец, сказала слова, разорвавшие мое сердце.

«Я умираю, Лендон».

Глава двенадцатая

У нее была лейкемия; она узнала об этом прошлым летом.

В тот момент, когда она сказала мне об этом, кровь ушла из моего лица, и головокружащие образы пронеслись в моем сознании. За это короткое мгновение время внезапно остановилось, и я понял все, что случилось между нами. Я понял, почему она хотела, чтобы я играл в пьесе; я понял, почему, после того, как мы выполнили ту премьеру, Хегберт шептал ей со слезами на глазах, называя ангелом; я понял, почему он выглядел настолько утомленным все время и почему он волновался, что я приходил к ним домой. Все стало абсолютно ясным.

Почему она хотела, чтобы Рождество в приюте было столь особенным...

Почему она не думала, что поступит в институт...

Почему она подарила мне свою Библию...

Все имело здравый смысл, и в то же самое время казалось, что не было никакого смысла вообще.

Джейми Саливан болела лейкемией...

Джейми, сладкая Джейми, умирала...

Моя Джейми...

«Нет, нет», шептал я ей, «это должно быть ошибка...»

Но ошибки не было, и когда она сказала мне снова, мой мир опустел. Моя голова начала вращаться, и я взялся за нее сильно, чтобы удержаться от потери баланса. На улице я видел мужчину и женщину, идущую к нам, склонив головы и положив руки на шляпы, чтобы их не сдуло ветром. Собака неслась поперек дороги и остановилась, чтобы понюхать кустарники. Сосед напротив стоял на стремянке, снимая Рождественские гирлянды. Нормальные сцены из каждодневной жизни, вещи, которые я никогда не замечал прежде, внезапно заставили меня почувствовать себя сердитым. Я закрыл глаза, желая, чтобы все это ушло.

«Я так сожалею, Лендон», продолжала она говорить много раз. Именно я должна была сказать это, как бы то ни было. Я знаю это теперь, но мое замешательство препятствовало мне рассказать это.

Глубоко в душе, я знал, что все это останется. Я прижал ее снова к себе, не зная, что делать, слезы заполняли мои глаза, пробуя и будучи не в состоянии быть твердым, потому что думал, что она нуждалась в этом.

Мы плакали вместе на улице в течение долгого времени, просто немного дальше от ее дома. Мы еще плакали, когда Хегберт открыл дверь и увидел наши лица, точно зная, что их тайна раскрыта. Мы плакали, когда мы сказали моей матери позже тем днем, и моя мать прижала нас обоих к груди и рыдала настолько громко, что и служанка и повар хотели вызвать доктора, потому что они подумали, что что-то случилось с моим отцом. В воскресенье Хегберт сделал объявление своим прихожанам, его лицо выражало мучения и опасения, и он нуждался в помощи, чтобы вернуться на свое место даже прежде, чем он успел закончить.

Каждый из прихожан смотрел в тихом недоверии на слова, которые они только что услышали, как будто они ждали изюминки этой ужасной шутки, в которую ни один из них не мог поверить. Тогда внезапно, начались стенания.

Мы сидели с Хегбертом в тот день, в который она сказала мне, и Джейми терпеливо отвечала на мои вопросы. Она не знала, сколько ей осталось, сказала она мне. И не было ничего, что доктора могли бы сделать. Они сказали, что это была редкая форма болезни, именно та, которая не поддавалась лечению. Да, когда учебный год начался, она чувствовала себя прекрасно. Только в прошлые несколько недель, она начала чувствовать прогрессию болезни.

«Это — то, как она прогрессирует», сказала она. «Ты чувствуешь себя прекрасно, и затем, когда твое тело не может продолжать бороться, тебе нехорошо».

Душа свои слезы, я не мог не думать о пьесе.

«Но все те репетиции... те долгие дни... возможно, ты не должна была брать участие».

«Возможно», сказала она, взяв меня за руку и перебивая меня. «Игра в пьесе была тем, что держало меня здоровой так долго».

Позже, она сказала мне, что семь месяцев прошли, с тех пор как она диагностировалась. Доктора дали ей год, возможно меньше.

В эти дни, возможно, все было бы отлично. В эти дни они, возможно, вылечили бы ее.

В эти дни Джейми, вероятно, жила бы. Но это случилось сорок лет назад, и я знал, что это означало.

Только чудо могло спасти ее.

«Почему ты не говорила мне?»

Это был тот вопрос, который я не задал ей, но о котором я думал. Я не спал той ночью, и мои глаза все еще были раздуты. Я пришел от шока к отрицанию, к печали, к гневу, и снова обратно, всю ночь напролет, желая, чтобы этого не происходило, молясь, чтобы все это было только небольшим ужасным кошмаром.

Мы были в ее гостиной комнате на следующий день, день, когда Хегберт сделал объявление в общине. Это было 10 января 1959.

Джейми не выглядела настолько угнетенной, как я думал. Но с другой стороны, она жила с этим уже в течение семи месяцев. Она и Хегберт были единственными, кто знал, и ни один из них не доверил это даже мне. Это причинило мне боль и одновременно напугало.

«Я приняла решение», объясняла она мне, «было бы лучше, если бы я не говорила никому, и я попросила, чтобы мой отец сделал то же самое. Ты видел, какими люди были после службы сегодня. Никто даже не посмотрел мне в глаза. Если бы тебе оставалось жить только несколько месяцев, неужели ты бы не этого хотел?»

Я знал, что она была права, но от этого я не чувствовал себя лучше. Впервые в моей жизни, я был полностью в недоумении.

У меня не было умирающих близких мне людей прежде, по крайней мере, каких я мог вспомнить. Моя бабушка умерла, когда мне было три года, и я ничего не помню ни о ней, ни о службе, которая была на похоронах, ни даже несколько лет после того, как она умерла. Я слышал истории, конечно, и от моего отца и от моего дедушки, но не более того. Это было то же самое как послушать истории, которые я мог бы прочитать в газете о некоторой женщине, которую я никогда действительно не знал. Хотя мой отец брал меня с собой на кладбище, он приносил цветы на ее могилу, но я никогда не имел никаких ощущений, связанные с нею. Я имел чувства только к людям, которые остались после неё.

Никто в моей семье или моем кругу друзей не имел такого опыта. Джейми было семнадцать, ребенок почти ставший женщиной, умирающий, но все еще полон жизни в то же самое время. Я боялся, более чем когда-либо, не только за неё, но и за себя также. Я жил в опасении того, чтобы не сделать ошибку, чтобы не оскорбит ее. Было ли хорошо сердиться в ее присутствии? Было ли хорошо говорить о будущем? Мое опасение сделало трудными мои разговоры с нею, хотя она была терпелива со мной.

Мое опасение, однако, заставило меня понять что-то еще, кое-что, что сделало все это еще хуже. Я понял, что я даже не знал ее, когда она была здорова. Я начал проводить время с нею только несколько месяцев ранее, и я любил ее в течение только восемнадцати дней. Те восемнадцать дней походили на всю мою жизнь, но теперь, когда я смотрел на нее, все, что я мог сделать, было удивление, как долго сможет все это продолжаться.

В понедельник она не пришла в школу, и я так или иначе знал, что она уже никогда не будет ходить школьными коридорами снова. Я никогда не увижу, что она читает Библию одна за ленчем, я никогда не буду видеть ее коричневый жакет в толпе, когда она шла на следующий урок. Она окончила школу навсегда; она никогда не получит диплом.

Я не мог сконцентрироваться ни на чем, в то время когда сидел на уроке, слушая, как один за другим преподаватели говорили нам то, что большинство из нас уже слышало.

Реакция была подобна той, что была в церкви в воскресенье. Девочки плакали, мальчики повесили свои головы, люди говорили истории о ней, как будто она уже умерла. «Что мы можем сделать?», они громко задавались вопросом, и люди обращались ко мне для ответов.

«Я не знаю», это было всем, что я мог сказать.

Я ушел из школы раньше и пошел к Джейми, прогуливая свои занятия после обеда.

Когда я постучал в дверь, Джейми открыла так же, как она всегда это делала, бодро и казалось беззаботно.

«Привет, Лендон», сказала она, «для меня это неожиданность».

Когда она наклонялась поцеловать меня, я поцеловал ей плечо, хотя все это заставляло меня плакать.

«Мой отец не дома прямо сейчас, но если ты хочешь бы посидеть на крыльце, то мы можем это сделать».

«Как ты можешь?» спросил я внезапно. «Как ты можешь притворяться, что все в порядке?»

«Я не притворяюсь, что все в порядке, Лендон. Позволь мне надеть пальто, и мы поговорим, хорошо?»

Она улыбалась мне, ожидая ответа, и я, наконец, кивнул, зажав губы. Она протянулась и приласкала мою руку.

«Я скоро буду», сказала она.

Я подошел к стулу и сел, Джейми появилась мгновение спустя. Она надела теплое пальто, перчатки, и шляпу, чтобы не замерзнуть. Северо-восточный ветер прошел, и день не был так холоден, как это было на уик-энде. Тем не менее, ей и этого было много.

«Ты не была в школе сегодня», сказал я.

Она смотрела вниз и кивала. «Я знаю».

«Ты когда-либо будешь ходить в школу?» Даже притом, что я уже знал ответ, я должен был услышать его от нее.

«Нет», она сказала мягко, «не буду».

«Почему? Неужели болезнь настолько прогрессировала?» Я начал плакать, и она наклонилась и взяла мою руку.

«Нет. Сегодня я чувствую себя довольно хорошо. Я просто хочу быть дома по утрам, прежде чем мой отец должен пойти в офис. Я хочу провести с ним так много времени, как смогу».

Прежде, чем я умру, хотела она сказать, но не сказала. Я почувствовал тошноту и не смог ответить.

«Когда доктора впервые сказали нам», продолжала она, «они сказали, что я должна пробовать вести, насколько это возможно, нормальную жизнь. Они сказали, что это будет поддерживать мои силы».

«В этом нет ничего нормального», сказал я горько.

«Я знаю».

«Разве ты не испугана?»

Так или иначе, я ожидал, что она скажет — нет, скажет что-то мудрое, как бы сказал взрослый, или объяснит мне, что мы не можем понять план Бога.

Она отвела взгляд. «Да», наконец, сказала она, «я испугана все время».

«Тогда, почему ты не ведешь себя так?»

«Я веду. Я только делаю это конфиденциально».

«Потому что ты не доверяешь мне?»

«Нет», сказала она, «потому что я знаю, что ты также испуган».

Я начал молиться о чуде.

Они случаются всегда, и я читал о них в газетах.

Люди, восстанавливающие работоспособность своих конечностей, когда им говорят, что они никогда не смогут ходить, или каким-то образом выжили после ужасного несчастного случая, когда вся надежда была потеряна. Время от времени палатка проповедника устанавливалась в окрестностях Бьюфорта, и люди ходили туда, чтобы наблюдать, как излечивались другие люди. Я был тоже там, и хотя я предполагал, что большинство исцелений было не больше, чем ловким волшебным трюком, и я никогда не признавал людей, которые излечились, но иногда случались вещи, которые даже я не мог объяснить. Старик Свини, пекарь здесь в городе, был на Великой войне, вместе с артиллерией сражался позади траншей, и месяцы артобстрела врага сделали его глухим на одно ухо. Это не был трюк — он действительно не мог слышать на одно ухо, и были времена, когда мы, будучи детьми, могли прокрасться в светло-коричневую пекарню из-за этого. Но проповедник начал возбужденно молиться и, наконец, положил руку на глухое ухо Свини. Свини так громко закричал, что люди фактически повыпрыгивали со своих мест. У него было испуганное лицо, как будто парень тронул его раскаленной добела кочергой, но потом он встряхнул головой и, озираясь, произнес слова, «я могу слышать снова». Даже он не мог поверить этому. «Бог», проповедник сказал так, когда Свини начал возвращаться на свое место, «может сделать что угодно. Бог слышит наши молитвы».

Итак, этой ночью я открыл Библию, которую Джейми подарила мне на Рождество и начал читать. Я слышал все о Библии в воскресной школе или в церкви, но, откровенно говоря, я только помнил основные моменты — Бог послал семь казней так, чтобы израильтяне смогли оставить Египет, Иону проглотил кит, Иисус ходил по воде и воскресил Лазаря из мертвых. Были и другие важные персоны, также. Я знал, что фактически каждая глава Библии говорила о Боге, делающего что-то захватывающее, но я не изучил их всех. Как христиане мы в большой степени изучаем Новый Завет, и я не знал ничего про книги об Иисусе Навине, или Руфе или Иоиле. Первую ночь я просмотрел книгу Бытия, вторую ночь — книгу Исхода. Книга Левит была следующей, потом книга Чисел и затем книга Второзаконие. В определенных частях мое продвижение замедлялось, даже притом что все законы объяснялись, все же я не мог это осмыслить. Это было принуждение, которое я не мог полностью понять.

Было уже поздно однажды ночью, и я устал к тому времени, когда я, в конечном счете, достиг книги Псалмов, но так или иначе я знал, что это было тем, что я искал. Каждый слышал двадцать второй Псалом, который начинается, «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться», но я хотел прочитать другие, так как ни один из них не должен был быть более важным, чем другие. После часа поисков я натолкнулся на подчеркнутую секцию, предполагая, что Джейми отметила её, потому что это что-то означало для нее. Вот, что там было сказано:

К тебе, Господи, взываю: твердыня моя! Не будь безмолвен для меня, чтобы при безмолвии Твоем я не уподобился нисходящим в могилу.

Услышь голос молений моих, когда я взываю к Тебе, когда поднимаю руки мои к святому храму Твоему.

Я закрыл Библию со слезами на глазах, неспособным закончить псалом.

Так или иначе, я знал, что она подчеркнула это для меня.

«Я не знаю, что сделать», сказал я ошеломленно, смотря на тусклый свет своей лампы в спальне. Моя мама и я сидели на моей кровати. Время подходило к концу января, самый трудный месяц моей жизни, и я знал, что в феврале все только ухудшится.

«Я знаю, что это трудно для тебя», бормотала она, «но ты ничем не сможешь помочь».

«Я не подразумеваю о болезни Джейми — я знаю, что ничего не могу поделать. Я говорю о Джейми и себе».

Моя мать смотрела на меня сочувственно. Она волновалась о Джейми, но она также волновалась и обо мне. Я продолжал.

«Трудно мне говорить с нею. Все, что я могу сделать, когда я смотрю на нее, —

думаю о дне, когда уже не увижу её. Таким образом, я провожу все свое время в школе, думая о ней, желая видеть её прямо тогда, но когда я добираюсь к её дому, то не знаю, что сказать».

«Я не знаю, есть ли что-нибудь, что бы ты смог сказать, чтобы она почувствовала себя лучше».

«Тогда, что я должен сделать?»

Она посмотрела на меня печально и обняла рукой мое плечо. «Ты действительно любишь ее, не так ли», сказала она.

«Всем своим сердцем».

Я никогда не видел ее настолько грустной. «Что твое сердце говорит тебе делать?»

«Я не знаю».

«Возможно», сказала она мягко, «ты с трудом пробуешь услышать его».

На следующий день я был аккуратней с Джейми, хотя и не очень сильно. Прежде, чем я пришел, я сказал себе, что не буду говорить ничего, что могло бы опустить её настроение — что я буду пробовать говорить с ней, как и прежде — так и случилось. Я сел на ее кушетку и рассказал ей о некоторых из моих друзей, и что они делали; я разыграл ее с успехом баскетбольной команды. Я сказал ей, что я все еще не получил известия с университета Северной Каролины, но что я надеялся, что буду знать ответ в течение следующих нескольких недель. Я сказал ей, что я с нетерпением ждал окончания учебы. Я говорил так, как если бы она вернется в школу на следующей неделе, и я знал, что я казался взволнованным все время. Джейми улыбалась и кивала в нужное время, задавая вопросы, время от времени. Но я думаю, что мы оба знали к тому времени, когда я закончил говорить, что такие разговоры были в последний раз. И из-за этого мы не чувствовали себя хорошо.

Мое сердце говорило мне точно то же самое.

Я сосредоточил свое внимание на Библии снова, в надежде, что она будет вести меня.

«Как ты себя чувствуешь?» спросил я несколько дней спустя.

К настоящему времени Джейми достаточно потеряла в весе. Ее кожа имела немного сероватый оттенок, и кости на ее руках начинали показываться через кожу.

Снова я видел ушибы. Мы были в ее доме в гостиной комнате; холод был достаточно сильным для нее, чтобы вытерпеть его.

Несмотря на все это, она все еще выглядела красивой.

«Со мной все хорошо», сказала она, отважно улыбаясь. «Доктора дали мне немного лекарства от боли, и это, кажется, помогает немного».

Я приходил каждый день. Время, казалось, замедлялось и убыстрялось в то же самое время.

«Я могу что-нибудь достать для тебя?»

«Нет, спасибо, у меня все прекрасно».

Я осмотрел комнату, потом посмотрел снова на нее.

«Я читал Библию», сказал я, наконец.

«Правда?» Ее лицо просияло, напоминая мне об ангеле, которого я видел в пьесе. Я не мог поверить, что прошло только шесть недель.

«Я хотел, чтобы ты знала».

«Я рада, что ты сказал мне».

«Я читал книгу Иова вчера вечером», сказал я, «где Бог испытывал веру Иова».

Она улыбнулась и наклонилась, чтобы приласкать мою руку, ее рука любя торкнулась моей кожи. Чувство было приятным. «Ты должен прочитать кое-что еще. Эта книга не о Боге в одном из Его лучших мгновений».

«Почему Он так поступил с ним?»

«Я не знаю», сказала она.

«Ты когда-либо чувствуешь себя подобно Иову?»

Она улыбнулась, небольшой огонек пробежал в ее глазах. «Иногда».

«Но ты не потеряла веры?»

«Нет». Я знал, что она не потеряла, но я думаю, что я терял свою.

«Потому что ты думаешь, что ты смогла бы поправиться?»

«Нет», сказала она, «потому что это — единственная вещь, которая у меня осталась».

После этого, мы начали читать Библию вместе. Так или иначе, это походило на правильную вещь, но мое сердце, тем не менее, говорило мне, что все еще можно сделать что-то большее.

Ночью я не сплю, задаваясь вопросом об этом.

Чтение Библии дало нам кое-что, чтобы сосредоточиться, и внезапно все начало налаживаться между нами, возможно потому, что я не так волновался о неосторожностях, которые могли оскорбить ее. Что могло быть более правильным, чем чтение Библии? Хотя я и не знал почти столько, сколько знала она, но я думаю, что она оценила это, и иногда, когда мы читали, она ложилась руку на мое колено и просто слушала, как мой голос заполнял комнату.

Другими временами, я сидел около нее на кушетке, смотря в Библию и наблюдая за Джейми из угла моего глаза в то же самое время, и мы читали отрывок или псалом, возможно даже притчу, и я спрашивал ее, что она думала об этом. Она всегда имела ответ, и я кивал, думая об этом.

Иногда она спрашивала меня, о чем я думал, и я отвечал как можно лучше, хотя были моменты, когда я обманывал, и я был уверен, что она видела это. «Ты так считаешь?» она спросила бы, и я тер свой подбородок, и думал об этом перед тем, как ответить еще раз. Иногда, тем не менее, это была и ее ошибка, когда я не мог сконцентрироваться, из-за руки на моем колене и прочего.

Однажды, в пятницу вечером, я пригласил её на обед к себе домой. Моя мама присоединилась к нам, а затем оставила стол и ушла в кабинет так, чтобы мы могли побыть одни.

Было хорошо там, сидя с Джейми, и я знал, что она чувствовала так же. Она не оставляла часто свой дом, и это было хорошим изменением обстановки для нее.

С тех пор как она сказала мне о своей болезни, Джейми прекратила завязывать волосы узлом, и они были столь же ошеломляющими, как и в первый раз, когда я увидел ее с распущенными волосами. Она смотрела на фарфоровый кабинет — моя мама имела один из таких кабинетов с огнями внутри — когда я подошел к ней и взял ее руку.

«Спасибо за то, что пришла ко мне сегодня вечером», сказал я.

Она посмотрела на меня. «Спасибо за приглашение».

Я сделал паузу. «Как держится твой отец?»

Джейми вздохнула. «Не слишком хорошо. Я очень волнуюсь о нем».

«Он очень любит тебя, ты знаешь».

«Знаю».

«И я тоже», сказал я, и когда я сказал, она отвела взгляд. Казалось, то, что я сказал пугало ее снова.

«Ты будешь продолжать приходить ко мне?» спросила она. «Даже позже, ты знаешь когда ...?»

Я сжимал ее руку, не сильно, но достаточно, чтобы она почувствовала, что я подразумевал то, что сказал.

«Пока ты не против, я буду приходить».

«Мы не должны читать больше Библию, если ты не хочешь».

«Да», сказал я мягко, «я думаю, что мы еще почитаем».

Она улыбнулась. «Ты — хороший друг, Лендон. Я не знаю, как бы обошлась без тебя».

Она сжимала мою руку, возвращая мне любезность. Сидя напротив меня, она выглядела сияющей.

«Я люблю тебя, Джейми», сказал я снова, но на сей раз, она не была испугана. Вместо этого наши глаза встретились, и я наблюдал, как она начала сиять. Она вздохнула и отводила

взгляд, поправляя рукой свои волосы, затем повернулась ко мне снова. Я поцеловал ее руку, улыбаясь взамен.

«Я тоже люблю тебя», наконец прошептала она.

Это были так раз те слова, которые я молил услышать.

Я не знаю, сказала ли Джейми Хегберту о своих чувствах ко мне, но так или иначе я сомневался относительно этого, потому что его распорядок дня не изменился вообще. Это была его привычка оставлять дом всякий раз, когда я приходил к ним после школы, и это продолжалось. Я стучал в дверь и слушал, как Хегберт объяснял Джейми, что он уезжает и вернется через несколько часов. «Хорошо, Папа», я всегда слышал, что она говорила так, и тогда ждал, чтобы Хегберт открыл дверь. Как только он впускал меня, он открывал шкаф в прихожей и тихо брал свое пальто и шляпу, застегивал пальто полностью, прежде чем оставить дом. Его пальто было старомодно, черное и длинное, как длинное непромокаемое пальто без застежек, которое было модным ранее в этом столетии. Он редко говорил непосредственно со мной, даже после того, как он узнал, что Джейми и я начали читать Библию вместе.

Хотя ему все еще не нравилось мое пребывание в доме, когда его там не было, он, тем не менее, позволял мне входить. Я знал, что одна из причин имела отношение к тому, что он не хотел, чтобы Джейми переохладилась, сидя на крыльце, а другая альтернатива — было ждать в доме, в то время как я был там. Но я думаю, что Хегберт также нуждался в некотором времени, и это было реальной причиной для его изменения. Он не говорил со мной о правилах дома — я мог видеть их в его глазах в первый раз, когда он сказал, что я мог остаться. Мне разрешали оставаться только в гостиной комнате, и все.

Джейми все еще передвигалась неплохо, хотя зима была никакой. Холодный период был в течение последней части января, и продлился девять дней, сопровождаемых три дня подряд ливнями. Джейми не имела никакого интереса покидать дом в такую погоду, хотя после того, как Хегберт уходил, она и я могли бы побыть на крыльце в течение только нескольких минут, чтобы вдохнуть свежий морской воздух.

Всякий раз, когда мы делали так, я волновался о ней.

В то время как мы читали Библию, люди стучали в дверь, по крайней мере, три раза каждый день. Люди всегда заходили, некоторые с едой, другие просто приходили поздороваться. Даже Эрик и Маргарет приехали, и хотя Джейми не разрешали впускать их, так или иначе, она впустила их, и мы сидели в гостиной комнате и говорили некоторое время, они оба неспособные были встретить ее пристальный взгляд.

Они оба нервничали, и требовалось несколько минут, чтобы, наконец, добраться к сути. Эрик приехал, чтобы извиниться, и он сказал, что он не может вообразить, почему из всех людей это случилось именно с ней. Он также принес кое-что ей, и он поставил конверт на столе дрожащей рукой. Он задыхался, когда говорил, слова выходили из самого сердца, я никогда не слышал, чтобы он так выражался.

«У тебя самое большое сердце из всех, когда-либо встречавшихся мне», сказал он Джейми ломким голосом, «и даже притом, что я принимал это как само собой разумеющееся и не всегда хорошо к тебе относился, я хотел сказать, что я чувствую. Я ни о чем более не буду сожалеть в своей жизни, чем об этом». Он сделал паузу и перевел взгляд в угол. «Ты — лучший человек, которого я, вероятно, когда-либо буду знать».

Когда он пытался противостоять слезам и сопению, Маргарет уже сдалась и сидела, плача на кушетке, неспособная к разговору. Когда Эрик закончил, Джейми вытерла слезы со щеки, встала медленно, и улыбнулась, делая руками жест, который можно было бы назвать только жестом прощения. Наконец, Эрик подошел к ней охотно, начиная плакать открыто, когда она мягко ласкала его волосы, бормоча что-то ему. Оба обнимали друг друга в течение долгого времени, Эрик рыдал, пока у него не закончились силы.

Тогда наступила очередь Маргарет, и она и Джейми сделали точно то же самое.

Когда Эрик и Маргарет были готовы уехать, они надели свои жакеты и посмотрели на Джейми еще раз, как будто хотели запомнить ее навсегда. Я не сомневался, что они хотели

думать о ней, когда она смотрела прямо на них. По-моему она была красива, и я знаю, что они чувствовали то же самое.

«Не сдавайся», сказал Эрик, выходя из двери. «Я буду молиться о тебе, и все другие — тоже». Тогда он посмотрел на меня, протянулся, и похлопал меня по плечу. «Ты также», сказал он, глядя красными глазами. Когда они уехали, я знал, что я никогда не смогу более гордиться ими, чем сейчас.

Позже, когда мы открыли конверт, мы узнали, что сделал Эрик. Не говоря нам, он собрал более 400\$ для приюта.

Я ждал чуда.

Но оно не приходило.

В начале февраля доза пилюль, которые принимала Джейми, была увеличена, чтобы помочь переносить усиленную боль, которую она чувствовала. Более высокие дозировки приводили ее к головокружениям, и дважды она падала, идя в ванную, и однажды, ударились головой об умывальник. Позже она настаивала, чтобы доктора сократили количество ее лекарств, и с нежеланием они так и сделали. Хотя обычно она была в состоянии идти, боль, которую она чувствовала, возрастала, и иногда даже поднятие руки отображалось на её лице.

Лейкемия — болезнь крови, которая течет всюду по телу человека. Буквально не было никакого спасения от этого, пока ее сердце продолжало биться.

Но болезнь ослабила также и остальную часть ее тела, поедая ее мускулы, делая даже простые вещи более трудными. За первую неделю февраля она потеряла шесть фунтов, и скоро прогулка стала трудностью для нее, кроме преодоления коротких расстояний. Конечно, если она могла бы вынести боль, но иногда она не могла. Она возвратилась к пилюлям снова, соглашаясь на головокружение вместо боли.

Тем не менее, мы продолжали читать Библию.

Всякий раз, когда я посещал Джейми, я находил ее на кушетке с открытой Библией, и я знал, что, в конечном счете, ее отец должен был перенести ее туда, если бы мы хотели продолжать читать. Хотя она никогда не говорила ничего мне об этом, мы знали точно, что это означало.

Мне не хватало времени, и мое сердце все еще говорило мне, что можно было сделать кое-что большее.

14 февраля, день святого Валентина, Джейми выбрала послание к Коринфянам, которое означало многое для нее. Она сказала мне, что, если бы у неё когда-либо был шанс, то она бы хотела, чтобы это послание было прочитано на ее свадьбе. Вот, что здесь сказано:

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Джейми была истинной сущностью этого самого описания.

Три дня спустя, когда немного потеплело, я показал ей кое-что замечательное, кое-что, о чем я сомневался, что она когда-либо видела прежде, кое-что, что я знал, что она захочет увидеть.

Восточная Северная Каролина — красивая и особенная часть страны, благословенная умеренной погодой и, главным образом, замечательной географией. Нигде это так не очевидно, как на острове Бьюг Бенкс, который находится прямо возле побережья, около места, где мы выросли. Двадцать четыре мили длиной и почти одна миля шириной, этот остров — счастливая случайность природы, простертый с востока на запад, захвативший береговую линию на расстоянии пол мили от берега. Те, кто там живет, могут засвидетельствовать захватывающие восходы солнца и закаты каждый день года над просторами могущественного Атлантического океана.

Джейми была сильно укутана, стояла около меня на краю Пароходного Железного Пирса, когда наступал этот прекрасный южный вечер. Я показал ей место и сказал подождать. Я мог видеть наши дыхания, два ее и одно мое.

Я должен был поддерживать Джейми, когда мы стояли там — она казалась легче, чем листья дерева, которые упали осенью — но я знал, что это будет того стоить.

Вовремя пылающая, покрытая кратерами луна начала восходить с моря, бросая призму света поперек медленно темнеющей воды, разделяясь на тысячу других частей, более красивых, чем предыдущие. Точно, в тот же самый момент, солнце достигло горизонта в противоположном направлении, превращая небо в красно-оранжево-желтое, как будто небеса выше внезапно открыли свои врата и позволили всей своей красоте сбежать с их святых границ. Океан превращался в золото-серебряный, когда изменяющиеся цвета отражались от него из-за легкого колебания вод и искрились разными огнями, — это было великолепное видение, почти как в прежние времена. Солнце продолжало садиться, бросая свое зарево, насколько мог увидеть глаз, наконец, медленно исчезая ниже волн. Луна продолжала свой медленный дрейф вверх, мерцая, что способствовало появлению тысячу различных оттенков желтого, каждый бледнее, чем предыдущий, прежде чем, наконец, стать такого же цвета, как и звезды.

Джейми наблюдала за всем этим в тишине, моя рука крепко обхватила ее, дыхание ее было поверхностным и слабым. Когда небо, наконец, стало опять черным, и первые мерцающие огни начали появляться в отдаленном южном небе, я обхватил ее руками. Я мягко поцеловал ее в обе щеки, а затем, наконец, и в губы.

«Это», сказал я, «является точно тем же, что я чувствую к тебе».

Неделю спустя, поездки Джейми в больницу стали более регулярными, хотя она и настаивала, что не хотела остаться там на ночь. «Я хочу умереть дома», было все, что она сказала. Так как доктора не могли сделать ничего для нее, они не имели никакого выбора, кроме как принять ее пожелания.

По крайней мере, в данное время.

«Я думал о прошлых нескольких месяцах», сказал я ей.

Мы сидели в гостиной комнате, держась за руки, когда читали Библию. Ее лицо становилось более тонким, ее волосы начинали терять свой блеск. Все же ее глаза, те мягкие синие глаза, были столь же прекрасны, как и всегда.

Не думаю, что я когда-либо видел кого-то, настолько же красивого как она.

«Я также думала о них», сказала она.

«Ты же знаешь, что с первого дня в классе мисс Гарбер я собирался играть в пьесе, не так ли. Когда ты посмотрела на меня и улыбнулась?»

Она кивала. «Да».

«И когда я пригласил тебя на танцы, ты заставила меня пообещать, что я не влюблюсь в тебя, но ты знала, что я влюблюсь, не так ли?»

Свет отразился в ее глазу. «Да».

«Как ты узнала?»

Она пожала плечами без ответа, и мы сидели вместе в течение нескольких мгновений, наблюдая за дождем, который барабанил в окна.

«Когда я сказала тебе, что я молилась о тебе», сказала она, наконец, мне, «как ты думал, о чем я говорила?»

Прогрессия ее болезни продолжалась, убыстряясь, когда приблизился март. Она принимала больше лекарства от боли, и она чувствовала себя плохо, когда принимала пищу, из-за боли в животе. Она становилась слабой, и было похоже на то, что она должна будет лечь в больницу, несмотря на ее пожелания.

Именно моя мать и отец изменили все это.

Мой отец возвращался домой из Вашингтона, поспешно уезжая, хотя сессия конгресса продолжалась. Очевидно, моя мать позвонила ему и сказала, что если он не приедет домой немедленно, он может оставаться в Вашингтоне навсегда.

Когда моя мать сказала ему, что случилось, мой отец ответил, что Хегберт никогда не примет его помощи, что раны были слишком глубоки, и что уже слишком поздно делать что-нибудь.

«Это не связано с твоей семьей, или с Преподобным Саливаном, или с тем, что случилось в прошлом», сказала она ему, не принимая его ответ. «Это связано с нашим сыном, который любит маленькую девочку, которая нуждается в нашей помощи. И ты найдешь способ помочь ей».

Я не знаю то, что мой отец сказал Хегберту, или какие обещания он должен был сделать, или сколько все это, в конечном счете, стоило. Все, что я знаю, — то, что Джейми была скоро окружена дорогим оборудованием, была снабжена всеми лекарствами, в которых она нуждалась, и была под полным наблюдением двух медсестер, в то время как доктор осматривал её несколько раз в день.

Джейми могла остаться дома.

Той ночью я плакал на плече своего отца, впервые в жизни.

«Есть какие-нибудь жалобы?» спросил я ее. Она была в своей кровати под покрывалом, трубка в ее руке, питала её лекарствами, в которых она нуждалась. Ее лицо было бледно, ее тело весило не больше перышка. Она могла с трудом ходить, и когда она шла, её нужно было поддерживать.

«У нас всех они есть, Лендон», сказала она, «но я прожила замечательную жизнь».

«Как ты можешь такое говорить?» выкрикнул я, неспособный скрыть свою боль. «Из всех людей это случилось с тобой».

Она слабо сжимала мою руку, улыбаясь нежно ко мне.

«Это», она признала, осматривая комнату, «могло быть и лучшим».

Несмотря на мои слезы, я засмеялся, затем немедленно почувствовал вину за то, что сделал так. Я должен был поддержать ее, а не наоборот. Джейми продолжала.

«Но кроме этого, я была счастлива, Лендон. Правда. У меня был особенный отец, который рассказал мне о Боге. Я могу оглянуться в прошлое и увидеть, что я, возможно, могла помочь большему числу людей». Она сделала паузу и встретилась с моими глазами.

«Я даже влюбилась и сделала так, чтобы кто-то любил и меня».

Я поцеловал ее руку, когда она сказала это, затем приложил её к своей щеке.

«Это не справедливо», сказал я.

Она не отвечала.

«Ты все еще боишься?» спросил я.

«Да».

«Я тоже боюсь», сказал я.

«Я знаю. И сожалею».

«Что я могу сделать?» спросил я отчаянно. «Я не знаю того, что я еще могу сделать».

«Ты будешь читать мне?»

Я кивал, хотя я не знал, буду ли я в состоянии читать следующую страницу без остановок.

Пожалуйста, Господи, скажи мне, что делать!

«Мама?» сказал я позже той ночью.

«Да?»

Мы сидели на диване в кабинете, огонь сверкал перед нами. Ранее в этот день Джейми заснула, в то время как я читал ей, и, зная, что она нуждалась в отдыхе, я выскользнул из ее комнаты. Но прежде, чем я сделал это, я поцеловал ее мягко в щеку. Это было безопасно, но Хегберт вошел, когда я так делал, и я видел противоречивые эмоции в его глазах. Он смотрел на меня, зная, что я любил его дочь, но, также зная, что я нарушил одно из правил его дома, даже неслуханное. Если бы она была здорова, я знаю, что он никогда бы не позволил мне зайти в дом опять. Когда это случилось, я направился к двери.

Я не мог обвинить его. Я познал, что проведение времени с Джейми иссушали мои силы и я не чувствовал себя обиженным из-за его поведения. Если Джейми и научила меня

чему-то за эти прошлые несколько месяцев, то это было тем, что она показала мне, что именно по действиям — не мыслям или намерениям — можно оценивать людей, и я знал, что Хегберт позволит мне прийти на следующий день. Я думал обо всем этом, когда я сидел рядом с моей мамой на диване.

«Ты думаешь, что мы имеем цель в жизни?» спросил я.

Это был первый раз, когда я задал ей такой вопрос, но сейчас были необычные времена.

«Я не уверена, что я понимаю то, о чем ты спрашиваешь», сказала она, хмурясь.

«Я подразумеваю — как ты знаешь, что ты должна сделать?»

«Ты спрашиваешь меня о проведении времени с Джейми?»

Я кивал, хотя я все еще смущался. «Да. Я знаю, что я делаю правильную вещь, но ... чего-то не хватает. Я провожу время с ней, и мы говорим и читаем Библию, но...»

Я сделал паузу, и моя мать закончила мою мысль для меня.

«Ты думаешь, что должен сделать больше?»

Я кивал.

«Я не знаю, есть ли что-нибудь более того, что ты можешь сделать, солнышко», сказала она мягко.

«Тогда, почему я чувствую, что могу?»

Она придвинулась поближе, и мы наблюдали огонь вместе.

«Я думаю, что это — потому что ты испуган, и ты чувствуешь себя беспомощным, и даже притом, что ты пробуешь, вещи продолжают становиться все труднее и труднее для вас обоих. И чем больше ты пробуешь, тем более безнадежными кажутся вещи».

«Есть ли какой-нибудь способ прекратить чувствовать так?»

Она обняла меня рукой и притянула поближе. «Нет», сказала она мягко.

На следующий день Джейми не могла встать с кровати. Так как она была слишком слаба теперь, чтобы даже идти с поддержкой, мы читали Библию в ее комнате.

Она заснула в течение пары минут.

Прошла другая неделя, и Джейми становилось постоянно хуже, ее тело ослабевало.

Прикованная к постели, она выглядела меньшей, почти снова как маленькая девочка.

«Джейми», умолял я, «что я могу сделать для тебя?»

Джейми, моя сладкая Джейми, спала в течение многих часов теперь, даже когда я говорил с нею. Она не реагировала на звук моего голоса; ее дыхание было быстрым и слабым.

Я сидел около кровати и наблюдал за нею в течение долгого времени, думая, как сильно я люблю ее. Я держал ее руку возле своего сердца, чувствуя костлявость ее пальцев.

Часть меня хотела плакать прямо здесь, но вместо этого я положил её руку назад, и повернулся лицом к окну.

Почему, задавался я вопросом, мой мир внезапно развалился? Почему все это случилось с ней? Я задавался вопросом, было ли в том, что случилось большой урок. Было ли это, как говорила Джейми, просто часть плана Бога?

Бог хотел, чтобы я влюбился в нее? Или это произошло по моей собственной воле? Чем дольше Джейми спала, тем больше я чувствовал ее присутствие около себя, все же ответы на эти вопросы были не более ясны, чем и прежде.

На улице закончился утренний дождь. Это был мрачный день, но теперь поздний солнечный свет прорывался через облака. В прохладном весеннем воздухе я видел первые признаки того, что оживает природа. Деревья снаружи расцветали, листья ждали нужный момент, чтобы раскрутиться и открыться к еще одному летнему сезону.

На тумбочке у ее кровати я видел коллекцию вещей, которые Джейми очень ценила. Здесь были фотографии ее отца, который держал Джейми еще маленьким ребенком и они стояли вне учебного помещения в ее первый день учебы в детском саду; было собрание карточек, которые прислали дети приюта. Вздыхая, я подошел к ним и открыл карточку на вершине кучки.

Написано было мелким почерком и очень просто: Пожалуйста, скоро поправьтесь. Я тоскую без Вас.

Было подписано Лидией, девочкой, которая заснула на коленях Джейми в Канун Рождества.

Вторая карточка выражала те же самые чувства, но что действительно бросилось в глаза, — была картина, которую малыш Роджер нарисовал. Он нарисовал птицу, взлетающую выше радуги.

Задыхаясь от волнения, я закрыл карточку. Я не мог больше просматривать их, и когда я положил кучку назад, туда, где она была прежде, я заметил газетную вырезку, рядом с ее стаканом. Я подошел к статье и увидел, что она была о пьесе, изданная в воскресной газете в день после того, как мы выступили. Выше текста, я увидел фотографию, единственную когда-либо сделанную, на которой мы присутствовали вдвоем.

Это, казалось, было так давно. Я поднес статью ближе к глазам. Когда я смотрел, я вспомнил то, что чувствовал, когда видел ее той ночью. Глядя близко на ее образ, я искал любой признак, который показал бы, что она подозревала о том, что должно будет произойти. Я знал, что она подозревала, но ее выражение той ночью не показывало этого. Вместо этого, я увидел только сияющее счастье. Я вздохнул и отложил вырезку.

Библия все еще лежала открытой там, где я закончил её читать, и хотя Джейми спала, я чувствовал потребность почитать еще. В конечном счете, я натолкнулся на другой отрывок:

Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви.

Слова заставили меня задышаться снова, и так, как я уже собирался заплакать, значение их внезапно стало ясным.

Господь, наконец, ответил мне, и я внезапно понял то, что я должен был сделать.

Я, возможно, не добрался бы к церкви быстрее, даже если бы у меня была машина. Я использовал любые короткие пути, какие мог, мчась через задние дворы людей, перепрыгивая через заборы, и в одном случае, сократил путь через чей-то гараж и боковую дверь. Все, что я знал о городе переросло в действие, и хотя я никогда не был особенно хорошим атлетом, в этот день меня не возможно было остановить, движимый тем, что я должен был сделать.

Я не заботился, как я выглядел, когда я добрался, потому что я подозревал, что Хегберту это не будет интересно, также. Когда я, наконец, вошел в церковь, я замедлил ходьбу, пробуя отдышаться, когда я был возле его офиса.

Хегберт поднял глаза, когда увидел меня, и я знал, почему он был здесь. Он не предложил мне войти, он просто отвел взгляд, назад к окну. Дома он имел дело с ее болезнью, убирая тщательно дом. Здесь, тем не менее, газеты были разбросаны поперек стола, и книги валялись по комнате, как будто никто не убирал здесь в течение многих недель. Я знал, что это было местом, где он думал о Джейми; это было местом, куда Хегберт приходил, чтобы плакать.

«Преподобный?» сказал я мягко.

Он не отвечал, но я все же вошел.

«Я хотел бы остаться один», заворчал он.

Он выглядел старым и избитым, столь же утомленным как Израильтяне, описанные в Псалмах Давида. Его лицо было искажено, и его волосы поредели с декабря. Возможно, даже больше чем я, он должен был поддерживать себя на высоком уровне возле Джейми, и напряжение из-за этого так утомляло его.

Я прошел прямо к его столу, и он поглядел на меня перед тем, как опять отвернуться к окну.

«Пожалуйста», сказал он мне. Тон его голоса был умоляющим, как если бы у него не было сил, чтобы противостоять даже мне.

«Я хотел бы говорить с Вами», сказал я твердо. «Я не просил бы, если бы это не было очень важно».

Хегберт вздыхал, и я сел на стул, на котором сидел прежде, когда я просил его позволить мне пригласить Джейми на канун нового года.

Он слушал, когда я сказал ему, что было у меня на уме.

Когда я закончил, Хегберт повернулся ко мне. Я не знаю то, о чем он думал, но к счастью, он не сказал нет. Вместо этого он вытер глаза пальцами и повернулся к окну.

Даже он, я думаю, был слишком потрясен, чтобы что-то сказать.

Снова я бежал, снова я не утомлялся, моя цель давала мне силу, я должен был идти. Когда я добрался к дому Джейми, я влетел в дверь без стука, и медсестра, которая была в ее спальне, вышла, чтобы увидеть, что вызвало шум.

Прежде, чем она смогла говорить, я сказал.

«Она проснулась?» спросил я, эйфористически и испуганно в то же самое время.

«Да», осторожно сказала медсестра. «Когда она проснулась, то интересовалась, где Вы находились».

Я принес извинения за мой растрепанный вид и поблагодарил ее, затем попросил, не будет ли она возражать оставить нас наедине. Я вошел в комнату Джейми, частично закрывая дверь позади себя. Она была очень бледна, но ее улыбка сообщила мне, что она все еще боролась.

«Привет, Лендон», сказала она слабым голосом, «благодарю тебя за возвращение».

Я взял стул и сел рядом с ней, взяв ее руку. Видя ее лежащей там, заставило кое-что напрячься глубоко в моем животе, почти заставляя меня плакать.

«Я был здесь раньше, но ты спала», сказал я.

«Я знаю... Я сожалею. Кажется, я просто уже не могу ничего с этим поделать».

«Все нормально, правда».

Она приподняла руку немного от кровати, и я поцеловал её, затем наклонился вперед и поцеловал ее также в щеку.

«Ты любишь меня?» спросил я ее.

Она улыбнулась. «Да».

«Ты хочешь, чтобы я был счастливым?» Когда я спросил ее это, я почувствовал, что мое сердце начало биться быстрее.

«Да».

«Тогда ты сделаешь кое-что для меня?»

Она отвела взгляд, печаль пересекла черты её лица. «Я не знаю, смогу ли я», сказала она.

«Но если бы ты смогла, сделала бы?»

Я не могу соответственно описать силу чувств, которые испытывал я в тот момент.

Любовь, гнев, печаль, надежда, и опасение, кружились вместе, обострённые нервозностью — это и было тем, что я чувствовал. Джейми смотрела на меня любопытно, и мое дыхание стало поверхностным. Внезапно я понял, что у меня никогда не было настолько сильных чувств к другому человеку, какие я имел в тот момент. Когда я поймал ее пристальный взгляд, это простое понимание заставило меня желать миллионного раза, когда я мог заставить все это уйти. Если бы это было возможно, я бы продал себя ради неё. Я хотел сказать ей о своих мыслях, но звук ее голоса внезапно заставил мои эмоции замолчать.

«Да», наконец, сказала она все тем же слабым голосом, но все еще полного обещаний. «Я сделаю».

Наконец, возвращая контроль над собой, я поцеловал ее снова, затем приблизил свою руку к ее лицу, мягко водя пальцами по ее щеке. Я поразился мягкости ее кожи, и нежности, которую я видел в ее глазах. Даже теперь она была прекрасна.

Мое горло начало напрягаться снова, но как я и сказал, я знал то, что должен был сделать. Так как я должен был признать, что не в моей власти вылечить ее, потому я и хотел сделать то, что она всегда хотела.

Это было тем, что мое сердце говорило мне сделать все время.

Джейми, я понял уже тогда, дала мне ответ, который я искал, тот, в котором

нуждалось мое сердце. Она сказала мне ответ, когда мы сидели вне офиса г. Дженкинса, в ту ночь, когда мы предложили пьесу.

Я улыбнулся мягко, и она возвратила мою привязанность небольшим сжатием моей руки, как будто доверяя мне в том, что я собирался сделать. Поощренный, я наклонился ближе и глубоко вдохнул. Когда я выдыхал, слова сами исходили с моим дыханием.

«Ты выйдешь за меня?»

Глава тринадцатая

Когда мне было семнадцать, моя жизнь изменилась навсегда.

Когда я иду улицами Бьюфорта сорок лет спустя, вспоминая тот год моей жизни, я помню все так ясно, как будто это все еще находилось перед моими глазами.

Я помню Джейми, говорящая да моему, затаившему дыхание, вопросу и как мы начали плакать вместе. Я помню, как говорил и с Хегбертом и с моими родителями, объясняя им, что я должен был сделать. Они думали, что я делал это только для Джейми, и все они втроем пробовали отговорить меня от этого, особенно когда они все поняли.

Джейми сказала да. То, чего они не понимали, и я должен был ясно дать им понять, было то, что я должен был сделать это для себя.

Я любил ее, так сильно, что меня не волновало, была ли она больна. Я не волновался, что времени у нас осталось немного. Ни одна из тех вещей не имела значение для меня. Все, о чем я волновался — сделать то, что говорило мне мое сердце, и это было правильно. По моему это было впервые, когда Бог когда-либо говорил непосредственно со мной, и я знал с уверенностью, что я не собирался противиться.

Я знаю, что некоторые из Вас могут задаться вопросом, делал ли я это из жалости. Некоторые, из более циничных, могут даже задаться вопросом, сделал ли я это, потому что ей оставалось немного, но так или иначе, я не предавал этому большого значения. Ответ на оба вопроса — нет. Я женился бы на Джейми Саливан независимо оттого, что случилось бы в будущем. Я женился бы на Джейми Саливан, если бы чудо, о котором я молился, внезапно произошло. Я знал это в тот момент, когда спрашивал ее, и я все еще знаю это сегодня.

Джейми была больше, чем просто женщиной, которую я любил. В том году Джейми помогла мне стать человеком, которым я есть сегодня. Своей устойчивой рукой она показала мне, как важно было помочь другим; с терпением и добротой она показала мне, что такое жизнь. Ее жизнерадостность и оптимизм, даже во времена болезни, были самой удивительной вещью, которую я когда-либо видел.

Мы были обвенчаны Хегбертом в Баптистской церкви, мой отец стоял около меня как шафер. Это было другой вещью, которую она сделала. На Юге есть традиция, чтобы ваш отец находился около Вас, но для меня — это традиция, которая не имела бы большого значения, если бы Джейми не появилась в моей жизни. Джейми примирила моего отца и меня снова; так или иначе она также сумела излечить некоторые из ран между нашими двумя семьями. После того, что он сделал для меня и для Джейми, я, наконец, понял, что мой отец был тем, на кого я мог всегда рассчитывать, и с течением времени, наши отношения устойчиво становились все более сильными до его смерти.

Джейми также показала мне цену прощения и что с её помощью может происходить. Я понял это в тот день, когда Эрик и Маргарет приехали в ее дом.

Джейми не высказала никаких недовольств. Джейми вела свою жизнь так, как учила Библия.

Джейми не была просто ангелом, который спас Тома Торнтон, она была ангелом, который спас нас всех.

Как она и хотела, церковь была заполнена людьми. Более чем двести гостей были внутри, и еще больше ждали снаружи, когда мы венчались 12 марта 1959. Из-за того, что мы обвенчались сразу же, не было времени делать много приготовлений, люди выходили с домов, чтобы сделать этот день настолько особенным, как они могли, просто для того, чтобы

нас поддержать. Я видел всех, кого знал — мисс Гарбер, Эрика, Маргарет, Эдди, Салли, Кери, Анжелу, и даже Лью с его бабушкой — и не было скучающих в доме, когда заиграла музыка. Хотя Джейми была слаба и не вставала с кровати в течение двух недель, она настаивала на том, чтобы пройти между рядами в церкви, чтобы ее отец мог выдать её. «Это очень важно для меня, Лендон», сказала она. «Это — часть моей мечты, помнишь?» Хотя я полагал, что это будет невозможно, я просто кивал. Я не мог не восхищаться ее верой.

Я знал, что она планировала надеть платье, в котором она была в Театре в вечер пьесы. Это было единственное белое платье, которое можно было быстро достать, хотя я и знал, что оно будет на ней более свободным, чем прежде. В то время как я задавался вопросом, как Джейми будет смотреться в платье, мой отец положил руку на мое плечо, когда мы стояли перед общиной.

«Я горжусь тобой, сын».

Я кивал. «Я горжусь тобой также, папа».

Это был первый раз, когда я говорил ему такие слова.

Моя мама была в переднем ряду, вытирая глаза платком, когда заиграли «Свадебный марш». Двери открылись, и я увидел Джейми, сидящую на инвалидном кресле, и медсестру возле неё. Со всей силой, которая у неё осталась, Джейми стояла шатко, и ее отец поддерживал ее. Когда Джейми и Хегберт медленно пошли через проход, все в церкви сидели тихо в удивлении. Казалось, что на полпути Джейми внезапно утомилась, и они остановились, чтобы она отдышалась. Ее глаза закрылись, и на мгновение я думал, что она не сможет продолжить. Я знаю, что прошло не больше, чем десять или двенадцать секунд, но это показалось намного более длинным, и, наконец, она слегка кивнула. Джейми и Хегберт начали двигаться снова, и я почувствовал волну гордости, приходящую от сердца.

Бывало, я размышлял, что это была самая трудная прогулка, которую кто-либо когда-либо делал.

В любом случае, забываемая прогулка.

Медсестра катила инвалидное кресло, Джейми и ее отец шли ко мне. Когда она, наконец, подошла ко мне, вокруг была такая радость, что каждый спонтанно начал хлопать. Медсестра подкатила инвалидное кресло, и Джейми села снова, будучи истощенной. С улыбкой я стал на колени так, чтобы быть на уровне с ней. Мой отец тогда сделал то же самое.

Хегберт, после того, как поцеловал Джейми в щеку, открыл Библию, чтобы начать церемонию. Когда она началась, он, казалось, оставил роль отца Джейми и стал кое-чем более отдаленным, так он мог контролировать свои эмоции. Все же я мог видеть, что он боролся, когда стоял перед нами. Он взгромоздил очки на свой нос и открыл Библию, затем посмотрел на Джейми и меня. Хегберт возвышался над нами, и я мог сказать, что он не ожидал того, что мы были настолько низкими. На мгновение он стоял перед нами, почти смущенный, потом неожиданно решил также стать на колени. Джейми улыбнулась и взяла его за свободную руку, затем взяла мою, соединяя нас.

Хегберт начал церемонию традиционным способом, затем прочитал отрывок из Библии, которую Джейми когда-то указала мне. Зная, насколько слабой она была, я думал, что он сделает так, чтобы мы произнесли обет сразу же, но еще раз Хегберт удивил меня.

Он посмотрел на Джейми и меня, тогда на общину, тогда на нас снова, как будто ища правильные слова.

Он прокашлялся, и его голос повысился так, чтобы каждый мог услышать это. Вот что он сказал:

«Как отец, я должен отдать мою дочь, но я не уверен, что я в состоянии сделать это».

Община затихла, и Хегберт кивал мне, желая, чтобы я проявил терпение. Джейми сжимала мою руку, поддерживая меня.

«Я не могу отдать Джейми так же, как и не могу отдать свое сердце. Но то, что я могу сделать — позволить другому разделить радость, которую она всегда давала мне. Да благословит вас Господь Бог».

Именно тогда он отложил Библию. Он наклонился, подавая мне свою руку, и я взял её, заканчивая круг.

С этим он вел нас через наши обеты. Мой отец вручил мне кольцо, которое моя мать помогла мне выбирать, и Джейми также дала мне кольцо. Мы надели их на наши пальцы. Хегберт наблюдал, как мы это делали, и когда мы были, наконец, готовы, он объявил нас мужем и женой. Я поцеловал Джейми мягко, и моя мать начала плакать, затем взял Джейми за руку. Перед Богом и всеми остальными, я обещал свою любовь и преданность, в болезни и в здоровье, и я никогда не чувствовал себя так хорошо.

Это был, я помню, самый замечательный момент моей жизни.

Прошло сорок лет, и я могу еще помнить все, что произошло в тот день.

Я могу быть старше и мудрее, я, возможно, жил другой жизнью с тех пор, но я знаю, что, когда мое время, в конечном счете, закончится, воспоминания о том дне будут заключительными образами, которые пройдут через мое сознание. Я все еще люблю ее, понимаете, и я никогда не снимал свое кольцо. Все эти годы я никогда не имел желание сделать так.

Я дышу глубоко, вдыхая свежий весенний воздух. Хотя Бьюфорт изменился, и я изменился, сам воздух остался прежним. Это — все еще воздух моего детства, воздух моего семнадцатого года, и когда я, наконец, выдыхаю, мне снова пятьдесят семь. Но ничего страшного. Я слегка улыбаюсь, смотря на небо, зная, что есть одна вещь, которую я все еще не сказал Вам: теперь я верю, что чудеса случаются.